

БИБЛИОТЕКА С
ЖУРНАЛА

Дмитрий ЕВДОКИМОВ

Восвoдa

Исторический роман

Восвобода

ГЛАВНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
СОВЕТСКОЙ АРМИИ
И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА
1990

Основана в 1942 году
Выходит один раз в месяц
© «Советский воин», 1990

Часть первая

ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ ГОЛОД

Дьяк Посольского приказа Афанасий Иванович Власев возвращался после долгого заграничного вояжа на родину. Отбыл он из Москвы по секретному царскому указу еще в июне прошлого, 1599 года. Из-за беспокойствия в Ливонии, где шли непрерывные стычки из-за обладания этой злополучной землей между вооруженными отрядами короля польского Сигизмунда III и его дяди, правителя шведского, будущего Карла IX, Власев вынужден был добираться в Европу кружным путем, через Архангельск, морем вдоль норвежских и датских берегов, а затем по Эльбе.

В Гамбурге его ждал радушный прием тамошних бургомистров и богатых купцов, желающих иметь привилегии в торговле с Московией. Дьяк охотно обещал, рассказывал, что новый царь мудр, богат и щедр, при восшествии на престол выплатил всем служилым людям по три оклада: один — в память о покойном царе Федоре, второй — для укрепления своего царствования и третий — обычный годовой. По всей земле не велел брать податей, торжественно объявив, что все обширное строительство по украшению и укреплению городов будет вести за счет царской казны.

А особо жалует государь иноземных людей, распространялся далее дьяк. Пленных немцев лифляндских и литву, находившихся в ссылке во время войны с Польшей, вернул в Москву, а тех, кто захотел служить, взял в службу, назначил поместья и жалованье. Торговым людям немцам повелел дать по тысяче, иным — по две тысячи рублей, и многих пожаловал званием гостя.

Весть о том, что царь Борис охотно берет в службу иностранцев самых разных национальностей и хорошо платит, распространилась так быстро, что к моменту отъезда Власева в Прагу поезд его значительно увеличился. За его колымагой, отделанной серебром, следовали верхом на смирных мерилах новый царский лекарь (шестой по счету) Каспар Фидлер со своим братом Константином, студент Лейпцигского университета, препо-

даватель немецкого и латинского Мартин Бер, пятнадцатилетний ученик купца Исаак Масса...

Из Праги пришлось ехать в Пильзен, где императорский двор укрывался от очередной чумы. Власьев был вправе рассчитывать на хороший прием римского цесаря Рудольфа, благо, что в прошлый свой визит привозил в подарок от покойного царя Федора для вспоможения в борьбе с турками драгоценные русские меха на сумму 400 тысяч рублей. Но Рудольф, за прошедшие пять лет окончательно увлекшийся алхимией и поисками эликсира жизни, аудиенцию дал короткую и больше интересовался коллекцией драгоценностей Ивана Грозного да его посохом, сделанным из цельного рога редчайшего зверя — единорога, якобы обладающего исключительной целебной силой. Переговоры пришлось вести с канцлером, который легко разгадал цель визита Власьева — столкнуть Римскую империю с Польшей под предлогом, что Россия якобы готова оказать помощь цесарю для борьбы с Османской империей, но поляки не пропускают русские войска через свою территорию. Канцлер с министрами ответил весьма любезно, но непреклонно — воевать с Польшей они не будут, и что, хотя поляки действительно недруги австрийского дома, цесарь любит короля Сигизмунда. Короче, довольно прозрачно намекнули, что между империей и Польшей возник союз, что забыли австрийцы прежнюю обиду за брата цесаря Максимилиана, боровшегося за престол с Сигизмундом и плененным коварным шведом.

Несолоно хлебавши, отправился дьяк в Краков для переговоров с польским королем. Сигизмунд III, из королевского шведского рода Ваза, все свои помыслы в это время устремил на борьбу за шведскую корону, которую нагло, на его взгляд, узурпировал его родной дядя Карл Зюндерманландский. Боевые действия в Ливонии шли с переменным успехом, и Сигизмунд не скрывал, что был бы рад видеть в России не врага, а союзника. Решено было, что в Москву выедет великое королевское посольство во главе с великим канцлером Литовским Львом Ивановичем Сапегой для заключения мирного договора.

В Праге, Кракове поезд Власьева еще больше увеличился за счет бравых вояк — французов, англичан, шотландцев, немцев, которые выразили готовность предоставить свои шпаги к услугам русского царя, соответственно за хорошую плату.

Власьев глянул в слюдяное окно в задней стенке колымаги: вот они гарцуют на своих конях, вид несколько пообтрепанный, но, безусловно, воинственный. Царь будет доволен: один капитан Маржерет чего стоит. Он сам рассказывал дьяку, что в Трансильвании в одиночку схватился с целой сотней турецких воинов! Даже если и соврал наполовину, то все равно удалец отменный.

Кучер, сидевший на лошади, резко натянул узду:

— Тпру!

Власьев приоткрыл дверцу колымаги:

— Чего стал?

— Граница, боярин! Переправляться через реку будем!

Дьяк осторожно сошел на землю, поддерживаемый слугами, что шли все это время рядом с колымагой. Нетерпеливо постукивая коротким, но на высоком каблуке сапожком из золоченого сафьяна, Афанасий Иванович наблюдал, как холопы ухватисто сколачивают плиты будущего моста, поскольку старый унесло весенним паводком.

Возле дьяка, чуть поодаль, спешили иноземцы. К нему подошел капитан Маржерет, или Маржере, как называл он себя с французским произношением. Сняв широкополую шляпу с петушиным пером и махнув ею в полупоклоне, капитан обратился на ломаном немецком:

— Правду ли говорят, что перед нами уже Московия?

— Это Русь, Россия, — сердито поправил его, тоже на немецком, Афанасий Иванович. — Московия — это небольшая область вокруг Москвы. У вас часто по ошибке русских называют москвитами. Это все равно что у вас всех французов парижанами. Понятно говорю?

— Йа, йа, — закивал Маржере, впиваясь взглядом в простершиеся перед ним леса.

В этот солнечный майский день от них исходило светло-зеленое сияние.

— Так много леса! — воскликнул он изумленно. — Сколько дичи, зверья должно быть здесь!

— Хватает, — улыбнулся Власьев. — И дичи, и зверья. Особенно волков да медведей! Не боишься?

— О-о! — возмущился капитан, хватаясь за шпагу. — Жак де Маржере не боится даже встретиться со львом!

— Что ж, увидим, — опять улыбнулся Власьев. — Случай вполне может представиться. Любимая царская

забава — глядеть на единоборство ловчих с медведем. Храбрецов царь жалует щедро...

Слуги тем временем принесли из обоза скамейку, обитую красным сукном, отороченным по краям серебряным шитьем. Дьяк грузно сел, а старший слуга налил из сулейки¹, висевшей на серебряной цепочке у него на шее, ковш прозрачного меда и с поклоном подал Вла-сьеву.

Маржере, чтобы не мешать, отступил на несколько шагов и, увидев, что дьяк, вкушая прохладный напиток, не склонен продолжать далее беседу, повернул к своим ландскнехтам.

Они расположились чуть поодаль весьма живописной группой — кто стоял, кто улегся на весенней травке, подстеливши издавший виды плащ, а кто предпочел остаться в седле, поскольку для большинства из них езда верхом была наиболее привычным состоянием в жизни. Это были, что и говорить, славные ребята, рыцари без страха и упрека, всегда готовые прийти на помощь тому, кто, естественно, больше заплатит. Несмотря на благородное происхождение большинства этих «рыцарей», не брезговали они в случае необходимости и разбоем. Впрочем, в то замечательное время война и разбой мало чем отличались друг от друга: в том и другом случае больше всего страдало ни в чем не повинное мирное население.

— Что узнал нового, Якоб? — спросил Маржере краснощекий шотландец Роберт Думбар, говоривший, как и все ландскнехты, на чудовищной смеси языков, которые все перепутались у них в головах за время скитаний по Европе в поисках наживы. — Скоро мы получим звонкие русские монеты?

Думбар прочно, как в кресле, сидел на рослом, как раз подходящем ему по весу, голландском битюге и многозначительно подбрасывал в огромной ручище пустой кожаный кошелек.

Маржере широко улыбнулся, продемонстрировал ряд желтоватых, но еще крепких зубов.

— Что, спешишь расплатиться с той паненкой, с которой возился вчера вечером в стог соломы у трактира? — насмешливо произнес он.

Вся ватага загоготала, а Думбар с показным благо-

¹ Сулейка — старинная фляга.

честием сложил ладони под пышным двойным подбородком:

— Видит бог, я отдал этой прекрасной даме свой последний талер.

И в знак доказательства он снова подбросил пустой кошель.

— Брось трепаться! — воскликнул, хохоча, англичанин Давид Гилберт. — Ты же свой последний талер пропил еще в Ливорно! Так что ничего не досталось бедной шлюхе, кроме твоих пощечин!

Думбар, выпучив глаза, схватился за шпагу:

— Как ты смеешь оскорблять прекрасную даму!

Гилберт в ответ тоже потянул шпагу из ножен.

— А ну, прекратите, — свирепо прорычал Маржере. — Нас и так мало, не хватает еще трупов. К тому же вы знаете, поединки в России строжайше запрещены, даже между иностранцами! Наш дьяк об этом предупреждал еще в Праге, когда подписывали контракт.

— Мы еще не в России, — проворчал Гилберт, — так что я бы успел покрутить этого жирного каплуна на своем вертеле!

Однако шпагу оставил в покое. Видно, что забияки побаивались своего капитана. Его лицо, несмотря на легкомысленную, клинышом, бородку и усы а-ля Генрих IV, умело внушать почтение самым отчаянным головушкам зловещим, если не угрюмым, выражением черных глаз, хищным оскалом зубов из-под длинного орлиного носа. Лоб и левую щеку прорезал глубокий сабельный шрам, который легко багровел, когда капитан начинал сердиться. Видно было по манере держаться, что этот человек не раз смотрел смерти прямо в лицо и что он не боится ни бога, ни черта.

Впрочем, капитан, как и всякий вспыльчивый человек, был отходчив. Вот и сейчас его улыбка вновь сделалась добродушной. Он продолжал подтрунивать над Думбаром.

— Должен тебе сказать, Роберт, что мой друг Мишель Монтень, с которым я имел удовольствие сражаться за нашего Генриха Наваррского, писал в своей замечательной книге «Опыты» о таких, как ты, забияках: «Поглядите, из-за какого вздора такой-то вверяет свою честь и самую жизнь своей шпаге или кинжалу; пусть он поведает вам, что повело к этой ссоре; ему не сделать этого, не покрывшись краской стыда, до того все это выеденного яйца не стоит...»

По мосту, пробуя крепость перекрытий, проскакали вооруженные слуги Власьева, затем, поскрипывая, медленно двинулась и его повозка. Иноземцы вернулись в седла своих лошадей, занимая место в длинной процессии.

— Что за река? — поинтересовался Маржере у студента.

— Это приток большой реки, которая на наших картах называется Борисфен, а славяне именуют ее Днепр. Течет до самого Понта Эвксинского. Далее, за Киевом, разливается так, что не видно противоположного берега. На ней стоит и знаменитый Смоленск, первый пограничный город с Литвой.

— Да, да, слышал! — кивнул Маржере. — Говорят, там очень сильная крепость?

— Нынешний русский правитель ее очень укрепил, — ответил Бер.

Когда караван проехал приблизительно милю¹ от границы, спутники увидели на высоком безлесном холме справа от дороги вооруженный отряд. Маржере невольно взялся за рукоять шпаги, мимоходом глянув на пистолеты, притороченные к седлу: «Не разбойники ли?» — но тут же успокоился при виде того, как русские радостно приветствуют отряд.

— Нас встречают, — шепнул Бер. — Таков обычай.

Повозка остановилась у холма. К ней подскочил всадник и, спешившись, ждал, когда из нее выйдет Власьев. Затем, сняв шлем с высоким шишаком, наклонил голову.

— Поздорову ли ты ехал, Афанасий Иванович?

Власьев взгляделся в лицо встречающего и воскликнул:

— Князь Пожарский? Дмитрий Михайлович? Рад, что над тобой вновь воссияла милость государя.

Упомянув царское имя, дьяк тут же вспомнил о ритуале, не торопясь снял свою высокую шапку. Впрочем, на его бритой голове, которая странно контрастировала с пышной бородой, оказалась еще одна — круглая тафья² из бархата. Дьяк степенно поклонился и завел речь в привычном речитативе:

— Здоров ли великий государь царь и великий князь Борис Федорович, всея России самодержец?

Князь Пожарский поклонился в ответ:

¹ М и л я — четыре версты, около шести километров.

² Т а ф я — род тибетейки.

— Его царское величество Борис Федорович, всея России самодержец, здоров и прислал меня сюда, чтобы принять тебя, Афанасия Власьева, и вместе с вашими людьми снабдить провиантом, лошадьми и всем необходимым и доставить в Москву.

После того как приличия были соблюдены, дьяк вновь одел свою высокую шапку, а князь — боевой шлем, и беседа потекла более свободно.

— Так, значит, князь Дмитрий, ты снова во дворце?

— Да, вот сподобился царской милости — получил звание стольника.

— А сколько в стряпчих проходил?

— Семь лет.

— Многовато. Сколько тебе минуло?

— Двадцать два, — произнес князь, гордо откинув голову.

Афанасий Иванович, оглаживая рыжеватую бороду, с доброй усмешкой оглядел князя:

— Что говорить, добрый молодец!

И впрямь князь своей статью напоминал былинных богатырей — высок, широк в плечах, пояс не как у Власьева, что висит ниже живота, подчеркивая дородность дьяка, а напротив — туго обвивает узкую талию. Ярко-голубые глаза смотрят прямо, не моргая; мягкая и пушистая, еще юношеская бородка открывает резко очерченные, полные губы. Шелковая епанча¹ с червчатым² отливом, подбитая лисьим мехом, застегнутая у ворота двумя жемчужинами, ниже была распахнута, показывая серебристую кольчугу с большой позолоченной бляхой на груди. Два длинных кинжала за поясом да сабля внушительных размеров, висевшая с левого боку, довершали наряд богатыря.

— Кое-кто из княжат, что поближе к трону, в семнадцать стали стольниками, — продолжал Власьев. — Хотя твой род подревнее некоторых.

— Мы, Пожарские, из Рюриковичей, — пылко воскликнул князь. — Мы ведем род от великого князя Владимирского Всеволода Юрьевича...

— Знаю, — кивнул дьяк. — Род знатный, если бы не опала... Я ведь начинал служить при Иоанне Васильевиче. Помню, что сначала дед твой Федор, по прозви-

¹ Епанча — род верхнего платья, предназначенного для верховой езды, без рукавов, с прорезями для рук.

² Червчатый — красно-фиолетовый.

шу Немой, отличившийся при взятии Казани, чем-то не угодил царю и был сослан на нижние города, потом отец твой Михаил, по прозвищу Глухой, во времена опричнины лишился родовой вотчины...

— Я потерял отца, когда мне было всего десять лет, — глухо ответил Дмитрий. — Остался старшим в семье. Если бы не мать...

— Так, говорят, и опала на тебя из-за матушки, Марии Федоровны?

— Верно рассказывают. Хотя я вместе с другими князьями подписал прошлой зимой постановление Земского собора об избрании Бориса царем, кто-то донес ему, что будто мать моя не одобряет его худородность. А царь Борис доносы любит...

Дьяк быстро оглянулся, не слышит ли кто из слуг:

— Тише ты! Снова в опалу хочешь?

— Хорошо, царица, Мария Григорьевна, вступилась. Взяла мать к себе верховой боярыней, мамкой к царевне Ксении. Так что снова ласкают ее, да вот и меня заодно. Хотя мне милей дворца служба в поле, не чаю, как вырваться.

— Еще успеешь навоеваться, — проворчал Власьев. — Да ты, никак, прихрамываешь?

— Татарин проклятый стрелой в коленку угодил, во время стычки на украине. Нога зажила, но короче стала. Так что и я уже получил прозвище. Дед — Немой, отец — Глухой, а я — Хромой.

— Без прозвища как вас, Пожарских, разберешь? — ухмыльнулся дьяк. — У тебя два родных брата, да еще сколько двоюродных, да троюродных. Есть еще ведь один Дмитрий?

— Да, мой троюродный. Дмитрий Петрович. Ему прозвище Лопата дали, за что, правда, не знаю. Разве что нос очень широкий, лопатой.

— Давай тебе наших гостей покажу, — напомнил дьяк юноше о делах.

По очереди подходили чужеземцы, каждому из которых Пожарский крепко жал правую руку, пристально вглядываясь в лицо, чтобы лучше запомнить. Жак де Маржере представлял своих подчиненных:

— Давид Гилберт. Роберт Думбар. Роман Орн. Михаил Желебовский. Андрей Лега.

— Лихие, видать, вояки! — обратился Пожарский вновь к дьяку. — Аль Борис своим уже воинам не доверяет?

— У них военное ремесло познатней нашего, — невозмутимо ответил Власьев. — Строю лучше обучены и огневому бою. Так что ты меньше гордыни проявляй, а больше присматривайся. Оно полезнее будет. Где ночуем?

— Верст через десять у села Красного стоянка оборудована. Там и обед готовится, и баня.

— Баня — это хорошо! — мечтательно почмокал губами дьяк. — Сколько месяцев, почитай, по-нашему, порусски, не парился. Все в каких-то лоханях мылся. Тьфу! Одна мокрота.

...Несколько новых, свежесрубленных изб ожидали гостей у околицы большой деревни. Здесь же был устроен загон для лошадей, предназначенных для гостей.

Стольник Пожарский подозвал толмача, чтобы дать объяснения иноземцам. Толмач Яков Заборовский, польский шляхтич, когда-то попавший в плен к русским да так и оставшийся толмачом при Посольском приказе, был невысок, сутул, но проворен на язык.

— Это очень хорошие лошади, — бойко переводил он, показывая на некрупных, но пропорционально сложенных, мускулистых, с крепкой грудью животных, в основном коричневой масти, жавшихся в одном из углов загона. — Их пригоняют из степей ногайские татары. Очень выносливые, могут бежать по семь-восемь часов подряд.

— А как называется эта лошадь? — спросил глубокомысленно Маржере, имея в виду название породы.

Толмач не понял вопроса и перевел буквально. Пожарский недоуменно пожал плечами:

— Как еще может называться лошадь? Конь!

— Конь! — повторил Маржере, стараясь запомнить.

— Наши всадники предпочитают этих коней, — продолжал князь. — Хороши в бою.

— В бою? — глаза капитана блеснули, и он обратился к слуге. — Ну-ка, принеси мой пистолет.

Слуга мигом вернулся с пистолетом, Маржере подошел к ближней лошади.

— Что он хочет делать? — недоуменно спросил Пожарский у толмача.

Тот переспросил капитана и перевел ответ:

— Хочет проверить, не боится ли конь боевого огня.

Раздался оглушительный хлопок выстрела, и лошадь, дико заржав, что было силы бросилась в противополож-

ный угол загона. Маржере многозначительно покачал головой, и Пожарский согласился:

— Ногайские лошади к огненному бою не приучены. Зато незаменимы на украинях.

— На украинях? — переспросил Маржере, не поняв слова, которое толмач затруднился перевести.

— Да, на украинях, — начал объяснять князь. — Это степи на самом юге. Оттуда нам постоянно угрожают татары, которые нападают внезапно. Поэтому надо быть все время на чеку. По всей степи расположены заставы, обычно находятся они у больших дубов, удаленных друг от друга на десять, двадцать, а то и сорок верст. У каждого дуба два человека, один сидит наверху — смотрит, а второй внизу — с лошадьми. Как только появится пыль, значит, идет конный отряд. Всадник вскакивает на коня и мчится к следующему дубу, показывая, с какой стороны появилась пыль. Тот, что сидит наверху, кричит нижнему, а он, в свою очередь, тоже садится на лошадь и мчится дальше. Поэтому в крепости очень скоро узнают о приближении врага. Тем временем часовые, рассеявшись по степи, узнают численность отряда по ширине борозды, сделанной в траве.

— Ловко! — восхитился Маржере, в котором тут же разыграл инстинкт воина. — А что дальше?

— Если отряд по силам воинам, что в крепости, садимся на коней и выезжаем навстречу. Стараемся прижать татар к лесу или к реке и сделать там западню. Иначе уйдут.

Глаза князя разгорелись от представленной картины, и он даже ухватился за саблю.

— А если идет большое войско?

— Через день об этом узнают в Москве и оттуда высылают навстречу армию. Впрочем, царь Борис надолго отбил у татар охоту воевать. Делают только мелкие вылазки на украинях.

— Как же он отбил охоту? — живо заинтересовался Маржере, забыв на время о лошадях.

— Это было два года назад, еще до того, как венчали его на царство. С украиньи в Москву прислали пленных татар с вестью, будто крымский хан Казы-Гирей собирается на Русь с огромной ордой и турецкими полками. Узнав такую новость, бояре, духовенство, гости стали просить Бориса скорей принять корону. Он дал согласие, что будет царем, но только после того, как даст отпор неверным. После этого Борис собрал у Серпухо-

ва на реке Оке, на пути следования татар, небывалое войско — в пятьсот тысяч человек!

— Ого! Нам бы такое, когда мы бились с турками при Ангре в Венгрии! — не удержался от изумленного возгласа капитан.

— Да, пятьсот тысяч! — подтвердил князь. — И поскольку орда все не шла, Борис, чтобы получить любовь войска, стал каждый день устраивать пиры на десять тысяч человек. Каждому подавали на серебряной посуде, и каждого Борис одаривал жалованьем. И так шесть недель кряду!

— Ну а что татары? Была битва? — нетерпеливо перебил Маржере.

Пожарский усмехнулся:

— Потом злые языки утверждали, что Борис насчет орды просто придумал, чтобы показать свою мощь. Приехали только послы от хана с сотней людей, одетых в бараньи шкуры. Борис, конечно, знал о приезде послов заранее. Он велел построить все войско вдоль дороги на две версты, а потом палил из всех пушек, чтоб хан знал, какая у нас артиллерия. Послы, когда их привели в шатер Бориса, сначала от страха не могли слова вымолвить. С богатыми дарами Борис их отправил обратно. Так что не скоро осмелятся снова пойти на Русь.

— А лошади, лошади у послов такие же были, как эти? — спросил стоявший рядом Гилберт.

— Нет, они все приехали на аргамаках.

— Аргамак? — переспросил Гилберт.

— Да, это очень красивые лошади. К нам они попадают из Турции. Аргамаки намного крупнее...

— Как мой Буцефал? — кивнул Маржере на своего отошавшего вороного мерина. — Правда, он уже староват и имеет не одно ранение...

— Да, это и есть аргамак! — кивнул Пожарский. — Но аргамаки у нас в три раза дороже, чем ногайские лошади. Один аргамак стоит пятьдесят — шестьдесят рублей, почти твое годовое жалованье, капитан.

— А эти кони — бесплатно? — спросил скуповатый капитан, показав на тех, что в загоне.

— Да, это государев подарок!

— Ну, что же, дареному коню в зубы не смотрят, — вздохнул капитан. — Я вон хочу того, необычной масти, белого с мелкими черными пятнами. Он мне напоминает леопарда...

После того как разобрали коней, гостей пригласили

в мыльню¹. Из маленького оконца брусной² избы валил густой дым.

— Пожар? — опасливо поинтересовался Думбар.

— Нет, это и есть мыльня! — рассмеялся толмач Заборовский. — Идите смелее.

Раздевшись в предбаннике, гости робко, гуськом стали пробираться в жаркое полутемное помещение.

— Дверь быстрее закрывайте, пар выпустите! — прикрикнул на них Афанасий Иванович, уже лежащий на полке рядом с каменницей³. — Эй, малец, плесни еще!

Густой пар заставил иностранцев кашлять и протирать глаза под задорные шутки русских. А малец, к их ужасу, вдруг схватил березовый веник и начал что было силы хлестать нежное и полное тело дьяка, который не только не возмутился, но напротив, начал издавать зычное уханье, выражая большое удовольствие.

Остался невозмутимым лишь Мартин Бер, севший рядом с дьяком и повторявший, как ученик, его могучие выкрики:

— Чеши мне хребет! Похвощи меня! Щелоку! Здоров ты парившись.

Наконец дьяк, ставший кумачового цвета, с воплем выскочил из мыльни и прямо с берега протекавшей рядом речки ухнул в воду. На полке расположился Пожарский, затем, когда и он убежал к реке, мужественно подставил свою покрытую шрамами спину капитану. Ему неожиданно понравилась жаркая баня.

В гостевой избе их ждали свежеструганные, расположенные вдоль стен столы, на которых стояли только солонки, перечницы да флаконы с уксусом.

— Не густо, — обеспокоенно сказал Думбар шедшему за ним следом Гилберту. Он неожиданно испытал зверский аппетит.

— Пища русских хоть груба, но обильна, — сказал Заборовский, правильно понявший красноречивый вздох толстяка. — Голодным из-за стола не выйдешь!

Тем временем дьяк неторопливо занял место в переднем углу, по правую руку сел молодой князь, рядом с ним пригласили сесть капитана. Остальные иноземцы расположились следом за Маржере, не чинясь, меж ни-

¹ Мыльня — баня.

² Брусная — сделанная из бруса.

³ Каменница — свод у печи в отверстиях, на который наваливается камень или щебень.

ми и толмач. По левую руку от дьяка сели служилые люди дьяка и князя строго по старшинству.

По приказу дворецкого слуги внесли большой хлебный каравай и поставили перед дьяком. С благоговением его понюхав и перекрестив, дьяк начал заниматься, с точки зрения иностранцев, странным делом: отламывать от каравая внушительные куски и передавать их через слугу поименно.

— Это тебе, князь Дмитрий Михайлович! Отведай хлеб-соля!

Пожарский встал, поклонился и принял с благодарностью. Понимая, что в чужом доме надо и действовать по чужому уставу, Маржере и остальные гости сделали то же самое.

Затем двое слуг внесли внушительных размеров братину¹, наполненную хмельным медом, и ковш с закругленной рукоятью. Дворецкий, зачерпнув из братины полный ковш, подал его благоговейно дьяку. Тот встал и, взяв ковш, торжественно провозгласил здравицу государю, назвав все его титулы. Потом по очереди выпил каждый из присутствующих.

Тем временем слуги расставили перед каждым из пирующих небольшие оловянные миски, а по центру стола — большие блюда с двумя, а то и с четырьмя ручками, так что вносили их по двое—четверо слуг. На них — различное холодное мясо, нарезанное тонкими ломтями, чтобы можно было брать руками, — баранина, яловина², свинина, заячья тушка, лосятина, куры и утки. Рядом ставились блюда с овощами: редькой, солеными огурцами, квашеной капустой, грибами, чесноком.

— Ты не очень нажимай, — шепнул Гилберт Думбару, засунувшему в рот сразу ползайца и пытавшемуся пропихнуть его внутрь с помощью доброго глотка ягодного меда, очень ему понравившегося и вкусом, и цветом, а главное — крепостью. — Это ведь только начало. Говорят, у русских принято подавать по сорок—пятьдесят блюд.

Действительно, слуги продолжали таскать из поварни одну ведерную кастрюлю за другой. За холодными мясными закусками пошли мясные кушанья вареные — шти, уха и разсол³, которые хлебали по двое-трое чело-

¹ Братина — посуда больших размеров, похожая на горшок с крышкой.

² Яловина — так называлась говядина.

³ Разсол — род солянки — мясо варилось в огуречном рассоле.

век из одной мисы. Меж ухами подавали пироги с мясом, рыбой, горохом и крупами. Затем появились кушанья жареные — печеные и сковородные — гусь с кашей, бараньи ножки, начиненные яйцами, свиные головы под студнем с чесноком и хреном.

Хозяин тем временем произносил здравицу за здравницей, перейдя от царствующего дома к присутствующим, понуждая пить снова и снова. Если кто-то, на его взгляд, плохо ел, он выбирал кусок из стоявшего перед ним «опричного»¹ блюда и, положив на миску, посылал со слугой. Тот, кому предназначался кусок, должен был встать, поблагодарить за хлебосольство и обязательно съесть, изображая удовольствие на лице, чтобы не обидеть хозяина. Маржере, которому таким образом был послан огромный жирный кусок окорока, попытался было с брезгливостью отказаться, но предостерегающий взгляд Заборовского заставил его подчиниться.

Хуже пришлось Мартину Беру. Бедный студент, боясь опьянеть, оставил очередной ковш с медом нетронутым, но получил тут же от все подмечавшего хозяина объемистую чашу с водкой, которую вынужден был выпить стоя и залпом, «полным горлом», как посоветовал ему Афанасий Иванович, после чего вскоре впал в буйное веселье и начал горланить лихую студенческую песню. Думбар, гогоча, как жеребец, и часто икая, пытался подпевать.

Власев, понимавший латынь, улыбался, однако, когда студент начал орать совсем непристойное, покачал головой и сказал дворецкому:

— Зови наших гусельников, пусть споют что-нибудь из старинных песен.

В избу вошли и глубоко поклонились, правой рукой коснувшись пола, двое скоморохов, одетых поверх исподнего в шубы, вывернутые мехом наружу, в масках и колпаках. Один держал в руках гусли, другой — гудок². Тронув струны, они запели.

Капитан спросил у толмача:

— О чем поют эти странные люди?

— О нашем покойном государе Иване Грозном.

— Жестоком? — поправил Маржере.

— Он не со всеми бывал жесток, — не согласился толмач. — В песне поется о его справедливости и щедрости, проявленной к разбойнику.

¹ Опричное — персональное блюдо.

² Гудок — ящик со струнами.

— Вот как? — удивился капитан. — Значит, народ хранит о нем добрую память? Жалеет? А правда ли, что жив его сын, царевич Дмитрий?

Толмач испуганно отшатнулся:

— Нет, нет!

Власьев, слышавший разговор, пронзительно взглянул на капитана.

— Откуда у тебя такая весть? Иезуиты нашептали? Им бы этого очень хотелось.

Маржере гордо выпрямился, насколько было возможно после стольких ковшей меду, и закрутил ус:

— Я с иезуитами не якшаюсь! Я — гугенот и воевал с католиками. А слышал просто пьяную болтовню какого-то шляхтича в краковской харчевне.

— Враки все это! — строго сказал Власьев. — Истинно известно, что царевич поколоса сам во время приступа падучей и похоронен в Углицком соборе.

Взмахом руки дьяк велел дворецкому внести молочный кисель и фрукты, вываренные в сахаре, что означало окончание пира.

Мартин Бер совсем засыпал, поэтому все отправились на ночлег в ту же гостиную избу, где на лавке была постлана солома.

Наутро гости проснулись под громкие стоны студента, сидевшего на лавке, обхватив голову руками.

— Бедная моя голова! Она сейчас лопнет от паров русской водки.

— Надо дать ему похмелie! — сказал князь, вошедший с улицы и сразу понявший, в чем дело.

— «Похмелie»? — услышал новое слово Думбар. — Что это такое?

— Это русская пища, которую едят по утрам, если накануне много выпили, — объяснил толмач. — Холодная баранина мелко рубится с солеными огурцами и поливается уксусом.

Бер с ужасом отмахивался от принесенного ему блюда, однако, съев несколько кусков, действительно почувствовал себя легче. Отдал должное «похмелю» и Думбар, не прекращавший издеваться над студентом.

Капитан, который тоже чувствовал потребность в холодной баранине, с удивлением посмотрел на князя, выглядевшего свежим, со слегка влажной бородой.

— Ты не испытываешь тяготы после выпитого?

Пожарский понял вопрос без переводчика и, засме-

явшись, отрицательно покачал головой. Потом подозвал толмача:

— Скажи ему, что я свято соблюдаю заповеди древнегреческого полководца великого Александра.

— Вот как, на Руси знают Александра? — удивился Маржере.

— Конечно! И очень хорошо! — ответил толмач. — Ты забываешь, что русские приняли греческую веру. Поэтому истории об Александре и других великих мужах Греции есть в их книгах.

— Да, я читал еще в детстве со своим наставником «Александрию», — подтвердил Пожарский, когда ему толмач перевел смысл сомнения капитана. — И чтобы стать знатным воином, следуя его заповедям.

— В чем же эти заповеди? — усмехнулся Маржере.

Пожарский усмешки не принял и, гордо вскинув голову, произнес заученное с детства:

— Как с постели поднимешься, походи немного и разомни свои члены безжалостно. Да голову, промыв водой теплой, расчеши гребешком. После того окатись водою холодной. Потом свои зубы почисти древесной корой, подогретой и жесткой и горькой для языка. А потом прокатись немного, насколько позволит время, потому что от конных скачек большая польза: открывают закупорки мозга, укрепляют шею, разминают мышцы, лицо украшают и возбуждают чувства...

— И ты успел уже прокатиться на лошади? — с восхищением воскликнул капитан и похлопал рукой в перчатке по окованному плечу юного богатыря.

Пожарский кивнул:

— Как и каждое утро.

— Из тебя получится великий воин, — сказал капитан уже серьезно. — Воля — это главное для солдата. Уж поверь моему опыту — опыту человека, поседевшего на войне.

Он тряхнул длинными волосами и фасонисто одел широкополую шляпу с пером:

— Так в путь?

Пожарский ехал то впереди, со своим вооруженным отрядом, то останавливался, пропуская мимо себя длинный обоз, медленно тянувшийся по узкой дороге с тесно обступившими ее вековыми соснами и елями. Неожиданно лес распахнулся, и путники увидели город, состоящий в основном из церквей да деревянных изб, порой

разбросанных как попало по ровной, чуть заболоченной местности.

— Смоленск! — громко возвестил князь и, прищипав коня, устремился к Днепру, где уже была готова переправа — широкий, крепко сколоченный мост, ведущий к крепости, расположенной на левом, очень отлогом берегу, прорезанном глубокими оврагами. Впрочем, сама крепость была построена чуть далее, на крутых холмах.

— Этот замок кажется неприступным! — заметил про себя Маржере, подъехав вплотную к стенам высотой более чем в три копья. — Орешек покрепче бургундской крепости Жан-де-Лоне, которую мы брали под знаменем герцога де Вогренана!

* * *

...Все ближе и ближе Москва. Миновали город Можайск со стоящей рядом небольшой крепостью Борисов, являющейся миниатюрной копией смоленской. Последняя остановка — царская вотчина — Вяземы, где по повелению Бориса воздвигался новый великолепный собор.

— Любит ваш государь строить! — заметил дьяку Маржере, любясь необыкновенно высокой, с пышным декором звонницей, вознесшейся рядом с пятиглавым собором.

— Да, благолепен в своих думах и делах наш батюшка-государь, — молвил Власьев, осеняя себя крестным знаменем.

Капитан не без иронии наблюдал, как по мере приближения к Москве славословия дьяка по отношению к своему повелителю все возрастали. Тот, не замечая легкой насмешливой ухмылки капитана, продолжал с вдохновением:

— Денно и ночью печется о душах христианских. Когда выходил из собора, где был венчан на царство, то тряс на себе ворот рубахи и рек: «Отче великий патриарх Иов! Бог свидетель, что не будет в моем царстве бедного человека! И эту последнюю рубашку разделю со всеми!»

Маржере склонился в полупоклоне:

— Поистине велик тот государь, что так заботится о своих подданных!

Царское село Вяземы не случайно названо порогом

Москвы. Оставив его, кавалькада путников уже через несколько часов въехала на Поклонную гору и смогла любоваться золотыми куполами церквей великого города, сверкающими как алмазы в царской короне.

Дьяк Власьев, поспешно выйдя из своей колымаги, осенил себя широким крестным знаменем, повернувшись лицом к возвышающейся над Кремлем златоглавой колокольне Ивана Великого, затем отвесил поясной поклон, коснувшись правой рукой земли, прошептал:

— Здравствуй, матушка-Москва!

Стоявший поодаль Маржере заметил слезы на щеках дьяка и тоже вздохнул, невольно вспомнив свой далекий Париж, где он не был уже более пяти лет. Окинув еще раз панораму великого города взглядом, негромко сказал стоящему рядом Гилберту:

— Москва, пожалуй, не уступит самым большим столицам мира.

— Географы считают, что она по территории и численности населения на четвертом месте после Константинополя, Парижа и Лиссабона, а по богатству — на первом, — заметил Мартин Бер.

— Вот как! Это хорошо! — радостно отметил Думбар. — Что же мы зеваем? Скорее вперед, навстречу нашему звонкому счастью.

Подшучивая над нетерпеливым шотландцем, которому уже почудилось, будто церковные купола превращаются в кучи золотых и серебряных монет, иноземцы тронули лошадей, благо кортеж, возглавляемый Пожарским, начал спускаться с Поклонной горы. Миновали Дорогомиловскую ямскую слободу, где в конюшнях стояли десятки холеных коней, готовых заменить взмыленных сотоварищей, везущих из Москвы гонцов и именитых гостей с русским товаром. Переправившись через узкую в этом месте Москву-реку, мимо стен Саввинского монастыря поднялись к земляному валу, огороженному частоколом мощных бревен.

— Скородом! — не без торжественности указал на стены толмач. — Это значит — быстро выстроенная! Хотя еще называют «Скородум». То есть быстро задуманная.

У Никитских двухарочных ворот с двумя высокими островерхими башнями движение замедлилось, поскольку проехать могли не более двух всадников одновременно. Под сводом ворот Маржере поднял голову и увидел

массивные решетки, готовые опуститься в любую минуту, чтобы запереть проход.

У высоких стен Белого города еще одна воротная башня с такими же массивными решетками. Стражники с алебардами, предупрежденные передовым отрядом, молча, однако неприветливо пропускали гостей. Богатые терема попадались все чаще.

— Здесь раньше, при Иване Грозном, стояли опричники, — показал толмач на высокие трехъярусные брусняные дома за мощным забором.

Внезапно улица окончилась, и за поворотом путники увидели широкий луг, а за ним высокую с зубцами красную стену с высокими башнями. За стеной едва виднелись зеленые крыши дворцов и купола церквей.

— Кремль! — догадался Маржере.

Вслед за колымагой Власьева всадники подъехали к широкому, в шестнадцать сажен, трехарочному мосту через ров, ведущему в Кремль через ворота во Фроловской¹ башне. Мартин Бер остановился было возле монахов, торговавших рукописными книгами в богатых переплетах из телячьей кожи с серебряными застежками, но окрик сопровождавшего поезд призвал его поспешно потрусить за остальными.

На узкой улочке Кремля громкий звон тулумбаса заставил всадников прижаться к стене Чудовского монастыря, пропуская пышно украшенный каптан², который везла шестерка аргамаков, запряженных цугом. Возница, сидевший верхом на передней лошади, ударяя в тулумбас, каждый раз вопил:

— Дорогу боярину Федору Никитичу Романову!

Бежавшие впереди и рядом с каптаном прислужники, одетые в ярко-красные суконные кафтаны, бесцеремонно отпихивали зевак в стороны.

На Ивановской площади у подножия колокольни Ивана Великого толпился разнообразный люд. Здесь были и кичливые дворяне, и купцы, и крестьяне в серых сермягах и поярковых колпаках. Меж ними сновали ярыжки с медными и глиняными чернильницами на шеях, предлагая написать прошение в один из многочисленных приказов, расположенных в длинном унылом двухэтажном здании, расположенном слева от колокольни.

¹ Фроловской — позднее Спасской.

² Каптан — род кареты.

Здесь процессия остановилась, потому что Афанасий Иванович Власьев отправился за распоряжениями в Посольский приказ. Внимание иностранцев приковала, естественно, сама колокольня.

От рассматривания колокола их отвлекли звонкие щелчки кнута и пронзительные крики. Протолкавшись сквозь толпу любопытных, они увидели обнаженного до пояса полного человека, который лежал на спине другого, видимо, помощника палача, стоявшего полусогнувшись и крепко державшего несчастного за руки. Палач, стоявший поодаль, со свирепым рычанием раскручивал над головой двумя руками длинный кнут, потом с уханьем подпрыгивал и, приблизившись к жертве, опускал кнут так, что хвост его оставлял на рыхлой белой спине глубокий кровавый след.

Каждый удачный удар сопровождался одобрительным гудением публики. Палач отдыхал, прохаживаясь вдоль толпы и перемигиваясь с молодками, а его второй помощник тем временем очищал хвост кнута, согнутый желобом, от крови и ошметков мяса.

Потом наносился следующий удар так, что сливался с предыдущим, в результате постепенно спина превращалась в сплошное кровавое месиво. Иноземцы смотрели на казнь с веселым равнодушием — в этот жестокий век публичные казни были в обычае всех цивилизованных государств.

— За что истязают этого беднягу? — спросил у толмача наиболее сердобольный Мартин Бер.

Тот показал на шею истязаемого:

— Видишь, висит кошелек с деньгами?

— Да. И что это значит?

— Бьют кнутом за взяточничество. Наверное, это какой-то подьячий взял взятку...

— О, в этой стране так строго наказывают за взятки? Зато, наверное, остальные чиновники берегут свою честность?

— Скорее наоборот. Взятки берут все, только стараются не попадаться. Этому не повезло, наверное, кто-то донес...

* * *

Дьяку Власьеву было велено явиться в царские покои незамедлительно, сразу после вечерней молитвы, в

первом часу ночи¹, хотя обычно в это время государь делами не занимался, а предавался семейным утехам.

После коронования Борис Федорович не захотел жить в комнатах покойного государя, поэтому приказал к прежнему дворцу пристроить новый, деревянный. Конечно, каменный был бы и красивее, и прочнее: никакой пожар не страшен, и оборону держать в случае надобности надежнее, но Борис посчитал, что для здоровья деревянный, из бруса — полезнее.

А здоровье в последние годы стало его тревожить все более. Несмотря на то что и пятидесяти еще не исполнилось, чувствовал он себя все чаще дряхлым стариком, и все чаще стали тревожить мысли о смерти. Слишком много страстей пришлось пережить этому человеку, прежде чем он добился самого заветного в своей жизни — царского престола.

Власьев, когда стольник ввел его в царскую горницу и, пятясь, молча удалился, был поражен видом царя, которого не видел, почитай, год. Некогда круглое, даже румяное лицо Бориса резко осунулось, пожелтело, скулы стали более заметными, выдавая его происхождение от татарского мурзы. Щеки и борода были покрыты редкими рыжими волосами, и лишь усы, по-казацки загibaющиеся вниз, были по-прежнему густыми. Черные глаза, всегда казавшиеся большими, стали огромными, в пол-лица, и выражали не как прежде — доброту и участие, а глубокую скорбь. Чувство пронзительной жалости охватило в общем-то весьма нечувствительного дьяка, и он молча грохнулся перед царем ниц.

Голос Бориса остался, однако, прежним — глубоким и бархатным, как бы обволакивающим собеседника:

— Ну, полно тебе, Афанасий Иванович, передо мной чиниться. Садись, рассказывай про свое заморское путешествие.

Дьяк послушно поднялся с мягкого персидского ковра и сел на скамеечку, обитую алым бархатом и стоящую против царского трона. Маленькие разноцветные стекла окон пропускали мало света, поэтому в горнице горели свечи. Только сейчас дьяк разглядел, что поодаль, за столиком с шахматами, сидит Семен Никитович Годунов.

Хоть и приходился он государю дальней родней, но

¹ На Руси, как в Византии, сутки делились на двенадцать дневных и двенадцать ночных часов. Первый час дня — семь утра, первый час ночи — семь вечера.

дьяк знал, что жалуется его Борис паче ближних. Будучи главой сыска, отличался Семен Никитович по части наущничества, умело потворствовал доносительству слуг на господ, детей на отцов, жен на мужей. Сухонький, маленький, в непомерно большой горлатной шапке и в столь же непомерно большой бобровой шубе, в которой и не видно было его тщедушного тела, Семен Никитович говорил тихим, пришепетовавшим голосом, раздувая и без того болезненную подозрительность государя, видевшего вокруг себя изменников, желающих извести род Годуновых.

Сейчас он улыбался дьяку, как можно приветливее растягивая узкие губы, но Афанасий Иванович поневоле почувствовал липкий страх: «Не донес ли кто на него понапрасну?»

— Из донесений твоих знаем мы о переговорах с цесарем Рудольфом и польским Жигимонтом, — продолжал тем временем Борис. — Надо сделать так, чтобы, когда польское посольство прибудет в Москву, были здесь послы и от короля шведского. Глядишь, испугаются и посговорчивее будут, уступят нам Ливонию. А шведы, испугавшись нашего союза с ненавистным им Жигимонтом, признают за нами Нарву. Как мыслишь?

Дьяк склонил голову, выражая восхищение хитроумности государевой. Что и говорить, был Борис Федорович не столько войном, сколько политиком, умел плести интриги не только в своем, но и в иноземных дворцах.

Внезапно Борис жалобно застонал и руками ухватился за высокий, обшитый жемчугами ворот рубахи, пытаясь распахнуть его.

— Вот опять удушье проклятое! — прохрипел он.

— Я врача тебе привез отменного, батюшка-государь! — заторопился сказать дьяк.

— Где же он?

— Здесь, на твоём подворье! Известный лекарь, проверенный. На моих глазах одного купца от водянки излечил.

— Что медлите? Зовите его сюда!

Уловив повелительный жест государя, карла, крутившийся у его ног, принес из поставца графин венецианского стекла с каким-то питьем. Сделав несколько глотков и сморщившись, видать, питье было горьким, Борис пожаловался:

— Меня сейчас лечит капитан шотландской роты Габриель. Славный вояка, но врач... Больше мастер мне

голову брить да кровь лошадям пускать. Вот, сделал какое-то питье, горькое, а легче не становится.

В горницу вошел, кланяясь и прижав широкополую шляпу к груди, Каспар Фидлер, одетый в черный кургузый камзол с отложным белым воротником и такие же кургузые штаны черного цвета, худые кривые ноги обтягивали белые чулки.

— Что он бормочет? — нетерпеливо перебил его речь Борис.

— Приветствует твою милость, — пояснил дьяк.

— Потом! Пусть сделает что-нибудь!

Фидлер подошел вплотную, пристально поглядел на царя и, повернувшись к младшему брату, что стоял поодаль и держал в руках кожаный сундучок, рукой позвал его. Достав из сундучка какой-то флакон, с поклоном подал его государю.

— Что это? — подозрительно спросил Борис.

— Говорит, надо понюхать из сего сосуда, — перевел дьяк. — Очистит мозги.

Борис поднес открытый врачом флакон к носу и осторожно вдохнул. Запах был столь резким, что он закашлялся, а из глаз потекли слезы.

— Он что, отравить меня захотел! — закричал было Борис. Но, неожиданно почувствовав облегчение, вдруг улыбнулся: — Лучше стало! Ай да лекарь, дай бог тебе здоровья!

Фидлер тем временем решительно расстегнул белое парчовое, отделанное золотом верхнее одеяние государя, а также ворот рубахи, осторожно прощупал взбухшие на шее вены, потом приник ухом к рубахе, вслушиваясь в удары сердца и, наконец, взял царя крепко за запястье рук, покачав головой, что-то сказал, полуобернувшись к дьяку.

— Что он говорит? — капризно спросил Борис.

— Спрашивает, не испытываешь ли ты удушья, особенно ночью, во сне?

— Испытываю. Из-за того плохо сплю, — хрипло, с испугом сказал Борис. — Откуда он узнал? Не колдун ли?

— Говорит, что узнал по твоим жилам. Бывает, что сердце колотится?

— Бывает, — согласился Борис, глядя на медика все с возрастающим уважением.

Фидлер произнес еще несколько фраз, потом отошел и поклонился.

— Болезнь у тебя серьезная, государь, — перевел Власьев. — Лечить надо долго, настоями из трав и драгоценных камней.

— Каких трав?

— Говорит, что будет подбирать.

— Ты ему скажи, что в царском саду растут все аптекарские травы, пусть посмотрит.

— Он будет искать траву по названию конурат. Растет лопушками, ягоды воронова цвета с отливом, собой низка, как капуста. От настоя конурата человек перестает опухать, никакого колотья и удара не будет. А пока он готовит снадобье, советует постоянно носить при себе большой алмаз, величиной с лесной орех, он отгоняет прегрешения и ночные видения. И нюхать настой из сухого листа шиновника, то, что он давеча тебе давал.

Фидлер с братом, пятясь, удалились, оставив государя с флаконом в руке, из которого он периодически вдыхал запах.

— Видать, знатный лекарь, — заметил повеселевший Борис. — Может, и поможет мне излечиться. Ну, а еще кого к нам привез, рассказывай.

— Воинов...

— Это я знаю. Читал, — кивнул государь.

— А еще хироманта знатного, — оглянувшись на дверь, тихо произнес дьяк. — Астролога, что по звездам судьбу человека предсказать может. У цесаря его смалил за большую мзду.

Глаза государя загорелись. Он даже заерзал на троне.

— Поместить его в Тайнинскую башню, чтоб никто его не видел! А мы ночью придем к нему, посмотреть на его ведовство!

Борис расслабленно смежил веки и дал знак рукою, отпуская дьяка. Власьев поднялся, однако вместо того, чтобы уходить, напротив, подошел к царю вплотную и тихо, с потаенной дрожью, произнес:

— Не вели казнить, батюшка-государь...

— Чего еще?

— В Польше по корчмам слух пошел, будто там объявился царевич угличский...

Бориса будто ударили. Он вскочил, отшвырнув ногой карлу, игравшего у его ног с котенком.

— Что? Какой царевич? Спустя девять лет, как его схоронили?

— Бают, что будто подменили его.

— Врут! — с силой воскликнул Борис. — Его мамка Волохова, что с малолетства с ним была, предана нашему роду, глаз с него не спускала, пока...

Он поперхнулся было, но продолжал:

— Пока не зарезался сам, играя в тычку. Пятнадцать дней тело его лежало в соборе, чтоб каждый проститься мог. Видели его и дьяк Вылузгин, и митрополит Гевласий, и князь Василий Шуйский. И тайные мои лазутчики там были, что Дмитрия знали... Нет, это проклятый Жигимонт выдумал, чтобы рознь в народе нашем посеять.

— И бояре тоже, — раздался из угла голос притаившегося было Семена Никитовича.

— Бояре? — повернулся к нему всем телом Борис и, замахнувшись посохом, зловеще произнес: — Что знаешь? Говори!

— Немцы служилые доносят из Царево-Борисова, будто свояк твой, Богдашка Бельский, как крепость построил, на пиру похвалялся, что теперь-де Борис царь на Москве, а он, Богдашка, царь в Борисове.

— Пустое брешет! — раздраженно отмахнулся Борис. — Что, ты его не знаешь? Пусть и торчит там, на окраине, на веки вечные!

— А еще доносят служилые немцы, — тем же шипящим от ненависти голосом продолжил Семен Никитович, — жалобился Богдашка на неблагодарность государеву: он-де, Бельский, посадил Годунова на престол. А тот, нет чтобы править вместе, вдвоем, убрал своего заступника из Москвы.

— Этот заступник сам норовил на престол сесть, — криво ухмыльнулся Борис. — Так что передай — Москва, мол, слезам не верит! Жалобщик нашелся... Царевич-то тут при чем?

— А при том, — с затаенной злобной радостью закончил наушник, — что, когда совсем опьянел Богдашка, стал калякать, что есть, мол, справедливость божья. Жив сын Иоаннов, убили другого, а он, Бельский, к спасению царевича тоже руку приложил. И тот-де благодарнее Бориса будет...

Огромные глаза Бориса начали вдруг выкатываться из орбит, он побагровел и снова схватился обеими руками за ворот так, что посыпался жемчуг. Он грохнулся на трон и затих.

Власьев и Годунов переглянулись, не зная, звать ли на помощь. Однако царь, не поднимая глаз, сделал отрицательный жест рукой, видимо успокаиваясь.

Мысли, липкие и страшные, ползли в его голове. Он заговорил, вроде бы не обращаясь ни к кому.

— Ах, Богдашка, Богдан. Бог дал мне тебя как вечный крест. Связаны мы с тобой страшной тайной много лет...

...Почти год провел Иоанн Васильевич в суровом посту и глубокой молитве после гибели старшего сына. Каялся во всех грехах, велел по всем церквям поминать души тех безвинных, что были убиты им самим или по его приказу. Но к весне 1584 года вновь взалкало его грешное тело. Однажды вечером попытался изнасиловать невестку свою Ирину, жену блаженного Федора. Помешал случайно увидевший слуга, которого тут же зарезали по приказу царя. Но понял он, что знают о его несодержанном еще грехе родной брат Ирины Борис и его свояк, двоюродный брат жены Бориса, — Богдан Бельский. Все чаще на них с ненавистью останавливался мутный глаз царя. Что это значит, знали хорошо оба, уже насмотрелись казней во дворце.

И тогда они решились. Выбрали час, когда во дворце все после обеда спали, остались с государем наедине, благо предложил он сыграть в любимую игру — шахматы. Повалили разом могучего старика навзничь и удушили подушкой. Когда судороги прекратились, Борис поднял подушку и, глядя на посиневшее, искаженное судорогой лицо любимого государя, скомандовал Бельскому:

— Беги, Богдаша! Кричи, что царь Иоанн Васильевич от внезапного удара преставился.

Так повязала их страшная тайна. Видит бог, что Борис всегда дружески относился к свояку, несмотря на его строптивый, баламутный нрав и непомерное честолюбие. Он спас его через несколько дней, когда при коронации Федора науськанная боярами московская чернь потребовала его крови. Удалось убедить толпу, что Бельский будет сослан. Действительно, последующие годы тот провел воеводой в Нижнем Новгороде.

Но стоило его вернуть в Москву после смерти Федора, как снова стал мутить народ. Ему, царю Борису, не хотел оказывать знаки уважения. Грубил, спорил чуть не до драки на потеху знатным боярам Мстиславским

да Шуйским. Пришлось вновь отослать его на строительство новой крепости. Уезжал с почетом — со своим двором и войском. Так нет, не успокоился, змея.

Борис наконец поднял тяжелую голову и, не оборачиваясь в тот угол, где притаился Семен Никитович, сказал твердым голосом:

— Доставить в Москву. И не как знатного боярина, а в оковах. Посмотрим, что он скажет на дыбе...

* * *

Проводив капитана и его воинов в Заречье, в стрельцкую слободу, где их определили в иноземный отряд царских телохранителей, князь Пожарский вернулся в Кремль, чтобы повидаться с любимой матушкой. На царском подворье встретил друзей, тоже стольников — князей Никиту Хованского и Ивана Хворостинина. Они в этот день несли службу по охране дворца.

Дородный Никита Хованский, самый старший из друзей, приходился свояком Дмитрию — был женат на его сестре Дарье. Весельчак-балагур, любитель хорошего стола и доброй охоты, Никита слыл и бывалым воином. Успел отличиться в походе против шведов под командованием отца Ивана — знаменитого воеводы, думного боярина — Андрея Ивановича Хворостинина. Теперь он с нетерпением ждал какой-нибудь новой военной кампании, чтобы самому стать воеводой.

Князь стоял у главных ворот, зорко поглядывая за сменой караула стрельцов. Был он одет в роскошную однорядку из ярко-зеленой тафты с рукавами до земли, однако благодаря боковым прорезам руки у него были свободны — одна покоилась на позолоченной рукояти сабли, другая бездумно перебирала звенья массивной золотой цепи, висевшей на могучей груди.

Рядом с ним что-то горячо объяснял Иван Хворостинин, совсем юноша, у которого вместо усов и бороды пока был пушок, одетый в парчовый кафтан, чуть закрывающий колени, предназначенный для верховой езды. На боку вместо сабли — шпага, будто у иностранца, последний крик моды московских щеголей. Иван был стольником наследника, царевича Федора Борисовича.

Дмитрий спешил к воротам, поскольку стольникам не полагалось быть верхом на царском дворе, и, отдав поводья своего вороного стремянному Семену Хватову, по-

дошел к приятелям, склонившись в полушутливом поклоне:

— Как здоровы, князь, будете?

— Князь Дмитрий! — громогласно возвестил Хованский. — Как ты приехал, здоров ли?

— Уже слышали о твоей удаче, — мелодичным капризным тенором поддержал Хворостинин. — Дьяк Власьев тебя в приказе нахваливал. Ублажил ты его вволюшку! Жди теперь от государя новой дачи, где-нибудь здесь, близ Москвы!

Дмитрий досадливо отмахнулся:

— По мне ли такая честь? Я бы лучше с тобой, князь Никита, в Ливонии за наши исконные города сабелькой помахал.

— Будет, будет война! Чует мое сердце! — радостно ответил Хованский. — Сумеешь свою доблесть показать. Как, не ослабела рука?

— Каждый день со своим дядькой Надеей на палках бьемся, — серьезно ответил Дмитрий, показывая свою правую руку, сжав могучий кулак.

— Силен, силен, — благодушно хлопнул его по плечу Никита. — Такой рукой одним ударом любого пополам развалить сможешь.

— А мне ваши воинские забавы огорчительны, — прежним капризным голоском заявил Хворостинин. — Сказывают, будто государь собирается послать отроков за границу учиться. Хочу челом бить. Может, отпустят в итальяйские земли. Там учатся все лучшие польские дворяне.

Хованский перекрестился:

— Что ты мелешь, Иван! Там же паписты. Сразу начнут в свою веру обращать! Что скажет твой батюшка? Мало он, видать, бивал тебя в детстве. Иначе запомнил бы, что учиться латинскому — грех!

Сам Никита не сумел одолеть даже и славянскую грамоту, несмотря на усилия домашнего дьяка. Не раз князь Дмитрий расписывался за него при получении жалованья.

— Ты же знаешь, что патриарх наш воспротивился воле государевой, чтобы здесь, в Москве, открыть школу с иностранными учителями.

— Университет, — поправил Хворостинин.

— Вот-вот! Сказал: «Не нужно нам, чтобы крамолу заносили. И так уж этих иноземцев развелось — что солдат, что купцов...»

— Тише ты, — предупредил его Дмитрий. — Не забывай про государевы уши.

Никита не успокаивался:

— Смотрю я на тебя, Иван. Всем ты взял, красный молодец, да и только. А все тебя в смуту тянет! Светские стишки, сказывают, начал слагать, будто скоморох какой! Княжеское ли это дело?

— Не стишки, а сатиры, — поправил князь Иван. — Подобно древним еллинам.

— Сатиры? — переспросил радостно Дмитрий, сам хорошо знавший древнегреческую литературу. — Неужто взаправду? А ну, прочти!

— Тьфу, и ты туда же! — сплюнул Никита. — Сатанинское то дело — вирши слагать.

Хворостинин, довольный, что нашел человека понимающего, не заставил себя упрашивать и прочел звонко, чуть завывая:

Люди сеют землю рожью,
А живут будто все ложью!

— Не слышит тебя наш патриарх Иов! — воскликнул, снова крестясь, Хованский. — Проклял бы тебя за окаянство твое! Это кто же живет ложью?

— Все живут ложью! — накаляясь обличительным гневом, заявил Иван воинственно. — На словах песни и пляски осуждают, а сами на гульбищах что вытворяют?

— Успокойся, Иван! — угрюмо заметил Дмитрий. — Наша с тобой забота — воинское дело. Русь от недругов охранять.

Увидев краем глаза, что вокруг них начинает крутиться какой-то ярыжка, Дмитрий решил прервать жаркий спор:

— Ну, здорово бывайте, друже! Мне пора.

— Куда?

— Матушку хочу навестить. Она на царицынском дворе.

Оба князя с уважением поклонились:

— Передай своей матушке, Марии Федоровне, низкий поклон. Мы ее помним и любим! — сказал Никита. — И ты нас не забывай. Приходи к нам в воскресенье обедать. Чай, Дарью давно не видел! И детушек наших.

Поблагодарив за приглашение, Пожарский отправился через двор к следующим воротам, ведущим в по-

кои царицы. Узнавший князя слуга выскочил на крыльцо:

— В саду твоя матушка. Ступай туда.

В закатных лучах солнца цветущий яблоневый сад царицы, казалось, был покрыт розовой кипенью. Здесь и звуки, и запахи казались особо чистыми. Где-то вдалеке звенел девичий смех. Князь нерешительно направился туда по извилистой дорожке, усаженной шиповником. За поворотом показалась веселая лужайка, покрытая ковром из травы-муравы с желтенькими лепестками цветов. Посреди поляны на обитой бархатом скамеечке сидела княгиня Пожарская и что-то вязала. Чуть в отдалении несколько девушек качались на качелях.

— Матушка, здорова ли ты? — склонился Дмитрий перед княгиней.

Она вскочила, всплеснув руками. Потом поцеловала его в лоб и, нежно обняв, припала к груди.

— Какой ты у меня большой и красивый!

— Ну, полно, матушка, — засмушался Дмитрий.

Сейчас, когда они стояли рядом, было видно, как похожи мать и сын — оба статные, голубоглазые, с правильными прямыми чертами лица, с горделивой посадкой головы.

— Ну, сядем рядком да поговорим ладком, — певуче сказала княгиня, показывая на скамеечку. Дмитрий послушно сел, безотрывно глядя на мать.

— Ай соскучился? — спросила она лукаво.

Не отвечая, он положил свою голову ей на плечо.

— Мой князюшка! — княгиня ласково потрепала коротко стриженные шелковистые волосы сына и сказала, как когда-то в далеком детстве: — Ты — моя надежда и опора!

Княгиня Мария Федоровна была из гордого и независимого рода Беклемишевых. Издавна в этом роду почитались грамота и культура древних. Ее дед, Иван Берсень¹, прозванный так современниками за колючий язык и неуступчивый нрав, был известным книгочеем. Он сдружился с философом и писателем из Афона Максимом Греком, приехавшим в Москву по приглашению великого князя Василия III для перевода греческих книг, оставленных ему в наследство матерью Софией Палеолог.

¹ Берсень — крыжовник.

Вокруг Максима Грека и Ивана Берсеня сплотились люди вольнодумные, открыто осуждавшие неграмотность переписчиков церковных книг, распущенность нравов попов и монахов. Говорились злые слова и о великом князе, в государственных делах зело слабым.

Узнав от доносчиков о том, что говорят про него, великий князь не пожалел высокого гостя, заточил Максима Грека в дальнем монастыре, а Ивану Берсеню отрубил его непокорную голову на льду Москвы-реки, спустив тело в прорубь.

Марья Беклемишева, выйдя замуж за Михаила Пожарского, принесла в его дом в качестве приданого библиотеку деда, состоявшую из книг не только церковных, но и гражданских, преимущественно переводов греческих и латинских авторов. Рано овдовев, княгиня всю свою заботу перенесла на детей, особенно выделяя Дмитрия, который в десять лет стал главой рода Пожарских. В его воспитании ей помогал свояк Надея из обедневшей ветви Беклемишевых, ставший дядькой молодого князя. Дмитрия обучали не только военному искусству и умению вести хозяйские дела, но и священному писанию, а также истории и риторике. Так что к пятнадцати годам, когда Дмитрий впервые оказался на царской службе, он выделялся среди сверстников образованностью, что, впрочем, никак не сказалось на его карьере ввиду захудалости рода.

Только теперь, когда княгиня стала мамкой царевны, Дмитрий получил чин стольника. Но мать, конечно, мечтала о большем — увидеть сына воеводой, а может, даже и в боярском чине, сидящем в Думе государевой.

— Ну, князюшка, как порученье государево выполнил?

— Сказывают, дьяк Власьев доволен моей службой.

— Ты старайся ему угодить. Хоть не родовит дьяк, да близок к царю-батюшке!

Дмитрий досадливо повел плечом.

— Не люблю я, ты знаешь, чиноугодничества. Мне бы лучше подальше отсюда службу нести...

Мать снова ласково потрепала волосы на его голове:

— Ах ты мой гордынюшка! Нелегко тебе будет в жизни...

О сапог князя неожиданно ударился сафьяновый мячик. Он наклонился, чтобы поднять его, а когда выпрямился, увидел, что перед ним выросла запыхавшаяся царевна Ксения, пытавшаяся догнать мячик.

Дмитрий с поклоном подал мячик царевне, невольно задержав взгляд на личике девушки, вспыхнувшем румянцем смущения. Царевна Ксения была хороша на диво — огромные черные, как у отца, глаза, толстая, в руку, темная коса, нежнейшая кожа...

— Беги, Ксения! Ты знаешь, негоже царской дочери показывать свое лицо посторонним, — с притворной сердитостью сказала княгиня. — Еще сглазят!

Ксения поспешно прикрыла лицо широким рукавом, из-под которого выглядывал любопытный глаз:

— А это твой сын, мамушка?

— Сын Дмитрий, — уже не скрывая довольной улыбки, ответила княгиня. — Как тебе кажется?

Ксения прыснула в рукав и стремглав бросилась прочь.

— А мячик? — растерянно воскликнул Дмитрий и, озорно усмехнувшись, кинул мячик точно в стайку девушек, стоявших поодаль.

— Хороша? — спросила княгиня.

Дмитрий согласно кивнул, глядя вслед удалявшейся статной красавице.

— Заневестилась наша царевна, — вздохнула Мария Федоровна. — Ждем вот принца заморского, королевича шведского Густава, да всякое про него говорят. Ох, чует мое сердце, неладный брак этот будет. Впрочем, может, бог даст, и получит Ксения хорошего мужа... Ты дома-то еще не был?

— Нет еще. Немцев проводил — и сюда.

— Привет передавай невестушке, скажи, днями заеду, по внукам соскучилась.

...Усадьба Пожарского располагалась рядом со стенами Варсонофьевского монастыря у Сретенских ворот и шла вниз к Трубе, где расселились его посадские люди, занимавшиеся разными ремеслами. Огороженная высоким острым тыном, усадьба в случае беспокойства могла вполне служить крепостью. Парадные ворота с двумя башенками над крышей были украшены образом Николая Чудотворца.

Сейчас массивные двери были распахнуты, видно, что князя ждали с нетерпением. Приехавший раньше дядька Надея встречал его при въезде:

— Жаждались мы тебя, князюшка!

У ворот толпилась дворня. Радостно загавкали, признав хозяина, широкогрудые, рыжие в черных подпалинах, гончие псы — Протас и Разгильдйя. По мосткам,

ведущим через широкий двор, Дмитрий подскочил прямо к высокому красному крыльцу.

Здесь, склонившись в полупоклоне, ожидала его княгиня.

— Здоров ли, Дмитрий Михайлович? Как доехал?

— Слава богу. А ты здорова ли, Прасковья Варфоломеевна?

Князь обнял жену, расцеловал, потом, чуть откинувшись, пристально оглядел ее. Княгиня в честь приезда супруга была одета в парадный, красного сукна опашень с вызолоченными серебряными пуговицами от верха до низу, с широкими прорезями, начинающимися от плеча, сквозь которые были видны не только широкие напакки¹ летника, но и расшитые золотом запястья рубахи. На голове, поверх отороченного золотом волосника², белый платок, подвязанный под подбородком, концы которого согласно последней моде были густо унижены жемчугом.

Хотя брови княгини, опять-таки в соответствии с требованиями света, были густо чернены горелой пробкой, а щеки покрыты густым слоем белил, это не могло испортить ее истинно русской красоты — прямой небольшой нос, губы влажные, чуть полуоткрытые, обнажающие ровный ряд белых зубов, ярко голубые глаза, с обожанием глядящие на повелителя.

Она чуть отстранилась, пропустив хозяина вперед. Князь, войдя в горницу, снял шлем и отдал его жене, широко перекрестился на иконы, занимавшие весь передний угол. Княгиня, не доверяя слугам, помогла ему снять кольчугу и сапоги. Оставшись в белом атласном зипуне, князь умылся, щедро плескаясь под широкой струей, льющейся из серебряного ракушечника. Но, хотя его уже ждал богато убранный стол, садиться не стал, а поспешил пройти крытой галереей, расположенной вдоль дома, в следующую его часть, повернутую углом к основному строению, где находилась детская.

Здесь он подхватил на руки заревевшего было от неожиданности пятилетнего Петра и высоко подбросил его вверх, так что мальчонка тут же закатился от смеха и крепко обнял отца за шею.

Дмитрий, прижимая Петра к себе, шагнул к широкой, просторной колыбели, висевшей посреди комнаты.

¹ Напакки — рукава.

² Волосник — шапочка из шелковой материи.

Там пускал пузыри, пытаясь засунуть ногу в рот, второй сын — Федор. Князь склонился над ним, пощекотал его по животу. Малыш заагукал, улыбаясь во весь беззубый рот, и потянулся к золотой массивной серьге, украшающей правое ухо князя. Не удержавшись на шее отца, шлепнулся в колыбель и Петр. Началась веселая кутерьма, на которую с улыбкой умиления смотрели княгиня и сбежавшиеся мамки княжат.

После обильной трапезы, где и хозяйка, и слуги старались угостить князя самыми его любимыми блюдами, супруги остались одни в верхней светелке. Большие окна, изукрашенные разноцветной слюдой, едва пропускали свет, так что пришлось зажечь свечи. Пышная постель на двух стоящих рядом широких лавках, была покрыта красным бархатным покрывалом, отделанным по краям серебром. На подушках были надеты атласные наволочки, тоже красного цвета.

Князь устало присел на постель, княгинюшка — рядом, робко поглаживая его сильную руку. Дмитрий повернулся к жене:

— Параша, рада моя.

Они поженились восемь лет назад, когда князю исполнилось пятнадцать, столько же и Прасковье. Поместье ее родителей располагалось по соседству с Мугреево, родовой вотчиной Пожарских, что и предопределило исход сватовства. До свадьбы жених и невеста не видели друг друга, за них все решили мать Дмитрия Мария Федоровна да родители Прасковьи. Но брак оказался удачным, муж и жена относились друг к другу с любовью и уважением.

Рука Дмитрия мягко потянула кончик платка, затем сняла шапочку, освободив заструившиеся золотом густые волосы Парашы...

Уже совсем к ночи супруги, как положено по обычаю, отправились в мыльню. Не стесняясь наготы, парились от души, со смехом окатывая друг друга холодной водой из шаек. Потом Прасковья, сделав отвар из лечебных трав, долго распаривала раненую голень супруга.

В первом часу дня¹ отправились на заутреню в церковь Ризоположения, что рядом с монастырем. Усердно осеняя себя крестным знамением, супруги, однако, внутрь церкви не пошли, вызывая понимающие ухмылки

¹ Семь часов утра.

соседей. Вернувшись домой, хозяин принял отчет у супруги, а также и у ключника Данилы, как велось хозяйство.

— Отсеялись в деревнях вовремя, — докладывал Данила. — Однако запасов хлеба осталось мало, дай бог, чтоб урожай выдался. А тут еще напасть выдалась...

— Что случилось? — встревожился князь.

— Да соседи наши иск вчинили, вроде как будто ты ихнюю землю захватил...

Нахмурился Дмитрий, не терпевший несправедливости.

— Это им так не пройдет. Ладно, идем, покажешь хозяйство.

Чуть заметно прихрамывая, Пожарский обошел все дворовые постройки, зашел в подклетье, где жили слуги, затем в хлебную — и поварню, затем через калитку попал на задний двор, придирчиво осмотрел лошадей в конюшне, заглянул и на скотный двор, где были коровы, телята, свиньи, овцы и птица, остался доволен — все в чистоте и порядке, похвалил за сметку зардевшуюся княгиню. Оглядел и огород, особенно грядки из соломы, где дружно взошли ростки огурцов и дынь.

После обеда княжеская дворня, как и все москвичи, погрузилась в сон. Однако самому князю отдохнуть не пришлось: прискакал гонец из Кремля, звал Пожарского дьяк Афанасий Власьев.

Княгиня завздохала, собирая князя:

— Что за пожар! Неужто снова в отъезд?

— Раз уж стал стольником, службу нести надо! — утешил ее Дмитрий.

Дьяк принял стольника ласково, еще раз поблагодарил за службу, сказал, что подписан указ о даче Пожарскому в кормление новой усадьбы здесь, под Москвой.

— Что хмуришься? Аль не рад царской милости?

— Премного благодарен, — склонил голову князь. — Да как бы не случилось, как с моими родовыми землями.

— Расскажи, — потребовал Власьев.

— Да это вроде не по части Посольского приказа.

— Посольский приказ по указу государя имеет право затребовать любое дело.

— Сосед мой, князь Иван Васильевич Сницкий, пока я был в отъезде, подал челобитную через своего чело-

века Ивашку Алексеева в Холопий приказ, будто я сма-
нил его холопов...

— А это не так?

— Конечно неправда! Эти холопы поселились в мо-
ем имении еще до отмены Юрьева дня, есть грамоты.
А глава Холопьяго приказа, князь Никита Романович
Трубецкой, да дьяк Истома Евской, видать, за взятку
выыскивают с меня девятьсот тридцать рублей.

— Ладно, я разберусь. А теперь о деле, по которому
позвал. Посылает меня государь-батюшка по срочному
делу в Ливонию. Ты вроде о службе военной грустил?
Так вот, проводишь меня до северной границы да и ос-
танешься послужить, там нынче шведы балуют. А когда
мне время настанет возвращаться, проводишь меня до-
мой. Как?

Дмитрий, хоть и жалко было, что так недолго дома
пробыл, радости, однако, не скрывал и только спросил:

— Когда прикажешь собираться?

— Дня через три, как грамоты будут готовы, — от-
ветил дьяк.

Через несколько дней Власьев вновь вызвал Пожар-
ского, с довольным видом объявил, что государь велел
отменить непредвиденный иск, возложил за это на Тру-
бецкого и его дьяка опалу, а подьячего, что взял от
Сницкого взятку, велел бить смертным боем.

— Теперь, когда ты спокоен, пора в дорогу!

На этот раз их путь лежал через Тверь, Торжок, Нов-
город на Псков, к границе с Ливонией, где с перемен-
ным успехом шли схватки между отрядами шляхтичей
и шведов. Снова мерно покачивался в седле князь Дми-
трий, правой рукой придерживая поводья, левой опи-
раясь на рукоять отцовской сабли, выкованной из булат-
ной стали. Рядом — дядька Надея Беклемишев, из-под
шишака¹ торчат лохматые густые брови, почти скры-
вающие маленькие глазки. Нет-нет да и приложится к
сулее с медом, что болтается на могучей шее. Дядька
тоже рад, что они снова в походе, что будет где добыть
воспитаннику боевые навыки. Сзади цокают копытами
лошади боевых холопов князя, несущих с ним госуда-
реву службу. Те в душе мечтают вернуться в родные
суздальские земли, где ждут их жены и дети. Но что
делать, такова их служба. И к другому хозяину теперь
не перейти — отменил Борис Годунов, еще когда прави-

¹ Ш и ш а к — род шлема.

телем был, Юрьев день, когда крестьяне имели право уйти от одного помещика к другому. Да и найдешь ли хозяина лучше? Князь Дмитрий строг, но справедлив, зря не обидит, да и хозяйство при нем крепче стало, от голода никто не пухнет...

Выехав на пригорок, князь придержал коня, повернув его в сторону проезжающего обоза. Вот колымага дьяка в сопровождении пеших и конных слуг. Афанасий Власьев махнул рукой, показывая, что до привала еще ехать и ехать.

Набирает силу думный дьяк Власьев при новом государе. Хотя по-прежнему числится главой Посольского приказа дьяк Василий Щелкалов, однако все самые важные дела Борис стал поручать Власьеву. Видно, не забыл злопамятный царь, что после смерти Федора на Земском соборе стакнулся было Щелкалов со старой московской знатью, предложил не избирать царя, а передать правление государством Боярской думе. Правда, увидев, что патриарх Иов крепко за Бориса стоит и мелкопоместное дворянство тоже за него, переметнулся обратно хитрый дьяк, ан поздно. Если раньше Годунов, не стесняясь худородности Щелкалова, публично его отцом родным называл, то теперь кончилась милость царская. Того и гляди, в опалу попадет.

Афанасию Власьеву то, конечно, на руку. Еще более упрочилось его положение с той поры, как он привез с чужеземцами лекаря Фидлера, дающего царю пусть недолгое, но облегчение, да хироманта, тайно живущего в царском дворце.

Дьяк поневоле перекрестился, вспомнив ту страшную ночь, когда он сопровождал царя к предсказателю. Хиромант был горбуном с хилой бороденкой, в высоком остроконечном колпаке, разукрашенном звездами. Но сверкающие желтизной глаза его обладали дьявольской силой, казалось, они отбирали всю твою волю. Как он пригвоздил взглядом дьяка, так тот и остался стоять в углу, плохо соображая, что происходит, и переводя слова хироманта ослабевшим, будто не своим голосом.

— Что он бормочет? — выкрикнул в испуге Борис, не в силах отвести свои глаза от взгляда хироманта.

— Говорит, что видит перед собой великого мужа, достойного быть правителем всего мира. Однако судьба, даровавшая ум и силу, преследует тебя. Все, что ты не задумаешь хорошего, обернется противоположной стороной...

Старец взял правую руку Бориса и узловатым указательным пальцем с длинным ногтем, свернувшимся в трубочку, повел по линиям руки.

— Счастлив в семейной жизни, но не любим подданными... Бог любит тебя, но и дьявол тоже... Линия жизни...

Внезапно старик вскрикнул и закрыл глаза сухонькой ладошкой.

— Что, что? — встревоженно воскликнул государь.

— Я еще посмотрю по звездам, может, это ошибка...

— Какая ошибка?

— Линия жизни на руке показывает, что тебе осталось жить и царствовать всего пять лет...

Дьяк снова перекрестился, вспоминая, как побелело и без того бледное лицо Бориса, как судорожно схватился он за посох, будто собираясь то ли ударить хироманта, то ли бежать от него без оглядки...

И к дьяку вернулась родившаяся тогда липкая мысль: а что, если старик предсказывает верно? Кто станет царем? Неужто малолетний Федор сумеет удерживать власть? Вряд ли... И что станет с ним, с Афанасием Власьевым? Не пора ли оглядеться вокруг, поразмышлять?

Кто тянет руку к царскому державному яблоку? Федор Романов или Федор Милославский? А может, «принц крови», как называют его в Европе, Василий Шуйский? Кому быть царем на Руси?

Власьев закричал даже, досадуя на обступающие его мысли. Ох, дьяк, потребуется все твое хитроумие, чтобы вовремя оказаться рядом и быть полезным будущему властителю... А пока будем верой и правдой служить царю Борису, выполняя его приказы, сталкивая между собой Жигимонта и дядю его, Карла Зюндерманландского, чтобы вернуть России Ливонию...

...Отряд Пожарского остался ждать дьяка Власьева на псковской границе, неся обычную сторожевую службу. Ясные летние дни протекали спокойно. Изредка дорога покрывалась клубами пыли: то ехали либо русские, либо иностранные гости¹ с заморскими товарами. Неожиданно быстро возвратился из Нарвы дьяк. Видно было, что он крайне раздосадован своей поездкой. Попросил Пожарского проводить его в Псков, к местному воеводе Андрею Голицыну. По дороге с негодованием

¹ Иностранные гости — купцы.

рассказал Дмитрию о коварстве шведского Карла, который, чтобы заручиться поддержкой русских против поляков, обещал государю вернуть порт Нарву, который был при Иване Грозном торговыми воротами Руси на Балтийском море. Зная об этой договоренности, Афанасий Власьев еще зимой, находясь в Любеке, снарядил два корабля с товарами в Нарву. Но до Нарвы они не дошли: были схвачены кораблями шведского королевского флота. Попытки Власьева объясниться с комендантом Нарвы ни к чему не привели: комендант отнекивался, однако было ясно, что шведы ждут от русских более решительных действий против поляков, а может, уже слышали о предстоящем визите польского посольства в Москву.

— Ну, ничего, мы им покажем! — злобно сверкал глазами Власьев. — Не хотите добром, не надо. Все равно Нарва будет наша!

Обосновавшись в хоромы воеводы Голицына, дьяк приказал Пожарскому вернуться на границу и ожидать тайного лазутчика из Нарвы. Тот не замедлил себя ждать.

Однажды под вечер дозорные услышали со стороны границы конское ржанье. Однако на дороге никого не было. Дмитрий выехал вперед, зорко поглядывая по сторонам. Ржанье повторилось, на этот раз из березовой рощицы, что виднелась слева от дороги. Князь пришпорил коня и помчался туда.

— Вот горячая голова, — ругнулся дядька Надея, поспешно бросившись вдогонку. — Вдруг засада!

Когда он подскочил к опушке, то успокоился, увидев, что к князю подъехал одинокий всадник. Был он в зеленом охотничьем костюме, широкополая с пером, тоже зеленого цвета, шляпа скрывала черты лица незнакомца.

— От Фласьева? — спросил он Дмитрия властно.

— Да, Афанасий Иванович наказывал ждать! — ответил Пожарский.

— О, хулф готт! — пробормотал гость, однако, заметив непонимание на лице князя, снова переспросил: — Фласьев?

— Да, да, Власьев меня прислал, сказал, что кто-то должен передать бумаги.

Гость вздохнул с облегчением, мельком глянув на маячившего на опушке Надею, спешил и, сняв шляпу, поклонился. Пожарский сделал то же самое. Теперь,

когда они стояли друг против друга, Пожарский хорошо разглядел немца. Тот был столь же высокого роста, как и князь, но дороден, если не сказать толст, волосы имел ярко-рыжие.

Незнакомец указал на свой охотничий костюм:

— Хитрость. Пусть комендант думает, что я поехал стрелять оленей. А я вроде бы заблудился, отстал — и сюда. Но времени нет, иначе спохватятся. Вот три свитка. Один — Фласьеву, второй — воеводе Голицыну, а третий... — лазутчик понизил голос до шепота, — самому государю, в руки. Страшная тайна! — Он приставил палец к губам и, воровато оглянувшись, свистящим шепотом продолжал: — А на словах передай Фласьеву: Конрад Буссов ждет приказа. Как только русские войны подойдут к Нарве, мы откроем ворота. Все лифляндские дворяне хотят служить государю. Мы — пфуй на шведского Карла! Но пусть не задерживается приказ. Иначе наши головы могут полететь. У Карла есть свои лазутчики. Надо спешить.

Он взобрался на коня, низко нахлобучил шляпу и тихо, как тать, скрылся в глубине чащи. Пожарский тоже сел на лошадь, повернул ее к опушке и вдруг услышал сзади хруст веток. Оглянувшись, увидел, что снова подъезжает Конрад Буссов.

Тот приблизился вплотную и вдруг спросил:

— А что, правду говорят, что государь смертельно болен?

— Да нет, когда уезжали, был жив-здоров.

— Слава богу! А то у нас на площади какой-то бродяга кричал, что Борис умирает. Я приказал его на всякий случай повесить!

...Борис действительно занемог. Когда Власьев привез ему бумаги из Нарвы, то застал его лежащим в постели.

— Силы меня покидают, дьяк! — тоскливо сказал приблизившемуся с поклоном Власьеву. — Неужто хиромант ошибся, и мне жить осталось меньше пяти лет?

— Живи вечно, царь-батюшка! — воскликнул Афанасий Иванович, прослезившись. — Если надо, прикажи, еще лекарей доставлю, самых лучших.

— Это, пожалуй, дело! — оживился Борис. — А то Фидлер этот все травами меня потчует. Может, какие другие средства есть?

Он нюхнул из флакона и, опершись на подушки, спросил:

— Так что лазутчик наш верный из Нарвы сообщает?

— Говорит, что лифляндские дворяне откроют ворота, как наше войско подойдет.

— Эва, войско! — вздохнул Борис досадливо. — Войско — это значит война со шведами. А нужно ли нам это сейчас? Вдруг Жигимонт с ним сговорится, все-таки дядя, родная кровь. Возьмут да ударят вместе!

Власьев, склонив голову, молчал и думал про себя, что Борис — мастер интриги вести, а как дело до военных действий доходит, так робеет.

— Нет, наше дело их между собою сильнее стравить, — продолжил царь. — Тогда им не до Ливонии будет. Отпиши лифляндцам, чтобы еще подождали немного.

Выйдя из дворца, Власьев нашел Пожарского, поблагодарил его за службу и сказал:

— Выполню теперь твое желание послужить на границе. Будет на то царев указ. Возвращайся в Псков, под начало Голицына. Ты ему глянулся. Порезвись на просторе!

— Так что, вправду снова война со шведами будет? — обрадовался князь.

Власьев с сомнением покачал головой:

— Переговоры покажут. Ждем в Москву и польских, и шведских послов. Царь-батюшка хочет миром Ливонию вернуть...

...Капитан царской гвардии Жак де Маржере нетопливо спустился на своем бело-пестром коне с крутого берега Замоскворечья к мосту, соединяющему стрелецкую слободу с Кремлем.

Не раз обласканный царской милостью за прошедшие полгода, капитан действительно выглядел на редкость импозантно. Далекими преданиями старины казались дырявый плащ и потертая куртка, в которых Жак прибыл в Россию. Теперь на нем щегольской плащ из алого французского сукна, подбитый соболиными брюшками, камзол и штаны из золотой парчи, шелковая рубаха щедро отделана брабантскими кружевами, которые поставляет ему голландский негоциант Исаак Маса, тот самый ловкий малый, что учил его в дороге сюда русским фразам.

Грех жаловаться, любит государь иностранных воинов. Ему, капитану Маржере, командиру пятисот всад-

ников, положено годовое жалованье в восемьдесят рублей да выделено поместье в семьсот четвертей¹, что приносит такой же доход. На кормление вдобавок выделяется каждую осень по двенадцать четвертей² ржи и столько же ячменя. Его сотники Давид Гилберт и Роберт Думбар получили жалованье по тридцать пять рублей и поместья по четыреста четвертей.

И это при поистине сказочной дешевизне и изобилии съестных припасов. Огромного барана, например, продают за десять копеек, а жирного цыпленка можно приобрести за одну москву³.

Помимо жалованья государь постоянно дарует отличившимся гостинцы в виде денег и отрезков парчи, бархата, атласа или тафты для пошива платья. Нередко видные чиновники и военачальники получают и личные подачи государевы. Так называются кушанья, которые доставляются отмеченному лицу домой с царского обеденного стола. Вот и ему, Маржере, не раз доставляли из дворца жареного лебедя с вареными грушами, блюдо, которое, как заметил царь Борис, особенно нравилось сухопарому капитану.

За такую любовь капитан и его всадники готовы жизни положить, если понадобится... Жак Маржере тряхнул головой, отгоняя внезапное видение — кривую ухмылку Давида Гилберта. Да, бывает, что по вечерам капитан, оставшись один в комнате, при свете свечи аккуратно поверяет свои дневные наблюдения бумаге. Сообщает он не только о быте и нравах, но и о том, что слышал любопытного во дворце, новое об укреплениях крепостей, их вооружении.

Каждую записку он делает в трех экземплярах. Один экземпляр вручается толмачу Заборовскому, он упорхнет в Польшу, к гетману Льву Сапеге. Второй — для Гилберта, через английских купцов уплывает к графу Солсбери, канцлеру королевы Елизаветы. И третий через Исаака Массу попадет в Голландию, а оттуда — в Париж, в руки его любимого короля Генриха.

Маржере спешит успокоить свою совесть: если понадобится, то в критический час его шпага будет верно служить государю Борису!

¹ Одна четверть — мера площади — полдесятины — 55 ар.

² Одна четверть — мера веса — сорок килограммов.

³ Одна москва — полкопейки.

...Ранним летним утром царский поезд отправился в загородное поместье Вяземы. Огромную, пышно отделанную золотом карету, в которой находились царь Борис Федорович и царица Мария Федоровна, дочь печально известного царского палача Малюты, сопровождала пышная процессия. Здесь был весь «двор» — и думные бояре, и родовитые князья, и московская знать. Кто в своих колымагах, кто верхом. Царицу сопровождало много женщин, жен и дочерей боярских, ехавших верхом по-мужски, в одинаковых широкополых шляпах из белого сукна, в длинных и широких разноцветных платьях из тонкого сукна, из боковых прорезей которых были видны широкие, в парижский локоть¹, рукава шелковых платьев, обильно отделанных жемчугом.

Маржере, гарцевавший со своими всадниками вдоль процессии, лихо подкручивал ус и исподтишка оглядывал русских женщин, радуясь столь редко представляемой возможности увидеть их лица открытыми. Ведь даже когда Маржере бывал на разгульной пирушке у кого-нибудь из стрелецких голов, женщины не показывались гостям. Не мог он, будучи иноверцем, посещать и православные храмы — место, куда женщины ходили часто лишь в сопровождении слуг и вели себя достаточно вольно.

Даже неумело густо наложенные белила и румяна, как с удивлением отметил про себя Маржере, не могли испортить красивых лиц амазонок, скачущих вслед за царской каретой. Капитан, достаточно опытный в амурных успехах, несколько даже растерялся, не зная, которой из них отдать предпочтение.

Впрочем, и сам капитан со своей импозантной внешностью не остался незамеченным красавицами. Во всяком случае, одна из них, на великолепном белом аргамаке, в белой шелковой поволоке², отделанной золотым шитьем и драгоценными камнями, в кокошнике, сверкающем на солнце сотнями розовых жемчужин, проскакала совсем рядом с капитаном и будто невзначай хлестнула своим арапником по крупу его коня, так что тот от неожиданности встал на дыбы, и только опытность всадника не позволила ему грохнуться наземь.

Красавица вроде бы от смущения закрыла лицо широким рукавом, однако так, что хорошо были видны ее

¹ Парижский локоть — 120 см.

² Поволока — мантия, одевавшаяся поверх платья.

черные смеющиеся глаза. Маржере, закипевший было от бешенства, тут же оттаял и широко заулыбался, показывая ровный ряд желтоватых зубов.

Во время дальнейшего путешествия он уже не спускал глаз с черноглазой красавицы и, когда в Вяземах царский поезд остановился, решительно оттолкнув слугу, сам помог сойти даме с лошади, за что был вознагражден нежным пожатием маленькой, но крепкой руки.

Впрочем, на этом все общение и кончилось, поскольку незнакомка с другими дамами удалилась вслед за царицей липовой аллеей на лужайку у реки. Капитан должен был вернуться к своим прямым обязанностям — охранять государеву особу. Царь Борис чувствовал себя неважно, и прогулка не принесла долгожданного облегчения. Напротив, ему, видимо от тряски в карете, вдруг стало хуже, и он потребовал, чтобы его немедленно на носилках отнесли во дворец. Маржере, сопровождавший государя со своими телохранителями, так больше не увидел в этот день прелестную особу и не успел узнать ее имени.

Царь тем временем чувствовал себя все хуже, едва находил в себе силы, чтобы побывать на службе в соборе, и, естественно, ни о каких загородных поездках речи больше не было. Однако образ черноглазой красавицы не оставлял мыслей доблестного капитана. Не раз он останавливался, глядя вслед какой-нибудь боярской колымаге: вдруг в ней едет таинственная незнакомка?

Среди ландскнехтов особой популярностью пользовалась московская чародейка по прозвищу Наська Черниговка, проживавшая здесь же, в Замоскворечье. Еще не старая, разбитная смуглая бабенка охотно предлагала свои услуги в любовных делах — приворожить сердце и ум какой-нибудь красотишки, обмануть ревность мужа, узнать, изменяет ли тебе любимая женщина. Делалось это с помощью мыла, белил, соли, кореньев и прочего. Не гнушалась Наська, скажем, рубахой того, кто должен полюбить. Достаточно было сжечь ворот рубахи и подсыпать пепел в питье этому человеку с приговором: «Какова была рубашка на теле, таков муж до жены был», — чтобы добиться успеха. Бралась Наська Черниговка с помощью различных узелков и наговоров убереечь солдат и от вражеской пули и сабли.

Маржере, повидавший на своем веку множество колдунов и колдуний во всех странах, лишь посмеивался

над легковерием своих товарищей. Тем не менее сердце его екнуло, когда вдруг Наська Черниговка подошла прямо к нему и, нагло улыбаясь, сказала:

— Хочешь, капитан, погадаю про твою любовь? Давай левую руку.

Капитан, сняв перчатку, дал руку. Гадалка, водя птичьим острым носом вдоль руки, нараспев произнесла:

— Любит тебя, капитан, черноглазая красавица из высокого терема. И ты ее любишь, из сердца выкинуть не можешь, хоть и видел ее всего один раз... Так?

— Так, так! — возбужденно воскликнул капитан, хватая гадалку за руку. — Говори, ты ее знаешь?

— Что-то глаза застилает, — застонала вдруг гадалка. — Ничего не вижу. Положи гривенник на ладонь.

Капитан торопливо бросил на стол серебряную монету.

— Ну, говори же, как мне ее увидеть?

— Для начала подарочек надобен. Чтоб уверилась голубка, что ты ее любишь. Вот этот перстенок, хотя бы...

Капитан послушно снял с левого безымянного пальца золотой перстень с драгоценным камнем.

— Вот другое дело! — кивнула Черниговка. — Теперь ожидай весточки, скажу, когда сможешь свидеться.

Потянулись томительные дни. Капитан не находил себе места, начав снова сомневаться в гадалке. Но вчера вечером Наська Черниговка со своим птичьим носиком снова появилась в его доме. Дождавшись, когда Маржере отослал своего слугу, шепнула:

— Завтра после обеда будь у часовни на крестце¹ у Варварки. Я тебя проведу куда надо...

Назавтра Наська Черниговка, увидев капитана, деловито засеменила впереди, ведя его вдоль высокого чаштокола, огораживающего дворы московских знатных людей и богатых купцов. Узенькой тропкой спустились они вниз, к стене Китай-города, прошли вдоль задней части заборов, огораживающих подворья. Остановились возле незаметной калитки. Оглянувшись по сторонам, Черниговка осторожно тронула калитку, та послушно открылась.

Наська улыбнулась капитану:

— Ожидает тебя твоя красавица.

Крадучись, прошли они густым яблоневым садом к

¹ Крестец — перекресток.

терему, стоявшему поодаль от основного дома. Скользнув в заднюю дверь, Наська пропала на несколько минут, потом выглянула, поманила сухонькой ручкой. В сенях было темно. Черниговка подтолкнула взволнованного любителя приключений к лестнице:

— Ступай наверх. А обратно дорогу сам найдешь.

Капитан услышал, как закрылась за Черниговкой дверь, и осторожно шагнул на ступень лестницы, проверяя, не скрипнет ли она предательски. Еще осторожный шаг, еще.

Из приоткрытой наверху двери лучился неяркий свет свечи. Маржере с неистово стучащим сердцем перешагнул порог. На широкой лавке, устланной дорогой тафтой, сидела его прекрасная незнакомка. Черные волосы ее были распущены. Глядя на свечу, женщина неторопливо расчесывала серебряным гребнем густые волосы и что-то тихонько напевала.

Прижав шляпу к груди, Жак опустил на одно колено и прижался жаркими губами к полной ручке.

— Тише! — прижала палец к губам женщина. — У меня муж ревнивый!

Она подвинулась, предлагая Маржере сесть рядом.

— Как тебя зовут?

— Жак. Яков по-вашему. А тебя?

— Елена.

— О, Елена Прекрасная!

Черные глаза озорно смеялись:

— Еле тебя нашла! Хорошо Наська Черниговка помогла.

— Я тоже тебя искал повсюду. Но у вас такие строгие порядки...

— Не такие уж строгие...

Уже совсем стемнело, когда Жак, опьяненный любовью, возвращался к калитке через яблоневый сад. Неожиданно у забора он увидел силуэт мужской фигуры. Выхватив шпагу, Жак бросился вперед. Прижав своим телом тело незнакомца к забору, эфесом шпаги он уперся в шею противника, не давая ему закричать, спросил хрипло:

— Ты кто?

— А ты кто? — дерзко ответил незнакомец.

— Я гость.

— Хорош гость, — хмыкнул незнакомец, видно, не очень испугавшийся. — Никак, немец к нам пожаловал!

Он взгляделся в лицо капитана.

— О-о, и не простой немец! А капитан телохранителей государевых! И пошто пожаловал к нам, да еще через задний ход? Не иначе как прелюбодействовать! С кем же? Неужели с самой боярыней? Угадал?

— Я тебя сейчас зарежу, — яростно прошептал Маржере, и незнакомец понял, что немец шутить не намерен, поэтому сменил тон.

— Судьба, видать, такова, — грустно заметил он.

— Какая судьба?

— Моего папую, он тогда в сотниках стрелецких ходил, в пьяной драке какой-то литвин зарезал, а меня теперь — немец.

— Шутки твои кровью пахнут, — мрачно буркнул Маржере, однако шпагу опустил. — Кто я, ты знаешь. А ты кто, охранник здешний?

— Служилый дворянин я. Григорий Отрепьев. Только служу не у здешнего хозяина, а у его старшего брата — Федора Романова. А здесь оказался по тому же делу, что и ты. Есть у меня одна зазноба, из сенных девушек боярыни.

— Романова? — ошарашенно переспросил Маржере.

— Тю, хорош любовник, не знает, у кого был! Это же двор Александра, среднего брата из рода Романовых. Так что тебе не мужа ревнивого опасаться надо. Что он может? Разве что жену неверную по шее закопать на Поганом болоте. Тебе государевой огласки бояться надо. Знаешь, как царь к Романовым относится!

— Самих бояр он не трогает, — сказал капитан.

— Правильно. Зато все, кто к ним ходит, потом на дыбу попадают. Тут же вокруг него лазутчики шныряют. Идем, выведу. А то есть тут такой ирод Сашка Барте-нев. Увидит, обязательно Семену Годунову донесет. Давай сюда. Да нет, в калитку опасно, можно наскочить. Тут доска есть оторванная...

Темными проулочками они вышли к кабаку, где капитан оставил свою лошадь. Дверь, ведущая в питейное заведение, внезапно распахнулась, и оттуда послышался зычный голос изрядно опьяневшего Думбара. Выплеснувшийся свет позволил капитану разглядеть лицо сопровождающего. Было ему за тридцать, вислый нос и тонкие губы придавали унылый вид. Однако серые глаза, смотревшие с усмешкой, выдавали недюжинный ум. Маржере жестом пригласил Юрия зайти выпить, но тот паотрез отказался:

— Негоже, если нас вместе увидят. Ни тебе не сдо-

бровать, ни мне. А если парой гривен богат, то выпью за твою буйную голову в другом месте. И мой совет — остерегайся!

...По указу государеву польское посольство было встречено с всевозможной пышностью и почетом, чтобы показать полякам богатство и могущество русского царя. Начиная от ворот Скородома до Красной площади сплошной цепью вдоль улиц были выстроены стрельцы в праздничных кафтанах зеленого, синего, красного сукна, с пищалями и бердышами.

На Красной площади всадники иноземных отрядов царя, разодетые в парчовые и бархатные камзолы, образовали коридор, ведущий к Варварке. Капитан Маржере, гарцующий впереди строя своих солдат, встретился глазами с главой посольства Львом Сапегой, внимательно рассматривавшим церемонию встречи из окна своей кареты, но виду не подал, что они знакомы.

Миновав площадь, посольский поезд, ведомый всадниками Маржере, вместо того, чтобы выехать прямо на Варварку, где находился посольский двор, свернул влево, затем направо, минуя пышное строение, у которого стояла вооруженная охрана, приветствовавшая процессию громкими кликами.

— Узнай, что они кричат! — приказал Сапега конному шляхтичу, сопровождавшему карету.

Тот прищиприл коня, усккал вперед, но вскоре вернулся.

— В этом замке располагается принц Густав, двоюродный брат нашего короля. Говорят, царь Борис обласкал его и собирается женить на своей дочери.

— Плохое предзнаменование для переговоров, — буркнул Сапега, отодвинувшись в глубь кареты. — Борис, видать, ведет с нами двойную игру.

Как только посол и сопровождавшие его более трехсот польских дворян, а также их многочисленные слуги оказались за частоколом двора, ворота захлопнулись, и вдоль забора были выставлены часовые.

Лев Иванович Сапега, взойдя на крыльцо дома, огляделся и нахмурился.

— Странное гостеприимство, — проговорил он сквозь зубы, обращаясь к Станиславу Вариницкому, каштеляну варшавскому, и Илье Пельгржымовскому, писарю Великого княжества Литовского, уполномоченным вместе с канцлером вести переговоры. — Мы здесь скорее не в

гостях, а под арестом. В прошлый раз, когда я был с посольством в Москве, такой подозрительности русские не обнаруживали. Это плохой признак. Видимо, наши сведения о болезни Бориса достоверны, и власть его над подданными неустойчива.

— Какой же смысл вести переговоры со слабым и больным правителем? — запальчиво заметил Вариницкий.

— Не будем обсуждать это прилюдно, — мягко заметил Сапега, который, несмотря на свою молодость, имел немалый дипломатический опыт. — Тем более что пристав, по-моему, отлично понимает наш язык.

Действительно, пристав, стрелецкий сотник, отдававший команды, куда ставить лошадей и где располагать имущество, приблизился к говорящим.

— В тесноте, да не в обиде! — сказал он, широко улыбаясь. — Прошу вас, входите в дом, располагайтесь.

— Но здесь нет даже кроватей! — возмутился дворецкий князя, успевший осмотреть комнаты.

— А у нас кроватей не бывает! — не переставал улыбаться смешливый пристав. — Сам царь-батюшка на лавках спит.

— Для нас это невозможно! — гордо сказал каштелян. — Мы не привыкли спать на досках!

— Придется купить вам самим кровати в Немецкой слободе! — предложил пристав. — Там это добро ихние ремесленники делают по заказу.

— Мы сможем свободно гулять по Москве? — полюбопытствовал канцлер.

Пристав сокрушенно вздохнул:

— Никак нельзя, опасно! Много лихих людей бродит. Так что только с моего разрешения и в сопровождении стрельцов.

Канцлер вспыхнул от негодования и, крутанув длинный ус, заявил:

— Передай, холоп, своему великому князю, что, если нас будут держать в такой тесноте, мы будем вынуждены сами помыслить о себе!

Эта фраза явно не понравилась приставу, и он грубо ответил, что такие слова говорить для доброго дела непристойно. Тем не менее он все же разрешил дворецкому со слугами в сопровождении стрельцов отправить за кроватями.

Послы, сидя в гостиной, пребывали в подавленном настроении, когда у ворот раздались звонкие удары ту-

лумбаса. В горницу вбежал шляхтич из посольской охраны.

— Посланец царя Бориса Михайла Глебович Салтыков.

— Пусть войдет, — сказал Сапега, поднявшись со скамейки.

Вошедший гость снял высокую меховую шапку, хотел было перекреститься, но, не найдя икон, лишь поклонился. Сапега ответил легким кивком головы.

Салтыков покраснел от обиды, но сдержался и сообщил:

— Великий государь жалует послов польских своим обедом. Мне велено составить вам компанию, чтобы не скучно было. Эй, толмач, переведи.

Следовавший за ним Яков Заборовский поспешил заговорить:

— Прошу вас, панове, умерить гордыню и поблагодарить посланца со всевозможной учтивостью. Присылка обеда — это великая честь. Если вы откажетесь, то, считайте, никаких переговоров не получится.

Лев Сапега, как более опытный из послов, сделал любезную улыбку и поблагодарил за угощение. По тому, как тараторил Заборовский, было видно, что он не жалеет лестных эпитетов в адрес царя.

Салтыков улыбнулся, успокоенный, и жестом предложил подойти к окну. Зрелище было действительно впечатляющее: в ворота входила целая процессия. Впереди шли двое стрельцов, несущие каждый по большой скатерти, свернутой в свиток, следом еще двое — с солонками, потом — с уксусницами, двое несли ножи, и двое — ложки. Шесть человек прошествовало с корзиной хлеба, за ними еще шесть, несущих серебряные сосуды с водкой и вином, за ними столько же с серебряными кубками немецкой работы, затем пошли по четверо стрельцов, несших большие серебряные блюда с мясными и рыбными кушаньями, овощами и фруктами. Следом во двор внесли восемнадцать жбанов с медом и шесть больших чаш для питья. Шествие заключали телеги, на которых везли напитки и закуски, предназначенные для прислуги. Всего Сапега насчитал четыреста стрельцов, принесших обед. Поляки, высыпавшие во двор, не удерживались от восторженных восклицаний по поводу столь пышного церемониала.

Во время обеда Лев Иванович благодаря вкусной еде и крепким напиткам пришел в благодушное настроение

и попытался выведать у присланного дворянина, как себя чувствует царь, склонен ли он заключить мирный договор и когда начнутся переговоры.

Михайла Глебович Салтыков, чья широкая физиономия с узким лбом и оттопыренными ушами не внушала никакого доверия, действительно оказался человеком увертливым. Провозглашая одну за другой пышные здравицы в честь царя Бориса и короля Жигимонта, их родных и близких, а также в честь именитых гостей, он умудрился не ответить ни на один прямой вопрос.

Воспользовавшись одной из его пышных тирад, Сапега шепнул толмачу:

— Нам надо обязательно поговорить!

Тот опасливо скосил глаза на Салтыкова, показывая, что сделать это сейчас опасно. Однако представился удобный случай: на людской половине, где располагалась прислуга, подогретые медом поляки начали задиаться со стрельцами, и Салтыков послал толмача утихомирить драчунов. Сапега тут же сделал вид, что ему необходимо удалиться по надобности, и вышел следом. В сенях он прижал тщедушного толмача своим тучным животом в угол и яростно зашептал в ухо:

— Что, действительно трон Бориса зашатался? Кого прочат бояре на его место? Шуйского? Голицына? Или кого-то из Романовых?

— Романовы сейчас сильнее всех, — ответил Заборовский. — Они очень богаты, имеют свое войско. В случае чего, их скорее поддержит московский люд, потому что они — ближайшие родственники покойного царя.

— Мне надо тайно встретиться с кем-то из них, — властно сказал Сапега.

— Старший, Федор, человек осторожный, он откажется. А вот с Александром, пожалуй, можно организовать. Но очень опасно. Если ищейки Годунова что-нибудь разнюхают...

— Здесь встречаться нельзя, — согласился канцлер. — Вокруг охрана и соглядатаи. Но я думаю, их можно обмануть. Когда мой дворецкий поедет за кроватями, я переоденусь в костюм слуги и где-нибудь в переулке отстану. Пусть Романов тоже переоденется, чтобы не быть узнанным, и встретимся в каком-нибудь трактире. Понял? Жду сигнала.

Через несколько дней такая встреча состоялась в Заюрье, недалеко от Немецкой слободы. Отстав от телег, на которых поляки, как бы резвясь от избытка выпито-

го, устроили кучу-малу, отвлекая стрельцов, Сапега нырнул в захудалый кабаk, куда обычно приходили бродяги да нищие. В темном углу сидели два монаха, один из них махнул рукой — канцлер узнал толмача. Осторожно глянув по сторонам и убедившись, что в этот час корчма пуста, Сапега присел за стол и приказал Заборовскому встать у входа, чтобы сберечь их от ненужного глаза.

— Буду сразу говорить о деле, — сказал Лев Иванович на чисто русском языке. — Я привез предложение нашего короля о создании унии. В случае если один из правителей умрет, власть в обоих государствах переходит ко второму.

Монах, приподняв капюшон, взглянул на канцлера насмешливо:

— Борис хитер и на такую уловку не поддастся. Король молод, а Борису за пятьдесят, вдобавок болен. Значит, наш престол перейдет к Жигимонту? Не бывать этому. Борис хочет, чтобы отныне и во веки веков на Руси правил род Годуновых!

— Разве это справедливо? — сочувственно сказал канцлер.

— Нет, этому не бывать! — ударил по столу кулаком монах. — Мы, Романовы, не позволим. Если так случилось, что царский корень прервался...

— А если не прервался? — снова перебил его Сапега.

— Как — не прервался? — тупо уставился на него Александр Романов. — Или ты веришь, что угличский царевич жив? Поверь, то глупые слухи. Мы доподлинно знаем, что царевич похоронен.

— А если жив другой царевич?

— Какой другой? Другого не может быть.

Сапега придвинулся вплотную к монаху и сказал:

— Я тебе открою сокровенную тайну. Ты обсудишь ее с братьями, а потом, подумав, ответите мне о своем решении. Ты знаешь, что отец Ивана Грозного, Василий Третий, развелся с первой женой Соломонией из-за ее бездетности?

— Конечно. Он женился на Елене Глинской, которая родила ему Ивана.

— А знаешь ли, что Соломония была пострижена, будучи беременной? И в монастыре родила сына Георгия? Василий, узнав об этом, послал бояр к бывшей жене, но та ребенка не отдала, сказала, что он родился мертвым, и даже указала могилку. Однако мальчик ос-

тался жив. Его прятали по монастырям, пока он не достиг юношеского возраста.

— Мне мой отец рассказывал, что Ивана Грозного все время преследовал призрак старшего брата. Не раз он сам бросался в монастыри, лично пытал настоятелей, пытаясь найти брата. Он считал, что бояре знают об этой тайне и в любой момент могут организовать заговор. Но потом внезапно страхи царя утихли, он решил, что Георгия больше не существует, и обратил свой гнев на двоюродного брата Владимира Старицкого, заставив его выпить бокал с ядом.

— Все правильно. Только Георгий остался жив. Он бежал в Литву, где находилось много русских «отходчиков». Когда там оказался и Андрей Курбский, Георгий перешел к нему на службу, был одним из его приставов. Князь сосватал ему в жены местную православную шляхтичку, имевшую небольшое поместье. В тысяча пятьсот восьмидесятом году у него родился сын, которого он нарек Дмитрием...

— А ты откуда это знаешь? — недоверчиво спросил Александр.

Увлеченный рассказом, он забыл об осторожности и откинул капюшон.

— Георгий открылся во всем Андрею Курбскому. И тот все вынашивал планы отомстить царю Ивану, организовать поход с настоящим царевичем во главе. Однажды он проговорился моему дяде, тоже Сапеге, который был тогда минским воеводой. Мир праху его! Он умер. Умер и Курбский, умер и Георгий. Но Дмитрий жив, и он знает о своем царском происхождении.

— Тоже Дмитрий. Какова игра судьбы! — проговорил внимательно слушавший Александр Романов. — Но где доказательства? Кто поверит, что он прямой потомок Александра Невского?

— Говорят, что он очень похож на парсуны¹ своего деда. Похож, кстати, и на своего дядю. Это подтверждают старики, знавшие Ивана Грозного в молодости.

— Так сколько ему лет?

— Двадцать исполнилось.

— А угличскому сейчас было бы восемнадцать. Почти ровесники.

¹ Парсуны — портрет, вышитый на ткани.

— Говорят также, что на груди царевича есть родимое пятно, которым были отмечены все члены этой роковой семьи.

— Этого маловато, чтобы церковь и народ признали в нем царского сына. Есть ли какая-то грамота, утверждающая его происхождение?

— Нет. Ведь отец его был рожден тайно и ни в каких книгах не записан. Правда, в Европе ходит книга Сигизмунда Герберштейна, который долгие годы был послом римского императора при дворе Василия Третьего. Когда, кстати, великий князь занял престол, первое, что он сделал, — это заточил в тюрьму своего главного соперника, племянника Дмитрия, так и умершего в заключении...

— Воистину злосчастное имя для правителей! — воскликнул Романов. — Ведь и первенец Грозного был назван Дмитрием. Он утонул в младенческом возрасте!

— Так вот Сигизмунд Герберштейн, бывший в то время в Московии, утверждает, что Соломония родила сына по имени Георгий, но никому не желала показать ребенка. Мало того, когда к ней были присланы некие лица для расследования истины, то она, говорят, отвечала им, что они не достойны того, чтобы глаза их видели ребенка, а когда он облечется в величие свое, то отомстит за обиду матери.

— Свидетельство иноземца для русских всегда сомнительно, — возразил Александр. — Но может, мать оставила для него какой-то знак? Натальный крест, такой, как, скажем, крест Дмитрия уglichского?

— Это какой-то особенный крест?

— Да, он из рода в род переходил от великого князя к наследнику. Иван Грозный повесил на грудь своему последнему младенцу этот крест как царский знак. Он сделан из чистого золота и платины и украшен алмазами. Когда Дмитрия зарезали, мать, Мария Нагая, сняла его и тайно хранит у себя. Поэтому, говорят, — Александр перешел на шепот, — и не выживали дети у царя Федора, потому что не было этого креста. Как ни старался Борис, он не смог выманить никакими хитростями этот крест у убитой горем матери...

— Это тоже тайна, но о которой тем не менее знают все? — улынулся в усы Сапега.

— Да, тот, кто предъявит царский крест, станет царем. Так гласит народная молва! — убежденно ответил Александр.

— Но ведь принц угличский погиб. Это достоверно известно! — сердито бросил Сапега.

— И все равно народ верит!

— Чепуха, сказки! Я вам предлагаю реального царевича!

Романов уперся взглядом в столешницу, не отвечая.

— Я знаю, о чем ты думаешь! — зло бросил канцлер. — Надеетесь, что, когда Борис умрет, кто-то из вас, Романовых, сядет на престол. Но вспомни, что произошло, когда умер Федор. Вы же сами отдали власть Борису, потому что тут же перессорились с Шуйскими да Мстиславскими! И теперь произойдет то же самое! Пока будете спорить между собой, трон вновь захватит какой-нибудь выскочка! Не лучше ли объединиться под знаменем истинного царевича, который, заняв престол, будет послушен воле боярской!

«И польской тоже», — подумал про себя Романов, а вслух спросил:

— И где же Дмитрий сейчас обретается?

Сапега бросил испытующий взгляд на собеседника и, чуть замешкавшись, ответил:

— Где ему и положено быть. В своем имении на Волыни. Но если вы, родовая знать, примете решение, он сразу перейдет границу, да не один, а с войском. Мы, князья литовские, ему поможем. Это и будет наш вклад в единение славянских племен, создание русско-литовско-польской державы. Поверь, это будет держава, перед которой преклонятся все государства Европы, в том числе и Римская империя... Прошу, посоветуйся с братьями, с другими родовитыми князьями. Мне надо срочно знать ваше решение, чтобы знать, как вести переговоры с царем Борисом...

В промозглой темноте они расстались, и Сапега, дождавшись, когда груженные телеги вышли из Немецкой слободы, незаметно, как ему казалось, уселся на одну из них. Но, увы, соглядатаи Семена Годунова не дремали. На следующий день целовальник донес о подозрительной встрече иноземца в одежде польского слуги и боярина Александра Романова, одетого монахом. Признал он и царского толмача. А еще через день Алексашка Бартенев-второй доложил, что собирались вместе все пять братьев Романовых, о чем-то горячо говорили, о чем — он доподлинно не слышал, но несколько раз произносилось имя царевича Дмитрия. Заметили тайные соглядатаи, что о чем-то шептались Александр Романов

и Василий Шуйский во время службы патриарха в Архангельском соборе.

Перепуганный тревожными вестями, бросился Семен Годунов в царские покои. Там он застал лекаря Фидлера с братом, что хлопотали с какими-то травами, подсыпая их в большой золотой таз, в котором Борис парил распухшую правую ногу.

— Волянка проклятая привязалась, ходить не могу! — пожаловался Борис, по-ребячьи страдальчески выпячивая губу. — Садись. Почему в неурочье явился, случилось что?

Семен присел на скамейку, снял шапку, но многозначительно молчал.

Лекари, укутав таз с ногой в толстую шерстяную ткань, установили рядом с постелью царя песочные часы и временно удалились.

— Ну, что на хвосте принес? — грубо спросил царь. Видно, что простреливающая ногу боль отнимала у него и без того небольшие силы.

— Романовы тайно ведут переговоры с Сапегой.

— Не врешь? — подскочил царь, забыв было о больной ноге, и тут же со стоном опустил обратно. — Кто их свел?

— Яшка Заборовский, твой толмач. И это после стольких милостей, какими ты его одаривал!

— К допросу взял? — мрачно спросил Борис.

— Сказывает, что услужить тебе хотел. Узнать, о чем будут говорить, и донести.

— Узнал? — так же мрачно и односложно продолжал спрашивать Борис.

— Сказывает, что его удалили, как только разговаривать начали.

— А что на дыбе сказал?

— На дыбу еще не брали. Как без толмача переговоры с поляками будем вести?

— Обойдемся. Дьяк Власьев все, что нужно, переводит.

— Еще есть донос, что братья Романовы в тот же день у Федора собрались...

— Так я и знал — зашевелилось осиное гнездо! — воскликнул царь, комкая в ярости рубаху на груди.

— И это еще не все: Бартенев, слуга Сашки Романова, подслушал, что будто про царевича Дмитрия говорили!

— Вот видишь — от поляков злые эти слухи идут. А

наши толстопузые уже и обрадовались. Забыли, что присягу мне и сыну моему целовали!

Борис разошелся. Отпихнув в ярости таз с отваром, хромая, забегал по комнате. Остановился у икон с мерцающими свечами, жарко перекрестился:

— Господи! Да когда же уймутся наконец враги наши!

Повернулся к притихшему Семену. Глаза его черные сверкали решимостью.

— Долго я терпел их козни. Все! Настал твой час, Семен! Сумеешь обезвредить — тотчас получишь боярскую шапку.

Семен поклонился.

— Что молчишь? Аль заробел? — спросил Борис.

— Взять-то можно, а в чем их вины искать? Что Алексашка с послом встречался? Ежели отпираться будет? Ведь посла к допросу не возьмешь?

Борис опустил голову на грудь, тянулись тягостные минуты размышлений. Наконец он произнес уже спокойным, мелодичным голосом:

— Ты прав. Тут не силой, надо хитростью изводить недругов наших. Что предлагаешь?

— Сказывают верные люди, — елейно начал Семен Годунов, — будто жена Федора Ксения да Алексашка, брат его, травами всякими увлекаются да заговорами... Вот ежели у Александра во время обыска найдутся вдруг коренья ядовитые, то можно доказать, что присягу братья нарушили и решили тебя ядами извести.

— А сумеешь найти?

— Сумею, — ухмыльнулся Семен. — Бартенев на что? Ему после доноса деваться некуда — если не мы, хозяин его порешит.

— Кого на обыск пошлешь?

— Михайлу Салтыкова.

— Что ж, это верный пес. Скажи, что, если дело сладит, тоже боярскую шапку получит. Пусть только имеет в виду, что эти волкодавы клыки острые имеют. Надо побольше с собой стрельцов взять, да и немцев моих. Они стесняться не будут, коли им хорошие дачки пообещать...

...Капитана Маржере срочно вызвали во дворец, к главе Сысного приказа Семену Никитовичу Годунову. Когда тот, бросив поводья своего коня сопровождавшему его слуге, ступил на крыльцо пыточной избы, оттуда выскочил как оглашенный молодой человек в ливрее

бояр Романовых, запихивая небольшой кожаный мешок за пазуху. Маржере решительно шагнул внутрь избы. Здесь дотлевал костер под дыбой, пахло паленым мясом. В углу капитан заметил растерзанное человеческое тело в лохматых одеждах. Он с трудом узнал толмача Якова Заборовского. В груди у капитана что-то екнуло — неужели толмач предал его? Но внешне лицо капитана осталось невозмутимым. Хищно улыбнувшись и крепко держа рукоять шпаги, он поклонился, не снимая шляпы, сидящим за столом Годунову и Салтыкову, потом гордо выпрямился:

— Почто зван? Я ведь только государю подвластен.

— Есть царский указ, — змеиной улыбкой ответил Семен Никитович. — Будем ночью нынешней брать бояр Романовых за измену.

Опять похолодело в груди у капитана: неужели видел, как он был на подворье Романовых? Годунов испытующе глянул в лицо немца, но тот стоял молча, ожидая приказаний.

Семен Годунов кивнул на Салтыкова.

— Ему приказано командовать. Он возьмет две сотни стрельцов да ты сотню своих всадников. Слуги Романовых вооружены отлично и наверняка окажут сильное сопротивление.

— Воевать — дело привычное, — сказал капитан, — есть только просьба...

— Какая? — быстро спросил Годунов, проверяя, не струсил ли хваленый солдат.

— Мне с моей сотней прошу поручить брать главное подворье — Романова-старшего. Думаю, что у него больше всего войска и там будет жарче всего.

— Верно, — обрадованно согласился Салтыков, сам робевший предстоящего дела. — Быть по-твоему! К вечеру приведи в Кремль, вроде как на дежурство, свою лучшую сотню. Людям прикажи привести пищали в полную готовность, однако не говори, куда и зачем пойдём.

Глубокой ночью вышли они из Фроловских ворот Кремля. Со зловеще горящими сотнями факелов процессия не торопясь прошла несколько сот метров к Варварке. Здесь спешившиеся гвардейцы оцепили двор Федора Романова, стоявший первым. Стрельцы прошли далее, оцепляя дворы Александра, Михаила, Василия и Ивана.

Первым застучал в ворота, ведущие во двор Александра, Салтыков.

— Кто там в ночь, за полночь? — крикнул сторож.

— Открой по царскому указу! — закричал Салтыков, и, едва калитка приоткрылась, по его команде туда бросились стрельцы. За ними поспешил и Салтыков: скорее в горницу хозяина, к заветному сундучку, куда Алексашка Бартенев должен был положить мешок с кореньями.

— Ага, вот и они! — вскричал с торжеством Салтыков, извлекая заветный мешок и чувствуя, как голова его потяжелела от боярской шапки, и показал пальцем на вбежавшего полураздетого хозяина. — Вязать его! Вязать всех — и подлых, и челяды! Доставить в Сыскной приказ к Годунову.

Маржере, как всегда, угадал: самое жаркое дело заварилось у стен подворья Романова-старшего. Услыхав возню на соседнем дворе, слуги открыли пальбу. Ожидавшие этого гвардейцы по приказу капитана ответили дружным залпом, от которого враз загорелись соломенные крыши сараев. Проломив ворота, гвардейцы рассыпались по двору, вступив в рукопашный бой с челядью. Звон сабель и шпаг, стоны раненых огласили окрестности. Крутя отчаянно шпагой и делая ловкие выпады так, что один за другим падали на землю босые холопы, капитан пробивался к дому. У самого крыльца на него бросилось трое слуг. Одного из них капитан сразил выстрелом из пистолета, другого проткнул шпагой, повернулся к третьему, приставив шпагу к его груди.

— Помилуй меня, капитан! — воскликнул человек и отбросил саблю.

Отблеск пожара осветил его лицо. Капитан узнал Григория Отрепьева.

— Что ж, долг платежом красен! Беги. Иначе сейчас тут будут мои солдаты...

Отрепьева не надо было уговаривать, благодарно кивнув, он бросился за угол.

...Но не схватки, пусть самой отчаянной, боялся капитан. Он боялся встретить ту, которую полюбил так нежно. Однако он ее все же встретил. Приведя в сыскную избу связанных Федора Романова и его жену Ксению, капитан увидел среди сидящих на лавке связанных пленников ее. Она сидела в одной рубашке, простоволосая и, склонив голову на грудь, горько рыдала.

Как рвалось сердце Жака, чтобы броситься, утешить, ударом шпаги разорвать веревки. Но... он прошел с невозмутимым лицом в следующую комнату, где Семен Годунов уже вел допрос Александра Романова, и доложил, что пленники доставлены.

Потом с тем же невозмутимым лицом он прошел снова во двор и, только подойдя к своему коню, уткнулся в его гриву, сотрясаясь от спазм, перехвативших горло. Привел в чувство его жизнерадостный голос Думбара:

— Эй, капитан, пошли. По-моему, мы заслужили сегодня хорошую выпивку!

Польские послы с тревогой наблюдали в эту ночь за пожаром на подворье Романовых. Были слышны выстрелы, мелькали какие-то тени.

— Что могло случиться? — встревоженно спрашивал Сапега дворецкого. — Ты спрашивал у охраны?

— Они отвечают, что сие им неизвестно.

Неведение терзало канцлера. Неужели столь успешно начавшаяся интрига разоблачена? Если Романовы арестованы, не укажут ли они на него? Днем приехал Салтыков, необычайно важный, в бобровой шубе с высоким стоячим воротником и горлатной шапке, которую и не подумал снять, когда вошел в горницу.

Канцлер по чванливому виду царского посланца понял, что предположения его близки к истине, однако виду не подал, спросил серьезно на ломаном русском:

— Что за шум был ночью? Мы не могли уснуть! У кого-то был пожар?

— Тебя это не должно беспокоить! — нагло ухмыльнулся Михайла Глебович. — Просто царь опалу возложил на своих некоторых подданных.

— Я не понимаю, что ты говоришь, — капризно сказал канцлер. — Где твой толмач?

— Толмач Яшка Заборовский приказал долго жить! Да и зачем нам толмач? С Алексашкой Романовым ты ведь без толмача разговаривал!

Взгляды их скрестились — один нагло утверждающий, другой — колючий, но беспокорный.

— Не знаю никакого Алексашку Романова, — забормotal Сапега, опуская глаза.

Поздно вечером канцлер, еще раз перебрав верительные королевские грамоты и сложив их в ларец, сказал дворецкому:

— Пришли ко мне Сынка, пусть почитает мне на сон грядущий.

Дворецкий молча поклонился и, пока шел по лестницам, размышлял: «Странного какого-то слугу нашел наш канцлер. Бить и орать на него не позволяет, поручений никаких не дает, разве что вот приказывает читать ему иногда. Грамотей, чистоплюй, тьфу! С другой стороны, когда русские во дворе, запрещает ему выходить из комнаты. Что-то тут нечисто. Впрочем, чем меньше знаешь, тем спокойнее. И имени у парня нет, только прозвище — Сынок. Может, нехристь какой?»

Сынок, войдя в комнату канцлера, молча поклонился и, повинуясь жесту, сел у небольшого столика, где под свечой лежала открытая книга.

Канцлер, лежа в постели, молча наблюдал за юношей. Был он невысок ростом, не по-юношески коренаст, видно, обладал недюжинной физической силой. Узкий кафтан слуги не скрывал его широко развернутых плеч и сильных рук. Впрочем, одна рука, правая, была длиннее другой, левой, видимо, вследствие ежедневных, с раннего детства, упражнений с саблей. Кривоватые ноги указывали на привычку больше ездить на лошади, нежели ходить пешком. Лицо его было смуглым, под правым глазом выделялась круглая бородавка. Глаза его, небольшие, серого цвета, становились угрюмыми, когда он молчал, но, стоило ему заговорить, мгновенно загорались, выдавая недюжинный ум и темперамент.

— Господин канцлер обещал мне Москву показать, — сказал он насмешливо-капризным тоном. — А что я вижу? Спины холопов? Русского ни одного толком не видел, только в шелку. Это что за важная птица сегодня была? Чистый петух!

— Эта птица очень опасная! — неожиданно мягко заговорил Сапега. — Будь осторожен, Сынок! Сегодня ночью схватили Романовых. Видно, царю донесли о моих переговорах. Неужели толмач предал? На него это похоже. Предавши однажды, трудно остановиться.

— Скучно мне тут! — капризно сказал юноша. — Скорей на волю, на коня!

— Придет еще твой час — по всей России попутествуешь. А пока терпи! Лазутчики царя рыскают вокруг. Не дай бог, если что пронюхают.

— Царь Иван гонялся за моим отцом, ну и что толку? А меня поймать еще труднее!

— Не хвастайся попусту! Лучше почитай мне.

— Опять «Четьи-Минеи», — с зевотой проговорил

юноша. — Нет, чтобы что-нибудь светское, латинских авторов.

— Так ты же латыни не знаешь!

— Выучу. Я к наукам способный. И не говори снова, что хвастаюсь. Это подтвердит мой наставник. Он был лучшим учеником князя Андрея Михайловича Курбского. А тот был известный философ и книгочей!

— Читай, читай! — пробормотал сонно канцлер.

Семен Годунов докладывал царю, как проходил суд над изменниками на патриаршем дворе. Когда Салтыков предъявил высшим духовным сановникам и боярам злополучный мешок с кореньями, а Бартенев-второй поклялся под присягой, что хозяин его совместно со свояченицей Ксенией собирался отравить государя, поднялся страшный шум. Стуча посохами, святые отцы и бояре начали проклинать Романовых и требовать их смертной казни. Расчет Бориса оказался точным: родовитые князья — Рюриковичи — одобрили такой поворот событий. Яростное их возмущение не обмануло царя: конечно, оно было притворным, вряд ли кто поверил в сказку о готовящемся покушении. Но бояр радовало, что эти наглые выскочки Романовы, тянущиеся жадными руками к царскому скипетру, отброшены одним ударом. Хотя Мстиславские и перешептывались между собой, дескать, опять Борис оказался клятвопреступником: ведь всего десять лет назад крест целовал Никите Романову, что будет заботиться о его сыновьях, как о своих собственных чадах. Ну, еще вспомнят князья Борисовы прегрешения, когда его бог приберет: ведь разбаливается он все пуше!

Выслушав Семена Годунова, царь указал немедленно постричь в монахи Федора Годунова, по старшинству в роде претендующего на верховную власть, и тем самым обезвредить его. В сопровождении пристава, стрелецкого головы Ратмана Дурова, отправили Федора, ставшего в иночестве Филаретом, в заточение на север, в Антониево-Сийский монастырь. Жену его Ксению отправили в тюрьму в глухие места — Заонежские погосты. Малолетних детей Федора Никитича вместе с их теткой Анастасией Никитичной и семьей Александра Никитича сослали на Белоозеро. Приказано было также наложить опалу на князя Василия Ивановича Шуйского и отослать его в дальнее родовое поместье в ярославских землях. Инокиню же Марфу, мать угличского ца-

ревича, перевели в другой монастырь, на шестьсот верст дальше от Москвы, дабы погасить злостные слухи о воскресении царевича.

Остальных же братьев Романовых велел содержать в кремлевских застенках, чтобы затем судить их вместе с Богдашкой Бельским за общую измену царю.

...Лето было унылым, под стать настроению Сапег. Шли непрерывные проливные холодные дожди, вся одежда и утварь казались сырыми, а хваленая русская водка — разбавленной. В один из таких дней послы присутствовали на казни бывшего первого воеводы Бориса и его свояка Богдана Бельского и младших братьев Романовых на Ивановской площади. Присутствовал на казни и сам царь, который, кстати, вдруг в такую ненасть начал чувствовать себя лучше.

Боярин Семен Годунов визгливым тоном читал царский указ, уличающий бояр в государственной измене и повелевающий разослать их по сибирским тюрьмам. Однако процедура на этом не кончилась — Романовы получили публичное унижение — были биты кнутом здесь же, на площади. Еще большее унижение претерпел Богдан Бельский. Его привязали к столбу, и шотландский солдат Габриель, бывший одно время лейб-медиком и цирюльником самого государя, не торопясь, под садистский хохот оцепивших место казни иноземных гвардейцев выдергал волос за волосом всю пышную бороду когда-то первого сановника государева.

Борис, сидевший в кресле на крыльце своего дворца, не отрываясь, испытующе глядел на Бельского, ожидая, что, не стерпев обиды, тот начнет проклинать царя, а может, проговорится, откуда пошел слух о воскресении царевича. Но Богдан, стиснув зубы, глухо мычал, да крупные слезы текли по впалым щекам. Только когда лицо его стало бесстыдно гладким, закричал Богдан тонким голосом, что напрасно-де царь на него кручинится, что нет на нем никакой вины и что он, холоп государев, и впредь ему будет верен до смерти.

Борис остался доволен. Что ж, пусть живет Богдашка. Теперь заречется поганые слова о царе говорить! Велел отослать его не в тюрьму, а в нижегородское его поместье, но под присмотр пристава Василия Анучина. А другому приставу, Леонтию Лодыженскому, что должен был везти Алексашку Романова на край Студеного моря, в Усолье-Луду, просил передать, чтоб не мешкал

там сидючи. Вскоре оттуда пришло известие, что ссыльный скончался от удушения.

В середине августа 1601 года неожиданно ударил мороз, и на крестьянские поля пал снег, погубив разом весь урожай.

— Это бог наказывает Бориса за муки убиенных, — шептались на папертях.

Переговоры с польским посольством подходили к концу. Так и не добившись согласия Думы и царя на создание союза двух государств, Сапега принял предложение Власьева о заключении перемирия на двадцать лет. После отсылки Романовых к местам заключения подозрительность русских вроде несколько ослабла, во всяком случае, было дозволено дворянам посольства, а паче слугам покидать посольский двор для покупки съестного и других товаров, причем не всегда давались и стрельцы для сопровождения.

Еще во время казни на Ивановской площади канцлеру, оказавшемуся вроде невзначай неподалеку от капитана Маржере, стоявшего в оцеплении, удалось перекинуться с ним несколькими немецкими фразами.

— Жаль толмача, — проговорил Сапега, глядя, как корчится Бельский после каждого резкого рывка железных пальцев Габриеля.

— Я видел его труп, — лаконично ответил Маржере, также не смотря в сторону канцлера. — Он никого не предал.

— Будем надеяться. А как теперь нам держать связь с тобой?

— Есть у меня один молодой, да зрелый негоциант. Он постоянно переписывается со своим торговым домом в Голландии, письма переправляет, как правило, через Литву.

— А нет ли у тебя верного человека среди русских? Такого, что не побойтся рискнуть головой?

— Буду искать.

— Поспеши, мы скоро покидаем Россию.

Через несколько дней, когда Сапега шествовал в Боярскую думу, Маржере, отталкивая от канцлера нищих, число которых заметно увеличилось за последнее время, ловко сунул ему записку. В ней сообщалось, что капитан встретил монаха Чудовского монастыря, что находится в Кремле, Григория Отрепьева, которого знал ранее по его службе секретарем у Федора Романова. Во время штурма подворья Романовых капитан спас его

от гибели, поэтому Отрепьев ему предан. Почти год Отрепьев скрывался по монастырям, приняв иноческий сан. Теперь вернулся в Москву и с помощью родственников добился поста секретаря у самого патриарха Иова. Ненавидит Бориса, алчен до золота, мечтает найти пристанище в Польше.

Идя на вечерние переговоры, Сапега случайно уронил платок возле сапог капитана. Тот проворно нагнулся, возвратил платок, принятый с благодарностью, оставив у себя клочок бумаги. В нем значилось: «Сообщи монаху, что к нему на днях придут. Если выполнит все, что ему скажут, получит поместье в Литве и сто золотых дукатов».

Накануне отъезда, когда сборы были закончены и поляки устроили веселую пирушку, щедро угощая стрельцов-охранников, Сапега позвал к себе молодого слугу-чтеца.

— Ну, Сынок, настала пора нам прощаться. Вот монашеское одеяние. Когда совсем стемнеет, тайно переберешься через забор там, где стоят телеги. Я думаю, что сделать это нетрудно, охрана к тому времени будет пьяна. Пойдешь в Чудов монастырь. Найдешь там Григория Отрепьева. Скажешь, что прислал тебя канцлер и что он должен выполнять твои приказы.

— Мои приказы? А какие, позволительно узнать? — оживился молодой слуга.

— Приказ такой — провести тебя к инокине Марфе, матери угличского царевича. Отрепьеву скажешь, что ты и есть тот самый царевич.

— Но я другой царевич!

— Русские верят, что царевич остался жив, а тебя никто не знает. Соображаешь? Какая тебе разница, чей ты сын, главное, чтобы ты стал русским царем. А там разберемся.

— Хорошо. Я найду инокиню Марфу. А дальше что?

— Оставшись с ней наедине, расскажешь ей о своем происхождении как на исповеди. Поклянешься, что отомстишь Борису за ее сына и, когда воцаришься, окружишь ее и ее братьев величайшим почетом. За это проси царский нательный крест, который она сняла с убиенного сына и тайно хранит. Будет у тебя крест — будешь государем на Руси, а там, глядишь, и в Польше.

— Я сделаю это! — пылко пообещал царевич, ударяя себя в грудь.

— Потом вернешься в Литву, будем вместе ждать

смерти Бориса, уверен, что недолго. Когда коронуют Федора, будет много обиженных бояр. Все они встанут под твои знамена. Вот тогда и ударим! Думаю, что не только знатные бояре, но и холопы — все поддержат тебя. С нами бог!

Царевич в нетерпении вскочил, схватив монашескую рясу.

— Но будь осторожен, Сынок. Везде соглядатаи Бориса. Боже упаси рассказывать что-то о себе! Будете возвращаться в Польшу через южные границы. На Украине проскокить легче, чем на западе. Здесь ты видел: посты на каждом шагу. Ну, с богом, царевич Дмитрий!

После долгой суровой зимы долгожданная весна сначала порадовала крестьянина: была она ранней и теплой. Но когда наконец земля оттаяла и пахарь засеял ее, стоило едва проклюнуться всходам, как ударил мороз, разом погубив все надежды. Лишь в начале июня те, у кого еще были остатки лежалого, «забытого» зерна, засеяли пашню вторично, зная, что и в третий раз будет недород. Один недород крестьянин еще мог пережить, потуже затянув пояс, но три подряд...

Иссак Масса, вернувшийся из Голландии с очередной партией шелка, возбужденно рассказывал Маржере о виденном на обратном пути:

— Поселяне в деревнях съели весь скот — кур, овец, коров, лошадей и даже кошек и собак, тех, что не успели убежать в поисках пищи. Поели всю мякину в овинах, а теперь бросили дома, рыщут по лесам, едят со страшной жадностью грибы и всевозможные съедобные коренья. От такой пищи у них животы становятся толстые, как у коров, и настигает страшная смерть: происходят вдруг странные обмороки, люди без чувств падают на землю, и их тут пожирают волки и лисицы, которых появилось невероятное количество!

— Лисы и в Москве появились: падаль ищут! — ответил Маржере. — Мой Фриц вчера пристрелил лисицу прямо во рву у Кремлевской стены!

Нищих в Москве прибавлялось с каждым днем. Семен Годунов докладывал царю:

— Сотни оборванных и голодных людей стоят у Фроловских ворот, в Кремль их стрельцы не пускают.

— Что они говорят?

— Они молчат, но все как один держатся за ворота своих рубак.

Борис нервно подергал себя за униженный жемчугом ворот рубахи.

— Напоминают мне о моем обете? Что ж, я слово свое сдержу.

На четырех самых больших площадях приказные стали раздавать беднякам в будний день по полушке, в воскресенье вдвое больше — по деньге. Каждый день казна расходовала на нищих до четырехсот рублей.

На какое-то время обстановка в столице стала более спокойной. Но не только горести посещали государя. С нетерпеливой радостью ждал он приезда принца датского Иоанна, брата короля Христиана, который согласился стать зятем царским и удельным князем. Встречали его корабль в устье реки Нарвы Афанасий Власьев и Михайла Салтыков, приехавшие сюда из Литвы, где после долгомесячных переговоров добились от Сигизмунда крестного целования грамоты о перемирии между Польшей и Россией на двадцать лет.

От литовской границы пышный кортеж сопровождал князь Дмитрий Пожарский, уже поднаторевший в таких делах. Прошедшие два года он провел на охране северной границы. Довелось участвовать князю и в небольших стычках со шведскими отрядами, нет-нет да пытавшимися «заглянуть» на русскую землю в поисках корма, а то — добычи пожирнее. В сшибках с иностранными всадниками лихой князь оттачивал свое умение фехтовать и стрелять прицельно из пищали на полном скаку.

Бывал он наездами и в Москве, когда поручалось ему сопровождать кого-то из иноземных важных чинов. Так, зимой привез старого знакомого — рыжего немца Конрада Буссова, который по царскому наущению попытался поднять восстание в Нарве. Шведов кто-то предупредил о готовящемся мятеже, и разгневанный Карл жестоко казнил лифляндских дворян. Конраду удалось избежать общей участи мятежников: как только он узнал о приближении шведов, бросил не раздумывая свой отряд. Однако при всей поспешности чадолюбивый Конрад не забыл захватить с собой жену, сына и дочь, а также довольно объемистое имущество, нажитое скорее изменой и шпионажем, чем верой и правдой за долгие годы службы шведской короне.

Дмитрий держался с иноземцем, пытавшимся навязать фамильярную дружбу князю, вежливо, но холодно, вся его натура воина восставала против измены, пусть

даже к враждебному государю. Но Конрад держался самоуверенно, не обращая внимания на холодность князя. Как показали дальнейшие события, самоуверенность его была небезосновательна. Царь Борис обласкал иноземца, щедро наградил его за прошлые заслуги и, хотя не дал никакой службы, выделил обширные поместья с крестьянами в Московском уезде. Болтаясь без дела то в Немецкой слободе, то во дворце, предприимчивый немец успешно обделывал все свои дела: свою дочь выдал замуж за опешившего от наглого натиска Конрада пастора Мартина Бера, сына, тоже Конрада, пристроил в кавалерийский отряд капитана Маржере, сумев быстро стать с последним на короткой ноге...

...Сопровождая сейчас пышный поезд царского жениха, с которым прибыли и датские послы, и двести дворян, составлявших двор принца, Пожарский размышлял о том, что надо бы попросить в Дворцовом приказе об отпуске. Жена, Прасковья Варфоломеевна, прислала тревожное письмо о том, что родовое поместье князя — Мугреево — из-за неурожая приходит в разорение.

От невеселых мыслей князя отвлекла неистовая пальба — это принц Иоганн, гарцуя на лошади, стрелял уток, поднявшихся от шума с реки. Пожарскому принц глянулся: всегда весел, общителен, вежлив даже со слугами. Подумалось, что наконец красавица Ксения нашла себе достойного мужа. Принц радовался путешествию, любознательно интересовался новыми обычаями, по вечерам, когда пиршественники усаживались за пиршественные столы, просил, чтоб пригласили музыкантов и танцоров.

Царь Борис принял Иоганна, как родного сына. В Грановитой палате, где проходила первая встреча, принцу поставили кресло на почетном месте, рядом с креслом, которое занимал наследник. Принц любезно беседовал с царем, горячо благодарил за те многочисленные подарки, которые получал еще в пути. Ему было и невдомек, что сверху, через решетчатое окошечко под потолком, жадно рассматривают его любопытные женские глаза. Царевне Ксении принц очень понравился — высок, строен, голубоглаз. Приветливая улыбка не сходит с лица. Правда, нос велик, но он не портит величавости красивого лица.

Потом был дан торжественный обед, причем против обычной царь усадил гостя за свой стол, где не имел право пиршествовать никто, кроме сыновей. После обеда

с богатыми подарками принца отправили в его резиденцию — на Щелкаловский посольский двор, обставленный по этому случаю с небывалой роскошью. Дважды Борис с сыном Федором посещал принца в его апартаментах. Все шло к благополучной свадьбе.

Царь отправился в Троице-Сергиеву лавру, чтобы возблагодарить господ за обретенное дочерью счастье. Но на обратном пути у его кареты остановился гонец на взмыленной лошади и протянул записку. Боярин Салтыков сообщал о внезапной горячке, случившейся с принцем. Напрасно, вернувшись во дворец, Борис снова и снова слал к принцу своих заморских лекарей, тот уже не приходил в сознание. Наконец принца не стало.

Неутешно в голос рыдала Ксения. Ошеломлен был трагическим событием и сам Борис, увидев в этом предостережение господне.

— За что я прогневал тебя так, о боже? — вопрошал он, распростершись ниц перед иконостасом Благовещенского собора.

Принца отпевал по немецкому обычаю пастор Мартин Бер. Потом гроб поместили в погреб здесь же, на Кукуе¹, ожидая, когда датские послы соберутся в обратный путь. С ними, чтобы похоронить на родине, отправили густо просмоленный гроб с телом принца.

* * *

Через несколько дней Дмитрий Пожарский получил отпуск и ускакал со своими боевыми холопами в родовую вотчину Мугреево, где положение становилось все более бедственным.

Прасковья Варфоломеевна встретила его в слезах:

— Зерна осталось мало, да и то только в нашем амбаре. Приходится пуще глаза его охранять: мужики как не в себе, каждую ночь туда лезут. Да и как не лезть — весь свой хлеб еще летом подъели, живность свою, даже лошадей, свели. Пахать по весне не на чем будет, да и семян не осталось!

— Пухнут люди с голоду, — добавил дядька Надея, успевший обойти крестьянские избы. — И вот какая напасть — от страха, что ли, люди есть стали больше, чем в урожайное время. Едят, а насытиться никак не могут. И кошек, и воронье, что падалью питается, жрут. Не

¹ Кукуй — так русские называли Немецкую слободу.

ровен час, как я слышал уже бывает в иных деревнях, детей не начали бы есть.

По повелению князя собрали сельский сход. Дмитрий, стоя на крыльце, вглядывался в лица окруживших его людей, вглядывался, но узнавал с трудом. А ведь всех их он знал с детства, многие ровесники были участниками его игр в лапту да в войну с татарами. Лица опухшие, глаза равнодушные, но с каким-то странным, голодным блеском. Тела исхудавшие, одежда висит как на пугалах.

Поборов волнение, Пожарский хрипло сказал:

— Царь Борис, видя неустройство в народе, приказал снова разрешить выход в Юрьев день. Каждый волен уйти от прежнего владельца в новое место, где живет лучше...

С крестьянских лиц равнодушные смыло, будто холодной водой.

— Куда же, господин, мы пойдем? Да еще в зиму? Не бросай нас, владетель наш, на погибель.

Князь стоял опустив голову в глубоком размышлении. Люди надеются на него, ждут помощи. А чем он может помочь? Если раздать оставшееся зерно, то всем и на месяц не хватит. Особенно если учесть ту ненасытность, о которой рассказывал Надея. А что будет потом? Если весной не посеять хлеб, то и ждать будет уже нечего и... некому.

Боль захлестнула сердце молодого человека, боль и... досада.

— Зачем мне вся эта обуза? — прошептал он про себя. — Сейчас бы на коня — и в войско. Там и с едой проще: засыпал толокно в котел, бросил несколько кусков копченой баранины и хлебай на здоровье!

Тут князя осенила мысль:

— А если кормить их, как воинов он своих кормит?

Дмитрий, ободрившись, снова поглядел на голодных людей и сказал властно:

— Ну вот что! Раз не хотите от меня уходить, значит, зимовать будем вместе. Зерна я вам не дам, — и, услышав надорванные вздохи, повысил голос: — Не дам, и не просите. Буду кормить вас здесь, на своем подворье.

Прасковья Варфоломеевна глянула на мужа с изумлением:

— Чем же кормить? Аль, как наш Христос, соби-

рается князь накормить пять тысяч человек пятью хлебами? Так чудеса — они только в сказках.

Дмитрий улыбнулся ей:

— Не кручинься, княгинюшка. Говоришь, овса еще осталось порядком для лошадей. Так собирай своих девок, будете из овса толокно делать, всех лишних лошадей порезать, мясо закоптить. Доставай наши боевые котлы, будешь похлебку варить! — и обратился к крестьянам: — Каждый день к обеду приходите сюда со своими мисками, сам буду следить за раздачей похлебки, чтобы всем досталось — и старым, и малым. Воины от такой еды только крепче становятся, и вы не погибнете. И вот что, главное, надо сделать, — повернулся он к княгине и дядьке Надее. — Немедля надобно составить обоз, подобрать мужиков покрепче, взять часть и моих воинов. Надо купить сколько сможем зерна в Нижнем Новгороде. Туда хлеб с Нижней Волги подешевле идет. У них неурожай не такой сильный, как у нас.

— А где деньги возьмем? Нет же у нас! — всплеснула руками княгиня.

— Собрать всю серебряную и золотую посуду, все драгоценности с одежды, какие есть меха. Не жалея, княгиня, будем живы, наживем еще. А чтоб не кручинилась по поводу своих платьев, отдаю свой панцирь и шишак серебряные. Только саблю дедовскую себе оставляю.

Потом, глянув на престарелого Надею, задумался и, решившись, сказал:

— Знаешь что, дядька? Ты останешься здесь с княгиней народ кормить. А в Нижний отправлюсь я сам. Благо, воевода там мне знаком, поможет с барышниками справиться, коли втридорога за хлеб запросят.

...Беда приходит не одна. После похорон датского принца через две недели тихо скончалась в своей келье в Новодевичьем монастыре сестра Бориса, бывшая царица Ирина Федоровна, в иночестве принявшая имя Александры. Для Бориса это был самый близкий человек. Она помогала ему стать рядом с престолом, быть правителем государства, охраняя брата от злых недругов, пытавшихся увести от него милость Федора. Все шесть лет, пока она пребывала в иноческом сане, Борис постоянно ездил к ней, советовался, просил укрепить его державный дух.

Подошедшая осень окончательно разорила крестьян,

многие пашни не были засеяны под урожай следующего года. Узнав о царской милости, в Москву в округе ста пятидесяти верст хлынули все голодные. Улицы были битком забиты пришлыми. Каждому выдавалось не по полушке, а по копейке, но хлеб вздорожал к осени до четырех рублей за четверть. Царские амбары были опустошены...

Доведенные до отчаяния, мужики взялись за топоры. На дорогах, ведущих к Москве, появились разбойники, грабившие обозы с хлебом. Одного за другим посылал царь воевод для охраны купеческих караванов. Для поимки разбойников на Владимирскую дорогу выехал с вооруженным отрядом видный воевода Головин, на Волоколамскую — Шеин и Салтыков, на Смоленскую — Туренин и Татев.

Но, как оказалось, шайки разбойников в основном состояли из бывалых воинов, бывших боевых холопов поместных дворян, которых хозяева отказались кормить во время голода. Воспользовавшись царским указом о восстановлении Юрьева дня, помещики приказали убираться своим воинам на все четыре стороны. Кто-то из боевых холопов ушел на юг, в казаки, а кое-кто остался в лесах, мстя боярам и дворянам за скотское к ним отношение. И не только топорами да вилами располагали разбойники, но и огнестрельным оружием. Избегая столкновений с крупными отрядами, они нападали из засады на немногочисленных путников.

Горячего молодого воеводу Ивана Басманова, охранявшего Тверскую заставу, разбойники хитростью завлекли в засаду. Увидев, что на горизонте маячит едва ли десяток разбойников, лихой воевода кинулся за ними в погоню с сотней конных стрельцов. Однако когда отряд оказался в лесу, со всех сторон на стрельцов бросились разбойники во главе с атаманом Иваном Хлопко.

Повернул было назад коня воевода, но поздно — ему пришлось скрестить саблю с самим атаманом, опытным воином. Рука Хлопко оказалась сильнее, и вот уже воевода в разрубленном шлеме сполз с коня наземь.

Разгневанный царь послал многотысячный отряд для поимки разбойников, а стрельцы окружили лес, где было логово шайки. Кровавопролитный бой с пятьюстами разбойниками длился несколько часов. Хлопко схватили истекающего кровью от многочисленных ран. Борис, в течение пяти лет выполнявший обет не проливать кровь,

нарушил его, приказав казнить Хлопко и его боевых товарищей на Красной площади.

Сыскной приказ работал днем и ночью. Сотни доносов выслушивал Семен Годунов, ставший незаметно вторым лицом в государстве. Алчность, пробужденная у людей голодом и несчастьем, клеветами Годунова, умело разжигалась щедрой оплатой: сын доносил на отца, брат на брата. Не затухал огонь под дыбой, поджаривая подзреваемых, и Семен Никитович внимательно вслушивался в крики истязаемых: не зреет ли новый боярский заговор против царя.

Все чаще с уст подвешенных на дыбу или крючком за ребро срывалось страшное для Бориса имя Дмитрия. Стало известно, что какой-то оборванный монах ходил по монастырям, искал инокиню Марфу. Народная молва считала, что это был спасшийся чудом царевич.

По царскому указу по монастырям были посланы вооруженные отряды с приказом найти и изловить самозванца. Особое задание получил капитан Маржере: навестить бывшего царя Симеона Бекбулатовича в его дачной волости, в селе Кушалино, куда был он сослан, лишенный Тверского удельного княжества, еще при Федоре Иоанновиче.

— Постарайся выведать, капитан, — напутствовал его Семен Никитович, — не был ли кто у него в образе монаха, не смущал ли его прельстительными речами, что он-де воскресший царевич угличский.

Морозы были столь сильны, что Маржере предпочел путешествовать на этот раз не верхом, а в санях, закутавшись в меховую доху. С пищалями наготове, опасаясь разбойников, его окружали верные всадники, отобранные из кавалерийского отряда. Закутанный по самые глаза, капитан пытливо оглядывал дорогу, несшую на себе следы бедствия. Вон на суку дерева качается труп раздетого мужчины: то ли разбойника поймали и повесили, то ли удавился сам, не в силах перенести муки голода. А вон в сугробе торчит обглоданная голая нога, от которой при виде всадников неторопливо отошла стая волков.

...Высокий сухопарый старик с белой клиновидной бородой в тюбетейке на плешивой голове сидел в переднем углу под образами.

— Кто там? — спросил дребезжащим, но властным голосом он. — Говори, а то я ничего не вижу.

— Капитан Жак Маржере.

— Иноземец. Подойди ближе.

Цепкой рукой старик ощупал кольчугу на капитане, пальцы скользнули по лицу, усам, бородке, коснулись рубца на щеке.

— Воин, и, видать, бывалый, — с удовлетворением отметил старик. — Садись, гостем будешь.

Крикнув слугам, чтобы несли угощение, вдруг закурлыкал какую-то восточную мелодию. Внезапно прервав ее, сказал:

— Не удивляйся, воин. Я ведь тоже воином был, да еще каким! На скачках в степи не было равных Едигею, наследнику Казанского царства. Меня взяли в полон русские воины на стенах Казанской крепости, заставили принять православие, нарекли Симеоном. Долгие годы Иван держал меня при себе как заложника, чтобы не восстали мои бывшие подданные. Порой он оказывал мне высокую честь принимать вместе с ним иноземных послов, а затем вдруг прогонял с глаз долой чуть ли не на конюшню. А к концу своего царствования затеял со мной дьявольскую игру, которая мне едва не стоила головы: он провозгласил меня царем всея Руси, а сам стал правителем при моей особе, издавая самые жестокие указы о казни бояр от моего имени...

— Зачем это было ему нужно? — изумленно воскликнул Маржере.

— Не знаю... Иван был человек очень умный и хитрый, но иногда был как одержимый. Он усаживал меня на свой трон, а сам простирался ниц, но глаза его неотрывно с подозрением смотрели то на меня — не мечтаю ли я действительно о царской власти, то на придворных — не смеется ли кто надо мной, а значит, и над ним. Горе тому, кто позволял себе хотя бы самую безобидную шутку. На моих глазах Федор Басманов по повелению Ивана зарезал ножом собственного отца и ближайшего друга царя в течение многих лет Алексея Басманова только за то, что тот во время пирушки обозвал меня царьком.

— Неужели такое бывало? Мне рассказывали, что царь Иван был жесток, но справедлив...

— Многое видели когда-то эти глаза, — Симеон провел сухонькой ладонью по векам, опуская их на незрячие зрачки. — Сколько крови лилось вокруг. Потом царю надоело возиться со мной, он снова сел на трон, а мне, как возмещение, дал в удел Тверское княжество. Правда, я недолго владел им... После смерти Ивана на

престол сел его сын Федор, а правителем при нем стал Борис Годунов. О, эта bestия хитрее самого Грозного! Сначала меня выгнали из Москвы, боясь, что я буду бороться за трон, потом лишили Тверского княжества, отправив вот сюда, в мою Кушалинскую вотчину. Казалось, можно было бы меня оставить в покое. Но нет, Борис все равно боялся даже тени Симеона. Как только он воцарился, то прислал сюда пристава с этой радостной вестью. Пристав потребовал, чтобы я присягнул Годунову. Я безропотно покорился. Обрадовавшись моей покорности, пристав сказал, что привез мне в дар от царя кувшин с драгоценным вином. Он не успокоился, пока я в его присутствии не осушил полный кубок этого злополучного вина во здравицу нового царя. Когда же я допил до последней капли, кубок выпал из моих рук, и я пал в беспамятстве. Слуги не скоро привели меня в чувство, и оказалось, что мои глаза навеки покрыла темная пелена... О дьявол!

Старик молча плакал, крупные слезы текли из незрячих глаз. Маржере тоже молчал, потрясенный рассказом.

— Вот что, воин, осталось от царевича Едигея! — сказал слабым голосом старик, ударяя себя по впалой груди. — Но Борис не успокоился даже на этом чудовищном злодеянии. Это мое последнее пристанище было взято в царскую казну, а мне лишь выделяют деньги на кормление меня и моей дворни. — Симеон повернулся к Маржере, взял его за руку, его голос неожиданно отвердел: — А теперь скажи, зачем ты послан сюда, воин? Неужели Борису мало, и он хочет моей смерти? Ведь это он тебя прислал?

— Да, я здесь по царскому указу, — молвил Маржере.

— Вот видишь! — воскликнул старик, отбрасывая его руку. — И в этом его бесовская страсть — прислал иноземца, а не русского, которого легче разжалобить моими злоключениями. Потом русский может рассказать о том, как царь ослепил меня, а иноземец не будет ничего говорить, боясь доноса. Так что же, приступай к делу, я готов.

Маржере отшатнулся:

— Нет, нет! Я честный воин, а не палач. Царь и не помыслил бы дать мне такое поручение. Я прислан, чтобы узнать у тебя...

— Что можно узнать у одинокого отшельника? — горько усмехнулся старик. — Впрочем, спрашивай!

— Не был ли у тебя тот, кто выдает себя за угличского царевича? — негромко, но членораздельно сказал Маржере.

— Значит, царевич все же жив? — радостно встрепенулся старик. — Сюда доходили слухи, что якобы он объявился в Москве, но я не верил.

— Но здесь он не объявлялся? — снова настойчиво спросил Маржере.

Старик отрицательно помотал головой:

— Нет. Зачем ему нужна старая развалина? Ему нужны союзники помоложе, а главное — посильнее, чтобы свалить с трона Бориса.

Симеон поднял гордо голову и сказал:

— Передай, воин, царю Борису, что я все равно не боюсь его! И передай, что Симеон Бекбулатович рад появлению царевича, пусть если даже это и самозванец. Ведь должна на свете быть кара царю за его грехи!

А в Москву тем временем была тайно доставлена и помещена в одиночную келью Новодевичьего монастыря, в ту, что занимала до этого покойная царица, другая царица, последняя жена Ивана Грозного инокиня Марфа. В ту же ночь к ней явились Борис с супругой Марией и главный «пытальщик» Семен Годунов.

Царь приказал зажечь побольше свечей, чтобы лучше рассмотреть лицо инокини. Двадцать лет, минувшие с последней их встречи, когда безутешную вдову Ивана с малолетним сыном отправляли в Углич, превратили некогда молодую, полную жизнелюбия, гордую и красивую женщину в согбенную старуху с седыми волосами, выбившимися из-под черного платка.

— Что уставился? — злобно спросила Марфа. — Чай, трудно узнать?

— Ну будет, будет! — осеняя себя крестом, сказал благозвучно царь. — Не время старые счета сводить. Ты лучше покажи нам, Марфа, нательный крест царевича.

Та испуганно схватила за ворот рубахи.

— Показывай, не стесняйся, — притворно-ласково продолжал Борис.

— Нет его у меня. Верно, украли антихристы, — проворчала Марфа, пряча глаза.

Царь властно приподнял за подбородок склоненное

лицо инокини и, глядя прямо ей в глаза своими черными бездонными зрачками, зловеще произнес:

— Кто эти антихристы? Уж не те ли два монаха? Как же ты позволила, матушка, драгоценную память о сыне украсть? Может, сама отдала?

...Вернувшись во дворец, царь отправился в свою опочивальню, однако не ложился, дожидаясь, когда появится Семен Годунов. Встретил его задыхающимся шепотом:

— Ты что же, Царское Ухо, проворонил Гришку Отрепьева? Мы когда приказывали его взять под крепкий присмотр?

Семен упал ниц:

— Грешен, государь, недосмотрел! Ты приказал дьяку Смирнову-Васильеву взять его и отослать в Кириллов монастырь, я думал, что он исполнил...

— Он думал! — буркнул Борис. — А что дьяк говорит?

— Каялся у меня в пыточной, что уговорил его дядя Гришки, Семен Ефимьев, повременить немного, деи Семен поклонится патриарху, чтоб тот попросил тебя простить неразумного. А на следующий день Гришка ушел. И вишь где объявился.

— Бить кнутом дьяка до смерти, — ровным голосом сказал Борис. — А чтоб не подумали невесть чего, палачу скажешь, что наказан Смирнов-Васильев за то, что взятки брал. Да и за иные прогрешения, коих наверняка тоже немало, прости бог его грешную душу!

Марфа и впрямь напороочила: из Польши верные люди сообщили, что появился в имении князя Адама Вишневецкого, лютого недруга России, некий русин, объявивший себя царевичем Дмитрием.

Схваченные на южной границе монахи Пимен и Венедикт были привезены в Москву, на двор патриарха Иова. Первый из них, Пимен, показал, что познакомился в Новгороде-Северском с четырьмя монахами, которые сказали, будто все они из Чудовского монастыря — Григорием Отрепьевым, бывшим за вожака, Мисаилом Повадиным, Варлаамом Яцким да блаженным чернецом-юношей Леонидом. Пимен, хорошо знавший проход, проводил чернецов за литовский рубеж, указал безопасную дорогу на Киев.

Второй, Венедикт, видел этих людей в Киеве, в Печерском и Никольском монастырях, а также в имении

князя Острожского, известного своею крепостью в православной вере. От Острожского чернецы разбрелись в разные стороны. Однако, по слухам, Григорий и Леонид побывали у ариан, изучали их ересь, затем пошли вниз по Днепру, на Запорожскую Сечь. Почти год о них не было ни слуху ни духу, как вдруг Адам Вишневецкий отписал королю Жигимонту, будто у него объявился царевич Дмитрий. Рассказывали также, что царевич зело грамотен, красноречив, отлично знает церковное писание.

Осторожный Борис решил проверить, точно ли самозванец — Гришка Отрепьев. В Польшу был срочно направлен его дядя Смирнов-Отрепьев под благовидным предлогом представить королю жалобы на пограничные рубежи, а на самом деле постараться увидеть самозванца и установить его тождество с Григорием. Миссия эта не удалась, к королю дьяка не допустили, а Лев Сапега, которому посол принес жалобы на пограничные инциденты, на осторожные расспросы дьяка отнекивался неведением, хотя было доподлинно известно, что самозванец находился в Кракове и даже был принят королем.

То обстоятельство, что Смирнову-Отрепьеву не показали самозванца, уверило Бориса, что это точно Гришка Отрепьев, иначе зачем скрывать его лицо? К королю был срочно направлен дьяк Огарев со следующей грамотой:

«В вашем государстве объявился вор-расстрига, а прежде он был дьяконом в Чудове монастыре и у тамошнего архимандрита в келейниках, из Чудова был взят к патриарху для письма, а когда он был в миру, то отца своего не слушался, впал в ересь, крал, играл в кости, пил, несколько раз убегал от отца своего и, наконец, постригся в монахи, не оставив от своего прежнего воровства, от чернокнижества и вызывания духов нечистых...

...Хотя бы тот вор и подлинно был князь Дмитрий угличский, из мертвых воскресший, то он не от законной, от седьмой жены».

Сигизмунд уклонился от встречи с царским посланцем, однако через советников просил успокоить Бориса, деи Дмитрий не получает никакой помощи от короля, а те из его подданных, что поддерживают царевича, будут строго наказаны. Этот ответ не успокоил Бориса, тем более что Огарев привез странное известие, будто у короля были посланцы от бояр, просившие помочь ца-

ревичу и заверявшие, что при переходе границы тот получит от них крепкую поддержку.

Снова ночами не спал Семен Годунов, ища через доносителей изменников. Так были схвачены Василий Смирнов и Булгаков Меньшой за то, что на пиру пили за здоровье Дмитрия. Казни одна за другой лишь усиливали ропот как среди знатных людей, так и среди простонародья. А с царем стали происходить странные вещи: столь щедрый во время нужды и голода, он сейчас, когда в стране установилось благополучие, стал вдруг чрезвычайно скуп — то и дело лично проверял не только свои сокровища, но и запасы продовольствия.

Летом под Москвой вдруг появилась яркая комета, давшая пищу разговорам на площадях. Кто-то уверял, будто видел два месяца одновременно, другой — три солнца. Неслыханные бури сносили кресты с церквей.

Борис, вызвав Афанасия Власьева, глубокой ночью отправился за толкованием этих явлений к старику астрологу, заточенному в башне. Астролог, показывая на противостояние звезд, начал выкрикивать какие-то фразы, размахивая руками, как крыльями. Дьяк, перекрестившись, перевел:

— Говорит, господь бог этими звездами и кометой остерегает всех государей. Пусть царь остережется и внимательно смотрит за теми, кому доверяет, пусть велит крепко беречь границы от чужеземных гостей!

Перевел и осекся: уставился на него своими черными глазами Борис, думая о чем-то своем.

— Неужели дознался? — липкая струйка потекла по спине Власьева.

Ведь это с его помощью добрались до Льва Сапег посланцы бояр...

Лев Иванович Сапега пребывал в состоянии крайней ярости. Он метался в распахнутой меховой мантии по залу с цветными стрельчатыми окнами своего родового замка, отшвыривая ногой то стул, то подвернувшуюся борзую, чертыхаясь, как пьяный пан в корчме.

Юрий Петровский стоял ни жив ни мертв, зная горячий нрав хозяина, могущего в запале и палашом приласкать.

Наконец Сапега остановился напротив, уставясь на Петровского налитыми кровью глазами:

— Значит, так и сказал: не поеду к Сапеге, сам справлюсь?

— Мне, говорит, Юрий, помощь сам король обещал!

— Пся крев! Это все козни Адама Вишневецкого.

— Вишневецкий тут ни при чем. Он же сам попросил у вашей святости подтверждения, что Дмитрий — истинный царевич. Что я и сделал по вашему поручению. Правда, чуть конфуз не случился...

— А что такое? Разве мог царевич не узнать тебя, своего воспитателя с детских лет?

— Конечно узнал. И обрадовался, обниматься начал, всем представляет — вот мой дядька Юрий, сызмальства меня учивший грамматике да риторике. Да тут, как на грех, князь Адам начал меня выпрашивать, как удалось царевича от убийц спасти. А я толком и не знаю сию легенду, начал чего-то лопотать о лекаре, что меня в тот момент в Угличе не было. А князь, заподозрив чего-то, вдруг спрашивает, откуда, мол, я так хорошо польский язык знаю. Начал придумывать на ходу, что потом воевал в Ливонии, в плен попал, оттуда снова в Москву сбежал, нашел царевича, стал его воспитывать...

— Ну и поверил князь?

— Поверил, потому что тут Дмитрий на выручку пришел, все так складно рассказал, всех, кто его убить должен был, назвал поименно. Успокоил князя.

— Так почему же, ответь мне, Дмитрий вдруг нарушил наш уговор и отказался ехать сюда? Ведь он же знает, что надо дожидаться смерти Бориса, что мы готовы дать ему вооруженный отряд, когда воцарится малолетний Федор. Есть у меня договоренность о поддержке и с московскими боярами. Что тому виной?

— Вы не поверите, князь, но виной тому любовь!

— Любовь? — вскричал князь как ужаленный. — Какая может быть любовь у этого сосунка?

— Именно потому, что он сосунок, такое и оказалось возможным. Ведь мальчик рос почти в заточении, с женщинами никогда не общался.

— Ну и что же?

— На нашу беду, когда я только еще собирался в дорогу к князю Вишневецкому, к Адаму приехал его тесть Юрий Мнишек.

— Как же, известный жулик и ловелас, — обронил с иронией Сапега. — Еще покойному королю любовниц поставлял, а заодно и казну королевскую доил нещадно.

— Вот-вот, это именно он. Привело его любопытство, а познакомившись с Дмитрием, Мнишек понял, что от-

крываются фантастические возможности сказочно разбогатеть. Ведь если Дмитрий сядет на престол, те, кто будут рядом с ним, получают доступ к сокровищницам русских царей. А как привлечь юношу? У Юрия есть младшая дочь Марианна, вот он ее и познакомил с Дмитрием.

— Что, красива? — с любопытством спросил Сапега.

— По-моему, не очень — маленького роста, чернявая, вертлявая. Но, видно, есть в этой паненке некий огонь, что зажигает сердца мужчин. Вокруг нее крутятся десятки самых знатных шляхтичей, хоть и знают, что невеста без приданого. Папенька-то весь в долгах! Вот он и выбирает жениха побогаче.

— Так и Дмитрий без гроша ломаного в кармане!

— Это его не смутило. Наоборот, где-то снова занял, думаю, что у того же Вишневецкого, и Дмитрия золотом снабдил, нарядил как следует, подарил роскошный экипаж. Вот и явился Дмитрий в замок Мнишеков на бал как истинный царевич. И куда вся неуклюжесть его девалась! Будто всю жизнь кадрили да мазурку отплясывал. Увидел он Марианну — Марину — и влюбился с первого взгляда. В тот же вечер к отцу ее бросился — просил отдать Марину в жены. Юрию того и надо. Сразу условия выставил: во-первых, чтоб царевич тайно перешел в католическую веру, во-вторых, как взойдет на престол, чтоб Юрию миллион злотых вручил, в-третьих, чтоб отвел ему во владение всю Северскую землю. Только тогда Дмитрию поручит руку Марины.

— Губа не дура! Ах стервец, пся крев! — снова начал ругаться Сапега. — Ну, а что мальчик?

— Дмитрий на все безропотно согласился. После того Мнишек повез царевича к королю. Сигизмунд сам имел тяжелое детство — родился в тюрьме, долго был гоним, потому отнесся к несчастному царевичу с сердечным участием. А когда Дмитрий и королю пообещал, почитай, половину России...

— Экая щедрость на чужое, — усмехнулся канцлер. — Помнится, он и мне многое обещал, да не спешит выполнять...

— А я не думаю, что он собирается выполнять и то, что обещал королю и Мнишеку, — поддакнул Петровский. — Я его с детства знаю, этот малец только с виду простодушен... Короче, король пообещал и денег и не препятствовал, чтобы шляхтичи шли под знамена царевича.

— Ну, этому мы помешаем, — нахмурился Сапега. — Не прощаю измены. Скоро будет сейм, так я выступлю и объявлю, что это самозванец и что война с Россией для нас гибельна. Уверен, что меня и гетман наш великий, Ян Замоиский, поддержит. Я проучу этого щенка!

Часть вторая

«ИМПЕРАТОР ДЕМЕТРИУС»

Тем временем от прохожих и сюда, в спасенную от голода деревню Пожарского, стали доходить вести о самозванце, объявившемся на литовской границе. Князь отмахивался от слухов, не веря в серьезность происходящего. Но вот в Мугреево прискакал из Суздаля гонец с повелением царя собирать войско в поход.

— Против кого воевать будем? — поинтересовался князь.

— Идут поляки на нас вместе с казаками, а во главе беглый монах Гришка Отрепьев, нарекший сам себя царевичем уglichским.

— Кучка бродяг государству нашему — не угроза, но, видать, царь опасается, что король польский воспользуется предлогом и нарушит свое крестное целование, — высказал свою догадку Пожарский. — Что же, лучше подготовиться заранее, пусть даже забота окажется напрасной.

Князь приступил к сбору своего отряда. В его обязанность в соответствии с количеством поместной земли входило выставить десять вооруженных всадников и двадцать пехотинцев. Пожарский досконально проверил амуницию каждого.

Доспехи всадников составляли кольчуги, поверх которых одевались бармицы, представлявшие собой металлические пластины, скрепленные кольцами в виде ожерелья. Они прикрывали шею воина. На руки от кисти до локтя одевались стальные зарукавья с кожаными рукавицами, внешняя сторона которых была покрыта кольчужной сеткой, на ноги — наколенники, подобные зарукавникам.

На голову, поверх стеганой шапки, водружался железный колпак с кольчужной сеткой для защиты щек, затылка и плеч.

Пешие воины князя были одеты победнее: вместо кольчуг — насквозь простеганные плотные суконные тегиляи, подбитые пенькою, сверху обшитые обрывками кольчужной сетки, на головах — бумажные шапки, сшитые из сукна в виде треуха, толсто обложенные хлопчатой бумагой, в которую были вшиты металлические пластины. Верхнюю часть лица прикрывал железный нос, защищавший глаза от сабельных ударов.

Вооружение конных и пеших воинов состояло из сабель, копий или рогатин, похожих на копья, но с широким плоским и заостренным с двух сторон пером, засапожных ножей, прозванных так потому, что втыкались в голенище правого сапога. Кроме того, все всадники имели сагайдаки, состоящие из налучья, где хранился лук, висевшего на левом плече, и колчана со стрелами — на правом. Сзади за поясом у конных воинов находился кистень — короткая палка с ремнем, на конце которого был металлический шар.

Зато у пеших воинов были пищали, самые разные — и старинные, в которых выстрел производился через запал в казенной части ствола с помощью фитиля и огнива, и новые кремниевые, у которых были замки с коловоротом. К пищалам полагались рога с порохом, сумки для пуль и фитилей.

Сам князь, продавший, чтоб прокормиться, серебряную кольчугу, одел отцовское зеркало — доспех из крупных металлических пластин, скрепленных между собой изнутри застежками. Центральная пластина спереди была круглой, на ней выгравирован Георгий Победоносец, шею закрывал со всех сторон плотный обруч. Поверх железной шапки князь одел шишак, верхушку которого украшал еловец красного цвета, сделанный наподобие флюгера.

В левой руке князя круглый, как и у его воинства, щит, отличающийся лишь более богатой отделкой — металл обтягивала кожа красного цвета, в правой — чекан, представляющий собой металлический молот, с задней стороны заостренный. Это и оружие, и знак начальника.

Увидев князя в полном вооружении, вошедшего в горницу попрощаться, княгиня всплеснула руками и зарыдала:

— На кого ты нас оставляешь, князюшка Дмитрий свет Михалыч!

— Ну, не расстраивайся так, полно! — успокаивал ее муж.

Отбросив щит и чекан, он прижал ее к широкой груди.

— Ну, не плачь, Параша, уймись! Помни — на тебе все хозяйство остается. А я скоро вернусь. Не верю, что с поляками война будет. Жигимонт клятвы крестоцельной не преступит. Это царь на всякий случай войско набирает.

Зато сыновья прыгали вокруг в полном восторге.

— А правда, дядька Надея сказывал, что у поляков палаши вдвое наших сабель длинней? — допытывался старший, Петр, пытаясь вытянуть отцовскую саблю из ножен.

Князь положил ему руку на плечо и с полной серьезностью ответил:

— Дело не в длине оружия, а в силе руки. А потом — моя сабля сделана из лучшего булата.

Он выхватил саблю из ножен и легко согнул лезвие пополам, потом отпустил: с мелодичным звоном клинок выпрямился как ни в чем не бывало.

— Видал? — спросил Дмитрий у восхищенного сына. — Такой булат легко любой меч пополам перережет!

— Я с тобой хочу на войну! — воскликнул мальчик.

— Рано, сынок. Оставайся с матерью, охраняй ее от злых людей. Вот когда тебе исполнится пятнадцать, настанет и твой черед.

Они вышли на крыльцо. Все воины были в сборе. Дядька Надея хлопотал возле телеги, куда погрузили припасы — толокно, сушеное и соленое мясо, рыбу, связки чеснока... Стремянный Семен подвел князю коня, также украшенного по-боевому: круп коня был покрыт суконным алым галдаром, обшитым круглыми металлическими бляхами, защищающими грудь и бока лошади.

Пожарский потрепал верного спутника по холке и с грустью сказал:

— Старым становишься, пожалуй, большого похода тебе уже не вынести. Ну, даст бог, получу царское жалованье, куплю нового, а тебя — сюда, в деревню!

Он вставил ногу в высокое стремя и легко уселся в седло с высокими луками, позволяющими быстро поворачиваться в любую сторону, чтобы отражать сабельные удары.

— В путь! Прощай, княгинюшка. Не горюнься!

В Москве — многолюдье. Каждый день прибывают из разных городов пешие и конные отряды. Дьяки и подьячие Разрядного приказа записывают приезжих, выдают государево жалованье. Получил двадцать рублей и Дмитрий Пожарский. Выйдя из приказа вместе со свояком Никитой Хованским, за которого расписался в получении, поскольку знатный родственник «совсем на грамоту стал слаб», Дмитрий спросил:

— Где коня хорошего можно купить? В Конюшенном приказе, чай, одры одни остались.

— Ногайцы пригнали табун в несколько тысяч лошадей. Они сейчас берегутся на Царском лугу, за селом Коломенским. Поехали, пока светло. Давай в мою колымагу.

У конюшен на просторном выгоне встретили известных рязанских дворян Ляпуновых, тоже приехавших на сборы. Гикая и свистя, пятеро дружных братьев — Григорий, Прокопий, Захар, Александр и Степан — гоняли лошадей от одного края загона к другому, чтобы рассмотреть коней порезвей да покрепче.

Скоро отобрав себе коней, а заодно и Дмитрию, они тут же затеяли яростный торг с ногайцами: кричали, дико вращали глазами, даже хватались за сабли. Действительно, цены были несусветные — в четыре-пять раз дороже, чем раньше. Но нагайцы твердо стояли на своем, требуя за каждого коня по пятнадцать рублей.

— Знают басурмане, что деваться нам некуда — на смотр без хорошего коня лучше не ходить, — Бориска враз все обиды вспомнит и опять батогами учить начнет! — скрипел зубами Захар и снова начинал орать: — Бери десять рублей и уходи. А то башку твою дурную снесу!

Сговорились на двенадцати рублях, тут же оседлали новых коней и отправились в Москву.

— Слышь, Дмитрий, а тезка твой, царевич угличский, говорят, все большие силы набирает, — сказал Прокопий, скачущий бок о бок с Пожарским. — Князей Татева, Шаховского да Воронцова-Вельяминова в полон взял.

— Как же такие воеводы сдались?

— А их ему казаки из Чернигова привели. Воронцов-Вельяминов, слышь, сопротивлялся, поносил его как самозванца, ему Дмитрий голову снес. Так Татев с Шаховским тут же на верность присягнули. Вот тебе и знатные бояре! А безродный Петька Басманов, которого

царь всего с сотней стрельцов на самозванца послал, уже месяц Новгород-Северский удерживает. Как ни стараются польские драгуны да казаки взять город, ничего у них не получается! Из-за этого в войске царевича смута началась.

— Зато Путивль поддался! — заметил Захар, ехавший впереди брата, но, услышав разговор, осадивший коня. — Дьяк Сутупов да князь Мосальский не только город к присяге царевичу привели, но и казну царскую подарили.

...Сбор войска продолжался два месяца вместо двух недель, определенных царским указом. Сказывалась отдаленность городов, осенняя распутица и бездорожье, обезлюденность мелких дворянских поместий. Тем временем Петр Басманов слал гонцов с отчаянными просьбами о помощи. Царь вынужден был срочно направить в Северскую землю еще один малочисленный отряд под командованием Михаила Шеина. Пришло сообщение, что вслед за Путивлем вору «поддались» Рыльск, Курск, вся Комарицкая волость, за ней — Кромская. Под угрозой был Орел, сюда царь послал отряд под командованием Федора Шереметева.

Наконец в ноябре, на дмитриев день, армия неторопливо отправилась в поход. Во главе ее был поставлен князь Дмитрий Иванович Шуйский. Дружина Дмитрия Пожарского находилась в Ярославско-Ростовском полку, Ляпуновых — в Рязанском. В передовом полку двигались иностранные легионы, в том числе и пятьсот всадников под командованием Жака де Маржере. С ним рядом ехал и Конрад Буссов-старший, выразивший желание вместе с сыном послужить государю на поле битвы.

В Брянске — долгая остановка. Говорили разное: то будто Борис боится вторжения польской армии со стороны Смоленска, то, что, по мнению Шуйского, армия еще недостаточно велика и он ждет подкрепления. Наконец в Брянск прибыл Федор Мстиславский, назначенный старшим воеводой всего войска. Злые языки утверждали, что царь Борис пообещал престарелому боярину выдать замуж за него свою дочь и дать в приданое всю Северскую землю в случае победы над самозванцем.

Мстиславскому нельзя было отказать в военном опыте — он не раз проявлял свое мужество и ратное искусство в битвах с поляками Стефана Батория и со шведами в Ливонии. Сорокатысячную армию в первую

очередь он преобразовал в пять полков — передовой полк, большой полк с нарядом (артиллерией), полк правой руки, полк левой руки и сторожевой полк, находившийся сзади и охраняющий обозы.

Дмитрий Пожарский был назначен сотником в яртоул — легкий кавалерийский отряд, двигавшийся впереди армии с разведывательными целями.

Наутро войско было разбужено громоподобными звуками огромного медного барабана, в который били одновременно восемь барабанщиков.

— В поход, в поход, все выступаем в поход! — басовито призывал гигант, и ему вторили барабаны полковых воевод.

Войско оставило Брянск и двинулось к югу, в направлении Новгорода-Северского. Пока полки левой и правой руки занимали свои позиции на параллельных путях в нескольких верстах от основного войска, всадники яртоула на рысях двинулись вперед, чтобы найти место для первой ночевки.

Когда звуки барабанов возвестили, что полки заняли свои позиции, тронулся передовой полк, а чуть позднее в движение пришел и основной полк, во главе которого ехал Мстиславский с остальными воеводами, за ним везли огромное знамя с вышитым изображением Георгия Победоносца, поражающего дракона, — символом и гербом Москвы.

За кавалерией шли стрельцы с пищальями на плечах. Следом на санях везли пушки и ядра, а также крепко сколоченные из толстых дубовых досок щиты, предназначенные для «гуляй-города», охранявшего пехоту при атаке кавалерии.

Хотя лег снег и дорога стала наезженной, тем не менее двигались не спеша, не более пятнадцати верст за день, потому что темнело быстро. На полянах, выбранных для ночевки, воины умело строили шалаши из еловых лап, а для воевод раскидывались меховые шатры. Вспыхивали тысячи костров, на которых весело булькали огромные котлы, распространяя запах вкусной похлебки.

Только 18 декабря яртоул вошел в соприкосновение с польскими драгунами у Новгорода-Северского, осаждаемого царевичем.

Наутро полки войска Мстиславского начали неторопливо занимать свои позиции, против них выстроилось польско-казацкое воинство Дмитрия. Следующий день

прошел в перестрелках, ни те ни другие не спешили сойтись врукопашную. Хотя войско царевича было меньше по крайней мере вдвое, а то и втрое, Мстиславский медлил давать сигнал к наступлению, несмотря на то что Петр Басманов палил из всех пушек со стен осажденной крепости, призывая прийти на помощь.

21 декабря, едва восходящее солнце окрасило в розовые тона снежную долину, занятую противостоящими шеренгами всадников и пехотинцев, перед строем своего воинства появился царевич на белом коне и в собольей шубе, накинутаой поверх серебряных лат. Показывая в сторону царских войск шпагой, он что-то призывно кричал, воины ему отвечали дружным приветствием. Неожиданно пришли в движение роты польских драгун, стоявшие против полка правой руки. Развернувшись во фронт, лихие всадники с белыми перьями на шлемах с устрашающим гиканьем врубились в ряды боярской кавалерии. Многие из детей боярских в страхе повернули своих коней и, удирая от длинных палашей драгун, смяли ряды собственной пехоты, не успевшей расступиться, чтобы пропустить своих и встретить огнем пищалей врагов. Кое-кто из стрельцов тоже, бросив пищали, искал спасения в бегстве, однако многие вступили в бой, снимая всадников с коней пиками и вспарывая животы лошадей рогатинами.

Капитан польских драгун Доморацкий, встретив сопротивление, неожиданно повернул свою роту драгун вправо и оказался в тылу большого полка, там, где находилась ставка Мстиславского и реял огромный золотой стяг, закрепленный на нескольких подводах.

Кто-то из гусар подрубил древко, и стяг рухнул под торжествующие вопли одних и скорбящие других. Драгуны смяли окружение Мстиславского и сшибли с коня его самого, нанеся несколько колотых ранений.

Казалось, военное счастье было на стороне безрассудных храбрецов, но вот оправившиеся от столь бурного натиска стрельцы бросились на выручку воеводы и стяга. Из драгун уцелели только те, что немедленно повернули своих коней назад. Замешкавшиеся были взяты в плотное кольцо, и они были или убиты, или взяты в плен. Оказался плененным и капитан Доморацкий, впоследствии с триумфом отправленный в Москву.

Стычка длилась всего три часа и принесла не так уж много жертв, однако бояре Василий Голицын и Андрей Телятевский, возглавившие войско из-за ранения

Мстиславского, в панике приказали полкам отступить под покров густого леса. Отходили столь поспешно, что бросили трупы своих товарищей.

Говорят, что вечером Димитрий, объезжая поле сражения, плакал при виде убитых русских воинов. Во всяком случае, царевич не стремился развить достигнутый успех и вдогонку царскому войску не пошел. А еще через несколько дней он неожиданно снял осаду Новгорода-Северского и ушел со своей армией в неизвестном направлении.

Позднее лазутчики донесли, что в стане Димитрия вспыхнула ссора. Драгуны потребовали за свои подвиги денежного вознаграждения, однако казна царевича, пополненная в Путивле, иссякла. По совету Мнишека Димитрий выплатил деньги лишь наиболее отличившейся роте, что вызвало еще больший взрыв страстей. Дело дошло до рукопашной. Димитрий, не выдержав оскорбления одного из драгун, пожелавшего царевичу скорее попасть на кол, ударил обидчика шпагой. На него бросились несколько драгун и содрали с царевича соболью шубу. На помощь своевременно подоспели казаки, не давшие спуску полякам. Конфликт закончился без крови, однако многие из драгун покинули лагерь. Уехал и вдохновитель похода Юрий Мнишек, получивший, как говорили перебежчики, письмо от Льва Сапеги с грозным предупреждением не помогать Димитрию.

Потом стало известно, что царевич с жалкими остатками польских шляхтичей и двумя-тремя тысячами казаков ушел в верный ему Путивль, а оттуда в Комарицкую волость, где мужики с восторгом встретили «доброего» царевича. Здесь войско Димитрия получило обильное продовольствие и снова стало пополняться за счет прибытия новых казацких полков. Валом валили к нему и комарицкие крестьяне, вооруженные лишь топорами да вилами. Успокоившийся Димитрий стал называть себя царем, еще не дождавшись коронования.

Так доносили лазутчики. А воеводы по-прежнему не спешили вывести царское войско из густых лесов.

Двадцатого января царские полки заняли село Добрыничи. Воинов радовало, что ночлег будет не в опостылевших шалашах, а в добротных избах. Не меньше радовало, что наконец наутро сойдутся с неприятелем, разгонят эту мужицкую рать, возьмут в полон царька, а там можно и по домам!

Однако ночь прошла в тревоге. Хитрый самозванец послал мужиков из своей комарицкой рати, которые знали здесь каждый кустик и овражек, поджечь Добрыничи одновременно с разных углов, чтоб посеять панику и, если удастся, одним ударом развеять, разогнать боярские полки.

Но охранение не дремало, и попытка сорвалась. Схваченные с заготовленными факелами из пакли «сермяжные» ратники показали, что Димитрий скрытно выводит свои полки перед Добрыничами, готовясь утром дать бой.

Мстиславский приказал полкам немедленно занять отведенные им позиции. Князь Пожарский со своими дружинниками находился в составе ростово-суздальского отряда, в основном полку, неподалеку от знамени. Его товарищи по яртоулу — Михаил Скопин-Шуйский и Иван Хворостинин среди прочих московских аристократов числились в полку правой руки, командовать которым было поручено Василию Ивановичу Шуйскому.

Хмурое утро двадцать первого января огласилось тугими ударами барабанов и пронзительным воем всевозможных труб. Противостоящие армии, вытянувшиеся в линию, находились примерно в версте друг от друга. Ни те ни другие не спешили сойтись, лишь выскакивали вперед лихие наездники, которые, гарцуя перед строем, выкрикивали обидные слова в адрес противника под дружный хохот своих товарищей. Да изредка постреливали верховые¹ орудия, практически не нанося никакого урона неприятелю.

После нескольких часов ожидания стан царевича пришел в движение. Вперед из общих рядов выезжали одна за другой сотни польских драгун, которых легко было узнать по белым перьям на шлемах и крыльям, прикрепленным к кирасам. Они начали накапливаться на левом фланге. Стало ясно, что они хотят повторить маневр, принесший им удачу под Новгородом-Северским, ударив по правому флангу, чтобы затем, воспользовавшись сумятицей, зайти в тыл основным частям царского войска.

Воеводы были готовы к этому маневру. По сигналу Шуйского полк правой руки выехал вперед, навстречу польской коннице. К нему поспешила посланная Мстиславским для подкрепления тысяча иноземных солдат

¹ Верховые орудия — дальние.

под командой капитанов Жака де Маржере и Вальтера фон Розена.

Польские эскадроны, выскакивая из лощины, которой воспользовались, чтобы не попасть под огонь артиллерии, разворачивались в лаву для атаки. В первых рядах, сверкая серебряными латами, мчался на кауром аргамаке царевич, окруженный верными телохранителями и воеводами. После беспорядочной пальбы сошлись врукопашную. Зазвенел металл, всхрапывали кони, отчаянно кричали раненые. Всадникам царевича, благодаря отчаянному натиску, удалось смять первые ряды конников правого полка.

Маржере взмахом шпаги послал вперед своих солдат, которые двинулись на неприятеля с криком «Хильф готт»¹. Однако ни бог, ни искусство фехтования не спасли ландскнехтов. Не выдержав лобовой атаки, они так же, как и русские воины, поддались панике и повернули своих коней. Вскоре весь полк правой руки обратился в беспорядочное бегство.

— Что они делают, что делают! — в отчаянии воскликнул Пожарский, наблюдая издали за исходом схватки.

Он чуть тронул танцующего коня и бросил умоляющий взгляд на Мстиславского, ожидая команды броситься на выручку. Но тот сидел непоколебимо на своем коне, которого держали под уздцы двое слуг.

Тем временем, прекратив преследование бегущих, польские драгуны по команде своих ротмистров развернули коней, направляясь в тыл главного полка, чтобы отсечь его от деревни. Но здесь их ждал сюрприз, приготовленный опытным Мстиславским. Безобидный плетень скрывал крепкие щиты «гуляй-города», за которыми находилось более десяти тысяч стрельцов. Подождав, когда всадники приблизятся вплотную, они выстрелили одновременно из всех пищалей. Залп произвел ошеломляющее впечатление. Гром и пламя были столь чудовищны, будто разверзлась земля. И хотя потери были невелики, паника воцарилась ужасная. Кони, не подчиняясь седокам, кинулись в стороны. Чувство страха обуяло, казалось бы, отчаянно храбрых воинов. Они бросились вспять с той же яростью, с какой только что атаковали.

Уже не ожидая команды воеводы, в едином порыве

¹ «Хильф готт» — помоги боже.

поскакали вдогонку всадники главного полка, настигая и рубя на ходу неприятеля. Сумятицу довершили запорожцы. Увидев, что драгуны смяли правый фланг, они бросились в атаку следом, чтобы завершить победу. Неожиданно навстречу им вынеслась польская конница. Вид всадников был ужасен, они что-то кричали в бешенстве, указывая назад. Произошла сшибка, многие всадники падали от столкновения лошадей. Запорожцы в ужасе также поворачивали своих коней. А во фланг им заходил развернувшийся назад полк правой руки.

Князь Пожарский мчался впереди, увлекая за собою сотню. Оставляя слева и справа убегающих драгун и казаков, он стремился настигнуть царевича, узнаваемого по серебряным латам. Вот он ближе, ближе. Бросив уздечку, Дмитрий выхватил из-под луки седла пищаль, прицелился — выстрел! Конь под царевичем заметался и рухнул. Пожарский, обнажив саблю, бросился туда. Но кто-то из окружения царевича, кажется князь Масальский, спешился, пересадил его на своего коня, а сам бросился ловить другого коня, оставшегося без ездока. Тем временем по его команде несколько казаков повернули назад, чтобы встретиться лицом к лицу с Пожарским и его людьми.

Снова зазвенели сабли. Один за другим падали зарубленные храбрецы, но свое дело они сделали. Пока шла схватка, царевич ускакал далеко.

Но Пожарский упорно продолжал преследование. Лавина всадников врезалась в ряды пеших воинов, вооруженных вилами, рубя налево и направо. Напрасно бедняги пытались спастись бегством. Многих из них, кто не падал, становясь на колени, доставала сталь клинка.

На плечах вражеских воинов Пожарский и его товарищи ворвались в Чемлыжский острожек и, поскольку царевича там не было, помчались дальше. Лишь спустя десять верст их настиг гонец воеводы.

— Приказано возвращаться в лагерь! — крикнул он, хватая коня Пожарского за поводья. — Стойте, кому говорят!

— Надо же догнать самозванца! — в запале воскликнул Пожарский.

— Не велено! — строго сказал гонец. — Вдруг дальше засада? Воевода, князь Мстиславский, велел возвращаться. Слышите?

Действительно, издали были слышны гулкие звуки главного барабана, возвещавшего общий сбор.

— И то верно. Погляди, как кони приморились, еще немного, и падать начнут, — сказал, подъехав, Никита Хованский, который с отрядом Михаила Шеина также был в числе преследователей. — Не переживай, князь, победа полная. Вон сколько их полегло.

Действительно, все поле было усеяно трупами.

— А сколько в полон взяли, — хвастливо заявил го-нец и неожиданно захохотал. — Князь-воевода для них танцы готовит до утра!

Вернувшись в стан, Пожарский и его воины застали страшную картину. Всех пленных, кроме поляков, Мстиславский приказал немедленно казнить. Вешали везде: на воротах домов, в амбарах, на деревьях. По всей деревне раскачивались, свесив буйные головы, комарицкие мужики да казаки. А стрельцы по приказу воеводы стреляли в повешенных из пищалей, упражняясь в меткости. Пожарский пришпорил лошадь, торопясь отъехать от места казни: ему не по нутру была такая жестокость. Наутро польских драгун, взятых в плен, повезли в Москву порадовать царя-батюшку. С сеунчем о славной победе был отправлен Михаил Борисович Шейн. Вез он в подарок царю и брошенное при бегстве позолоченное тяжелое копье самозванца с тремя пышными белыми перьями. На казни пленных воеводы не успокоились. Мстиславский отдал мятежную Комарицкую во-лость в разграбление касимовским татарам хана Исента, входившим в состав основного полка. Когда через несколько дней армия Мстиславского неторопливо двинулась к Рыльску, куда бежал самозванец, Пожарский с ужасом увидел опустошенные деревни, где на подворьях, обильно раскрасив белый снег алой кровью, валялись разрубленные трупы не только мужчин и женщин, но даже грудных младенцев.

Наконец войско Мстиславского достигло Рыльска. Самозванца здесь уже не было, крепость оборонял князь Долгорукий, одним из первых присягнувший «прирожденному государю». Переговоры с ним ни к чему не привели, жители, уstraшенные зверством царских войск в округе, наотрез отказались сдаться добровольно. Подвезенная артиллерия открыла непрерывный обстрел крепостных стен, длившийся две недели. Однако и это не сломило боевой дух обороняющихся, они успешно отражали штурм, затеянный Мстиславским. К слову сказать, и царские стрельцы лезли на стены без всякой охо-

ты, только из-под палки. Никому не хотелось гибнуть зря.

В войске все больше возникал ропот. Многие прямо говорили об измене воевод, тайно ведущих переговоры с царевичем. Целые отряды провинциальных дворян стали покидать лагерь, отправляясь домой, в свои поместья.

...Кромы оказались еще более крепким орешком, чем Рыльск. Здесь в осаде сидел знаменитый атаман, которого многие считали колдуном за его неуязвимость в самых жарких схватках, Андрей Корела с верными ему донцами. В Кромы своего самого надежного и верного соратника направил царевич еще до Добрыничского сражения, преследуя далеко идущие цели: ведь через эту небольшую крепость с бревенчатыми стенами лежал путь на Орел и Тулу к вожделенному московскому престолу.

Федор Шереметев с многотысячным отрядом придворного воинства потерпел позорное поражение от шести сотен казаков. Что и говорить — псари да виночерпии были приближены к царю отнюдь не за успехи в бранном деле.

Лишь четвертого марта знамя с изображением Георгия Победоносца появилось под Кромами. Воевода Мстиславский, видимо вдохновленный будущей женитьбой на царевне, вдруг проявил ту решимость, которая была ему присуща во времена войны в Ливонии. Не дожидаясь прибытия осадной артиллерии из Карачева, он приказал Михайле Глебовичу Салтыкову, второму воеводе передового полка, взять крепость штурмом.

Однако оказалось, что за время бездействия царских войск казаки хорошо подготовились к новым атакам. От острога к земляному валу были отрыты глубокие ходы. Под земляным валом они устроили убежища от ядер.

Когда воины Салтыкова стали приближаться к крепости широким кольцом, казаки открыли стрельбу с земляного вала.

Салтыков, будучи опытным царедворцем, отнюдь не отличался храбростью, поэтому благоразумно просигналил отступление.

— Возьмем измором! — рек Мстиславский на военном совете. — Наряд¹ и хлеба у казаков осталось мало: сдадутся, куда им деваться.

¹ Наряд — боеприпасы.

Казаки тоже, казалось, присмирели. Ночные вылазки случались все реже. Позже выяснилось из слов перебежавшего стрельца, что причина уныния казаков — в ранении доселе неуязвимого Корелы. Он же показал, что Корела послал несколько гонцов царевичу с отчаянными просьбами о помощи.

Подошедшая осадная артиллерия вела систематический обстрел крепости. В конце концов был полностью уничтожен острог. Не уцелело ни одного здания. Однако казаки, переселившись в глубокие норы под землей, сдаваться не желали.

...Конь с трудом вытаскивал ноги из жирной грязи, круто замесившей дорогу. И хотя апрельское солнце довольно припекало, князь зябко закутался в меховой плащ — знобило то ли от раны, то ли от зябких мыслей.

— Дорогу, дорогу! — услышал Пожарский крик и пронзительный звон тулумбаса.

На взмыленных лошадях мчались всадники, одетые в красные кафтаны, сопровождая несколько богато убранных рыдванов.

«Видать, новый царский гонец», — догадался он, съезжая в сторону. Лицо одного из всадников ему показалось знакомым, видать, встречались во дворце. Крикнул:

— Случилось что? Как на пожар летите!

— Преставился наш государь—царь и великий князь Борис Федорович всея Руси, а в ионическом чину дали ему имя Боголеп! — перекрестился вестник, остановившись возле Пожарского.

— Как же это, господи! — перекрестился и князь.

— В одночасье умер. Пообедал хорошо, весел был. Даже лекарей от себя отпустил. Потом вдруг дурно стало, прилег и захрапел...

— Может, отравы? — заподозрил негодное Пожарский. — Недругов у него хватало...

— Лекари говорят, скончался от удара.

— И на кого же стол свой оставил? На сына Федора?

— Когда уже умирал, бояре спросили об этом, а он только прошептал: «Как богу угодно и всему народу!» Однако бояре поспешили крест целовать на царство Федору.

— Какие бояре? Ведь все самые знатные тут, в войске.

— Известно какие! — усмехнулся гонец. — Кто в

ближнюю Думу входит? Одни Годуновы. Вот они и по-
решили.

— Что еще скажет Боярская дума! — покачал головой князь.

— Вот поэтому мы так и спешим. Велено немедленно в Москву доставить самых больших бояр — Мстиславского да Василия Шуйского, чтоб присягнули новому царю.

— А кто же на войске останется?

— Вот едут новые военачальники! — кивнул всадник вслед рыдванам. — Главным воеводой назначен князь Михайло Петрович Катырев и вторым воеводой к нему — Петр Федорович Басманов.

— Этот хоть воевать умеет! — кивнул Пожарский. — В Новгороде-Северском знатно отличился.

* * *

На следующий день полки приводили к присяге. Один за другим подходили воины к кресту, который держал новгородский митрополит Исидор, и, преклонив колено, целовали его на верность новому царю. Однако в людской сумятице кое-кто из дворян уклонился от крестоцелования. Во всяком случае, когда Дмитрий Пожарский отошел в сторону после благословения митрополита, он увидел в толпе хитрые глаза Прокопия Ляпунова. Тот шепнул:

— А я не целовал крест!

— Как же так?

— А вот так! Надо зело подумать, кому присягать — этому царевичу, отродью дочери Малюты Скуратова, или тому, что по всем статьям и родовитей, и законнее.

— Никак, в крамолу ударился? — сурово сказал Пожарский.

— Тише ты, Дмитрий! — воровато оглянувшись, сказал Ляпунов. — Не забывай, вокруг лазутчики Петьки Басманова шастают. Думаешь, зачем его Сенька Годунов сюда поставил? Чтоб был оком государевым. Да не рассчитал немного: обиделся Петька, что не его главным воеводой сделали. Так что дай время, будет и он на нашей стороне!

— На вашей? И сколько же вас?

— Тише! — снова предупредил Ляпунов. — Если хочешь знать, приходи к вечеру к шалашам, где рязанцы да каширяне ночуют.

Дмитрий покачал головой:

— Нет, не приду. Негоже Пожарскому в смуту лезть.

— Эх ты! Ну и оставайся со своей саблей. Так и будешь до конца жизни в захудалых ходить, — бросил зло Ляпунов и скрылся в толпе.

А Пожарский, оставшись на площади, пристально вглядывался в лица воевод, стоявших рядом с Исидором, и размышлял: «Неужто и среди них есть заговорщики? Иван Годунов, Андрей Телятевский, зять Семена Годунова, да, пожалуй, Михайло Салтыков — эти, конечно, будут преданы царю Федору до конца. А остальные?»

Вот стоят рядом два статных красавца — Василий Голицын и Петр Басманов. Первый — из рода Гедиминовичей, по знатности превосходит даже Мстиславского, главу Боярской думы. Однако Борис Годунов, еще будучи правителем при Федоре Иоанновиче, поставил Голицыных ниже Шуйских и Трубецких, чтобы убрать их из числа претендентов на царский трон. Василию Голицыну есть за что не любить покойного Бориса и его воцарившегося сына. Такой навряд положит свой живот¹ за новую династию.

А Петр Басманов? До начала войны славился по Москве как первый щеголь. Он и сейчас одет наряднее всех. Червленная муаровая шуба распахнута на груди, чтоб был виден позолоченный панцирь, подарок Бориса за ратные подвиги. Что и говорить, был обласкан покойным сверх всякой меры. Должен служить Годуновым верой и правдой. Однако злые языки уверяют, будто, когда Борис сказал, что готов выполнить любое его желание, Петька бил челом, чтоб разрешил ему царь жениться на Ксении, первой невесте государства. Однако царь не согласился, сославшись, деи обещал Ксению в жены престарелому Мстиславскому. А скорее побоялся такого союзника для своего Федора: ведь царскому зятю до яблока державного рукой подать. Не подал виду Петька, что обиделся, однако злобу наверняка затаил. И еще — сейчас рядом с Федором его главный советчик — царица Мария. А Басманов не забыл, что род его пришел в запустение по наветам ее отца Малюты Скуратова. Лучшего друга царя Ивана, Алексея Басманова, зарезал по его приказанию родной сын, отец Петра, Федор, которого потом Малюта собственноручно задушил в тюрьме.

¹ Ж и в о т — жизнь,

Так есть ли у этого щеголя желание так любить нового царя, чтобы жизнь за него отдать?..

...Дмитрий Пожарский недолго оставался в родовом имении Мугреево. С облегчением убедился, что супруга и все четверо детей здоровы. Старший, двенадцатилетний Петр, уже свободно сидит на коне и учится фехтовать на палках, не отстает от брата и семилетний Федор, начала ходить румяная толстощекая Ксения, названная им в честь царевны. А в люльке еще малыш качается — сын Иван, родившийся, когда князь был в походе. Крестьяне дружно отсеялись, и управляющий обещал неплохой урожай.

Но семейные радости не разгладили морщин на челе князя. Душу постоянно теребила дума: как там в Москве? Из Суздаля приходили вести, что Дмитрий рассылает по городам «прелестные» письма, склоняя весь люд целовать ему крест, как законному царю. Из этих писем стало известно, что войско Дмитрия беспрепятственно заняло Орел, затем Тулу и остановилось под Серпуховом.

Понимая, что наступает роковая развязка и Федору Годунову не усидеть на троне, Дмитрий встревожился за судьбу матери, еще остававшейся мамкой при Ксении.

Побыв дома всего две недели, князь с верным дядькой Надеей и десятком дружинников отправился к Москве. Их путь лежал по Ярославской дороге. Они миновали Суздаль, Ярославль, Ростов, Переславль-Залеский... Эти города не спешили присягнуть новому царю, хотя на посадах велись яростные споры: кто же он — действительно сын Ивана Грозного или вор-самозванец? Заехали помолиться и поклониться святым мощам Сергия Радонежского к старцам Троице-Сергиева монастыря. Они зачитали князю последнюю грамоту патриарха Иова, где он проклинал самозванца, упорно называя его Гришкой-расстригой.

...Царский двор носил следы разграбления: двери и окна были выломаны, везде валялась всевозможная утварь. Он был зловеще пуст. С содроганием Дмитрий подъехал ко дворцу царевны. Никто его не встретил. Спешившись, он вошел в хоромы. Нигде никого. Содрана обивка со стен, поломаны лавки. На полу видны следы крови. «Неужели опоздал?» — горько подумал князь, однако прошел дальше, в задний двор, а оттуда в сад. Прислушался: может, почудилось? Нет, из глубины са-

да, где находилась беседка, раздавалось тихое всхлипывание. Пожарский бросился туда:

— Матушка!

Это действительно была княгиня, забившаяся в дальний угол.

— Сынок! — со стоном проговорила она. — Какой ужас! Ксения...

— Потом, потом расскажешь, — пробормотал князь, беря ее на руки.

Так, неся ее на руках, он вышел из дворца, бережно усадил ее на свою лошадь, сам сел сзади, бережно ее поддерживая.

У ворот — пьяные казаки.

— Глянь, какой проворный! — загоготал один из них. — А мы бегали, баб искали...

Пожарский в ярости было направил на весельчака лошадь, но его вовремя оттолкнул своим конем Надея. Сунув рубль, он строго сказал:

— Открой зенки! Это же старуха! На богомолье едет.

Казак смущенно забормотал какие-то извинительные слова, и отряд поспешно миновал караул. На Сретенке бурлила толпа, идущая к Варсонофьевскому монастырю, пришлось ее объехать. Наконец за Сретенскими воротами усадьба Пожарских. Стремянный Никита забарабанил что было силы в крепко запертые ворота. Наконец раздался дрожащий голос ключника:

— Кто там? Хозяев дома нету!

— Открывай, старик, это я! — подал звучный голос Пожарский.

— Князюшка! — аж всхлипнул ключник. — Наконец-то! Мы тут такого страху натерпелись! Вчера несколько раз грабить собирались. Хорошо, твои посадские в обиду не дали. Говорят: «Наш князь хороший, справедливый. Его обижать без надобности!»

Князь бережно внес мать в горницу, усадил на лавку. По его знаку княгине принесли меду. Сделав несколько глотков, она горько расплакалась.

— Ну, полно, полно. Все позади, — утешал ее Дмитрий. — Расскажи мне все по порядку.

...Наутро дворец проснулся от криков на Красной площади.

— Опять народ кто-то с толку сбивает! — нахмурилась царица Мария Григорьевна и послала проведать, что случилось, дворцовых слуг.

Те скоро вернулись в страхе. На Лобном месте читают письмо самозванца два его посланца — Гаврила Пушкин и Наум Плещеев. До этого нескольких его гонцов стрельцы поймали без труда и посадили в темницу, где сидели и пленные поляки. На этот раз послы появились не одни — с ними большой отряд казаков во главе со страшным колдуном Андреем Корелой, да еще мужичье из Красного Села. Они сбили стрелецкую стражу на воротах и в окружении московского черного люда привалили на Красную площадь.

Царица послала к народу с увещеваньем начальных бояр Мстиславского и Шуйских, а также думного дьяка Афанасия Власьева. Однако те говорили вяло, вроде бы и не веря, что Дмитрий — самозванец. Пока шли споры между посланцами Дмитрием и боярами, казаки не зевали. Разбив замки на железных дверях Разбойничьего приказа, они освободили всех заключенных, в том числе и поляков.

После этого возбужденная толпа ворвалась в Кремль и стала громить царский дворец...

Здесь княгиня заплакала навзрыд, вспоминая непосредственно пережитое.

— Успокойся, матушка. Все позади!

...Толпа схватила царицу, Федора, добрались и до Ксении. Наверное, убили бы их, но не дал Богдан Бельский, пожалевший свояченицу. Их с позором, без головных уборов, на простой телеге повезли на старое подворье Годуновых, расположенное здесь же, в Кремле. Когда казаки начали издеваться над Ксенией и приставать к ней, княгиня бросилась на защиту. Но какой-то казак так ткнул ее в спину, что она упала и потеряла сознание. Когда очнулась, во дворце царевны никого уже не было, а из царского дворца раздавались пьяные песни. Испугавшись, княгиня с трудом перебралась в сад и затаилась в беседке. Там-то и нашел ее Дмитрий.

— Жалко мою лебедушку, — причитала княгиня. — Сначала жениха потеряла, потом отца. Что-то с ней будет?

— Не печалься, матушка! — утешал сын. — Ксении дорога теперь только в монастырь. Но и в монастырях живут, ничего. Ближе к богу. Отдыхай. А как совсем поправишься, отвезу тебя в Мугреево. Возле внуков, глядишь, и сердцем оттаешь!

Разношерстная толпа встретила царевича Дмитрия приветственными криками. Поднимая к нему свои вериги и кресты, ползли на коленях за благословением юродивые:

— Царь-батюшка наш — красно солнышко. Спаси нас и помилуй, Христа ради!

Посадские и торговые люди восторженно бросали вверх шапки. Особняком стояли пышно одетые московские дворяне — кто из них кланялся в пояс, кто крестился. С остроконечным любопытством оглядывали они царевича, стараясь определить, есть ли сходство с Иваном Грозным. Здесь же находился и Дмитрий Пожарский, только что вернувшийся из Мугреево, куда отвез свою мать. Он пристально рассматривал царевича, сидевшего на лошади как влитой. Даже просторные царские одежды не могли скрыть мощных широких мышц шеи и груди, сильных рук, беспокойно теребящих поводья. Лицом царевич был смугл, но глаза, как у покойного Ивана, стального цвета и так же беспокойно сверлят окружающих. Родовым для Рюриковичей был и массивный нос, украшенный бородавкой синюшного цвета. Губы полные, чувственные. Бороды нет, только тонкие усики. Лицо подвижное, выразительное. Сейчас оно не скрывало радостного волнения от встречи с Москвой.

Царевич бросил украдкой взгляд вправо, на здание, где когда-то располагалось польское посольство. Отсюда два с лишним года назад он пробирался как тать в ночи, одетый в монашескую рясу... И вот волею судьбы, а главное, своей волей он вернулся сюда царем, нет, даже царем царей, императором!

Пожарский, обратив все свое внимание на отпрыска царского рода, не очень рассматривал всадников, составлявших его свиту, но вдруг почувствовал чей-то пристальный взгляд. Обежав глазами конников, окружавших царевича, он столкнулся с чьим-то тяжелым усмешливым взглядом. Точно, он — Борька Лыков! В богатой боярской шубе и горлатной шапке он глядел на Дмитрия презрительно-высокомерно, казалось, говоря: «Дей, ты как был в захудалых стольниках, так и остался, несмотря на ратные отличия, а я уже — в боярах, отмечен близостью к трону!» Пожарский нахмурился и отверг глаза, чтобы не выдать свои чувства к предателю.

Его тихонько потрепал за плечо незаметно подъехав-

ший Афанасий Власьев, также находившийся в царском поезде.

— Не горюнься, князь, — сказал он тихо, верно угадав по выразительному лицу князя, о чем тот думает. — Так ты не в родовом своем поместье?

— Только оттуда, сопровождал матушку. Еле спаслась она от гибели.

— Тише! — дал знак Власьев. — Будь дома, никуда не показывайся. Пока царевич не жалует бывших придворных Бориса. Но может и призвать в любой момент, и, если откажешься, не миновать беды. Обиды он не прощает. Жди моего сигнала!

От Фроловских ворот послышалось стройное песнопение. Это шли встречать будущего царя священнослужители соборов и монастырей Кремля. Процессию возглавлял Терентий, протопоп Благовещенского собора, где испокон веку молилась царская семья. Был здесь же и отец Пафнутий, настоятель Чудского монастыря. Его Петр Басманов вместе с Иовом было отправил в ссылку, но по приказу царевича его возвратили обратно, более того — с саном митрополита.

Сейчас Пафнутий смотрел во все глаза на царевича, проверяя, уж не расстрига ли этот молодой человек. Но нет, лицо ему было незнакомо, а уверенная осанка и жесты явно говорили о его царском происхождении.

— Эй, отец Пафнутий! — услышал он негромкий отчетливый зов.

Оглянувшись, невольно воскликнул:

— Батюшки святы!

Среди польских драгун крутился мешковато сидевший на лошади Гришка Отрепьев, одетый в бархатный кафтан польского покроя с меховой оторочкой. Узнали своего бывшего товарища и монахи.

Отец Терентий тем временем благостным звучным басом обратился к царевичу, смиренно просил у него прощения за то, что долгие годы московский люд был обманут, думая, что царевича погубили в Угличе.

— Когда слышим похвалу нашему преславному царю, то разгораемся любославием к произносящему эти похвалы, — вещал Терентий, обводя глазами людей на Красной площади, стоявших с обнаженными головами, а кое-кто пал ниц. — Мы были воспитаны во тьме и привлекли к себе свет. Уподобляясь богу, подвигнись принимать, благочестивый царь, наши мольбы и не слушай людей, вливающих в уши твои слухи ненадобные, под-

вигающих тебя на гнев, ибо если кто и явится тебе врагом, то бог тебе будет другом. Бог, который освятил тебя в утробе матерней, сохранил неведомую силою от всех врагов и устроил на престоле царском, бог укрепил тебя, и утвердил, и поставил ноги твои на камне своего основания: кто может тебя поколебать? Воздвигни милостивые очи свои на нас, пощади нас, отвори от нас праведный гнев свой!

Царевич, спешившись и сняв шапку, со смиренным, казалось бы, видом слушал речь Терентия, однако внутренне насторожился, когда тот завел речь о людях, «вливающих» в царские уши «слухи ненадобные».

«Это он о моих больших боярах говорит или о польских советниках? — подумал Димитрий. — Или хитрый поп, может, тайное прослышал о том, что иезуитов с собой вожу? Надо ухо остро держать!»

Не подав виду, что обратил внимание на намеки, царевич с благоговением троекратно, согласно обычаю, облобызал икону Божьей Матери из Благовещенского собора, которой благословил его святой отец.

— Наш, православный батюшка-царь! — прошел облегченный ропот по толпе. — А злые языки баяли, будто то польский перевертыш!

Благолепие момента смазали польские музыканты. Желая усилить праздничность происходящего, они что было силы ударили в литавры и задудели в трубы, наигрывая веселую польскую мелодию.

Народ зашумел:

— Басурманы! Церковное пение испохабили!

Царевич тем временем вместе со всем кортежем направился в Кремль. Встречавшие его Голицын и Басманов хотели было его препроводить во дворец Бориса, но Димитрий только сверкнул глазами:

— Ноги моей там не будет! Приказываю снести до основания змеиное гнездо.

— Мы же тебе там опочивальню приготовили, — растерянно сказал постельничий Семен Шапкин.

— Перенесите во дворец Федора, моего старшего брата, — приказал царевич. — А пока побываю в усыпальнице моих предков.

В Архангельском соборе он склонился перед могилами, рукой коснулся мраморного саркофага Ивана Грозного:

— Здесь покоится отец мой! — сказал с царским величием Димитрий и поцеловал надгробие.

Польские офицеры, которые толпой последовали за ним в собор, к ужасу священнослужителей, обменялись понимающими усмешками: они помнили «царька» совсем другим, чем сейчас, — робким и суетливым, заискивающе просящим помощи шляхтичей. Димитрий, не скупившийся на слезы, тем не менее заметил эти усмешки. Заметил и запомнил.

Из Архангельского собора он отправился в Грановитую палату. Польские эскадроны выстроились под окнами, развернув свои знамена. Усевшись глубже на трон так, что короткие ноги не оставляли пола и свободно болтались, он внимательно осматрел бояр, сидевших по лавкам. Были здесь и старые, родовитые—Мстиславский, Воронежский, Шуйские, Голицыны, были новые—Татев, Лыков, Басманов...

После заутрени в Благовещенском соборе царевич, поддерживаемый боярами под локотки, направился в Успенский собор, резиденцию патриарха. Здесь собрались все высшие лица русской православной церкви. Духовный собор должен был узаконить противозаконные действия Петра Басманова, который по указанию царевича содрал патриарши ризы с Иова без согласия остальных митрополитов. Поэтому сейчас перед лицом Димитрия, сидевшего на высоком троне справа от алтаря, разыграли спектакль, долженствующий облечь царскую волю в законную форму. Сначала Иова, которого, естественно, и не удосужились привезти из Старицкого монастыря, восставолили в должности патриарха и тут же освободили, учитывая его преклонный возраст и многочисленные болезни, мешающие должным образом исполнять столь высокие обязанности.

Затем столь же единодушно отцы церкви избрали патриархом рязанского митрополита Игнатия, грека по происхождению, приехавшего в Россию с Кипра. Хоть и славился Игнатий отнюдь не благочестием, а напротив, ходили разговоры о пристрастии грека к пьянству и блуду, однако несомненная заслуга его перед царским престолом заключалась в том, что он первым из высших сановников церкви по наущению Прокопия Ляпунова благословил Димитрия на царство.

Отбыв молебен по поводу избрания нового патриарха, царевич вернулся во дворец и сразу прошел в Грановитую палату, где заседала Боярская дума. Усевшись на трон, он обвел сумрачным, исподлобья, взглядом притихших бояр.

— Стало мне доподлинно известно, что Васька Шуйский возводит клеветы на меня. Сегодня по моему указу будут повешены два купца, которые на допросе признались, что по наущению этого сучьего кобеля Васьки распространяли они в народе слух, деи Шуйский больше имеет прав на престол, чем я. Утверждает он ложно, что царевича Угличского точно зарезали и что я не мог спастись никаким чудом!

Бояре сидели насупившись, опустив бороды на посохи, на которые опирались руками. Никто не пытался выразить негодование по поводу возмутительных Васькиных слов. Видать, сами они про себя думали так же. «Ну, погодите, сейчас я вам устрою!» — злорадно подумал Димитрий и повысил голос:

— Такая дерзость Васьки для меня, законного вашего государя, крайне огорчительна! И если я не накажу его примерно, народ обидится. Посему приказал я взять Шуйского под стражу и доставить сюда, на мой и ваш суд. Басманов, исполнил ли ты мой приказ?

Басманов поклонился и дал знак стоявшему на карауле Жаку де Маржере. Тот распахнул дверь, и двое дюжих стрельцов ввели Шуйского, заломив ему руки назад. Подойдя поближе к трону, повернули его так, что он простерся ниц у самых ног Димитрия. Тот брезгливо коснулся плешивой головы «принца крови» носком щегольского сафьянового сапога.

— Ну-ка, погляди на меня!

Тот, шмыгая носом, послушно поднял свое зареванное, покрытое сетью морщин лицо с кудлатой бороденкой.

— Почто так расстроился, князюшко? — притворно участливо спросил Димитрий. — Али обидел кто?

Шуйский зарыдал в голос:

— Ты прости меня окаянного, государь-батюшка. Затмение нашло. Видать, бес попутал.

«Батюшка», будучи вдвое моложе, с удовлетворением слушал жалобные причитания. Потом вдруг взъярился.

— Пес вонючий! — вскричал он и ударил носком сапога Шуйского в подбородок так, что тот от неожиданности опрокинулся навзничь.

А Димитрий, возбужденно соскочивший с трона, наклонился над ним:

— С чего бы это ты меня узнать не можешь, своего царевича, а, Васька? На беса не грехи! Сам, аки бес!

Царевич с силой рванул ожерелье белой шелковой рубахи так, что посыпался жемчуг, и достал, поцеловав, нательный крест.

— Узнаешь? Был он у моего старшего брата Ивана, а как он погиб, безутешный батюшка, когда я родился, от радости повесил его мне, новорожденному. Узнаешь?

Не только Шуйский, но и все бояре впились глазами в крест.

— Точно он! Неподдельный! Его еще Димитрий Донской носил! — раздался говор бояр.

Царевич, бросив на них горделивый взгляд, бережно убрал крест и вновь вернулся на трон. Голос его неожиданно увял, и он сказал негромко:

— Многие, ох многие вины на тебе, Василий! Из-за твоего клятвопреступления, будто я сам в Угличе на свайку наткнулся, от того и помер, матушка моя по повелению Бориски пятнадцать лет по дальним монастырям скитается. И мои дядья по тюрьмам все эти годы сидели. Как этот грех с себя сымешь?

— Прости меня, батюшка-государь! — снова в голос зарыдал Шуйский. — Вестимо, Годунова боялся. Если бы тогда не показал, как он хотел, не видеть бы мне своей головушки.

— Бог простит! — покачал головой Димитрий, и глаза его снова сверкнули злобой. — Но то — старые вины. А есть и новые. Показали твои людишки, что сегодня голов лишатся на Красной площади, будто велел ты, Василий, мутить народ, чтобы не меня, а тебя законным царем выкликнули. Деи, еще не поздно, пока царевич не коронован. Что, скажешь, наговоры?

— Наговоры, государь, наговоры. Никогда и не мыслил...

— Так что, прикажешь твоих людишек сюда привести? Пусть при всех покаются...

— Не надо! — испуганно закрыв лицо руками, тихо произнес Шуйский.

— Не надо! — согласился Димитрий и снова обвел тяжелым взглядом притихших бояр. — Так как решать будем, бояре? И как я матушке своей в глаза гляну, если этот ирод, из-за которого она столько мучений претерпела, будет процветать?

— Казнить собаку! — истерично выкрикнул Богдан Бельский. — Он и мне изрядно нагадил!

— Голову отрубить всенародно, на Красной площади! — добавил Петр Басманов.

Шуйский завыл в голос. Не выдержал Дмитрий Шуйский:

— Прости, государь, ты его, неразумного!

— Вот как времена меняются! — усмехнулся царевич. — Младший брат старшего в неразумии укоряет. — Потом обратился к Мстиславскому: — А ты как, Федор Иванович, считаешь? Или сам тоже тайно о троне помышляешь?

Тот испуганно, как ворон, взметнул руки, уронив посох:

— Нет, нет! Помилуй мя и спаси!

— Так, значит, и решили! — удовлетворенно сказал Дмитрий и, повернувшись к дьяку, четко произнес: — Повелеваем в ближайшее воскресенье смутьяну и вору Ваське Шуйскому всенародно, на Красной площади, отрубить голову. Увести! А братьев, Дмитрия и Ивана, за то, что не сумели вразумить своего старшего, — в опалу, в их дальние вотчины...

...И снова по Москве зазвонили все колокола, зазывая москвичей, на этот раз к Сретенским воротам, встречать матушку царя, инокиню Марфу. Четырнадцать лет прошло, как отослали ее отсюда, из Москвы, после слушания угличского дела у патриарха Иова — в глухом возке, простоволосую, в монашеском одеянии, в сопровождении угрюмого пристава со стрельцами. Деревянная Москва пылала тогда, будто траурный костер на тризне, подожженная по приказу хитроумного Бориса, чтобы отвлечь людишек московских от бунта. А сейчас, этим солнечным июльским утром, Москва прозрачно сияет улыбками и яркими нарядными одеждами с преобладающими красными и белыми красками — любимыми цветами москвичей. Что и говорить, с воцарением законного наследника мир и благоденствие вернулись в Россию — съестного стало с избытком по дешевым ценам, и товаров разных!

Встали цепочкой вдоль Никольской улицы и далее, вплоть до Ярославской дороги, царские стрельцы в красных кафтанах с бердышами. А вот и сам Дмитрий, красно солнышко, в окружении телохранителей, двора — бояр и дворян — торжественно выехал навстречу матушке.

Встреча произошла у села Тайнинского. Дурной славой пользовалось то место. Говорили, будто вырыты здесь глубокие подземельные казематы, в которых царь Иван

пытал своих недругов — бояр по дороге в свою вотчину — Александровскую слободу. Но сегодня, казалось бы, ничто не напоминало о прошлом. На зеленом лугу поставлен царский шатер, сделанный еще по заказу Годунова в виде замка с затейливыми остроконечными башенками.

— Едут, едут! — прокричал гонец, подсакивая к Димитрию, окруженному телохранителями.

Действительно, когда рассеялась пыль, поднятая копытами его коня, на излучине дороги показался поезд, составленный из нескольких колымаг, запряженных цугом. Впереди, осанисто держась на белом аргамаке, ехал великий мечник — юный князь Михаил Скопин-Шуйский. Следом колымага Мстиславского, затем — Воротынского и, наконец, царская карета, богато украшенная золотом. Не ожидая, пока поезд достигнет поляны, Димитрий рванулся вперед. Спешившись и сняв меховую шапку, открыл дверцу кареты. Казалось, в это мгновение замерли все — и толпы встречающих, и лошади, и даже птицы в небе. Тысячи глаз смотрели с напряженным вниманием: «Узнает или не узнает мать царевича?»

Марфа будто замешкалась в карете, но Димитрий, показав ей нательный крест, уже простирали руки для объятий. Повинуясь нахлынувшему чувству, Марфа прижала его голову левой рукой к сердцу и, громко, навзрыд зарыдав, начала истово креститься правой, обратясь к кресту на куполе сельской церкви. Не скрывал своих слез и царевич, который что-то горячо говорил своей матери. Эта умилительная картина тронула сердца москвичей, поднявших невообразимый восторженный гвалт.

Идя рядом с каретой, по-прежнему без головного убора, Димитрий проводил мать к шатру, заботливо помог выйти ей из кареты, ввел вовнутрь, где было готово роскошное угощение. Они сели рядом на креслах — царское с высокой спинкой, украшенной вырезанными львами, царицыно — чуть пониже, с диковинными птицами. Царица уже успокоилась, улыбалась благостно, кивая время от времени тем придворным, что были ей знакомы ранее. Напрасно бояре, не сводившие с них пристальных взоров, искали фамильного сходства. Несмотря на пережитое, лицо Марфы сохраняло редкостную красоту; Димитрий, если бы не очаровательная улыбка, оживлявшая его обычно угрюмые глаза, был довольно-таки дурен с длинным носом и бородавкой под правым глазом.

Маржере, сидевший со своими офицерами за одним из последних столов вместе со стрелецкими тысяцкими, услышал чьи-то иронические замечания: «Говорят, сын счастлив, когда похож на мать, а дочь — на отца. Наверяд Димитрия ожидает счастье. Если, конечно, Марфа—его родная мать».

Однако здравицы одна за другой в честь счастливо нашедших друг друга матери и сына, обильно смачиваемые всевозможными напитками, рождали в гостях ликование и уверенность, что царствование молодого Димитрия будет долгим и благополучным.

Наутро царский поезд двинулся в Москву. Димитрий с непокрытой головой прошел рядом с каретой матери еще с версту, затем, ловко, без посторонней помощи, вскочил на своего коня, загарцевал впереди, отвечая величественным взмахом правой руки на ликующие приветствия москвичей.

Через три дня состоялось коронование Димитрия, проходившее по его волеизъявлению без излишней помпезности. Правда, путь от дворца до Успенского собора, где ждали его патриарх и высшее духовенство, был устлан красным сукном, поверх которого шла дорожка из золотой парчи. После торжественного чтения молитв Игнатий совершил священное миропомазание и возложил на голову Димитрия корону, вручил ему взятые из казны скипетр и золотое яблоко-державу. Затем высшие сановники государства, в том числе и сам патриарх, чередой прошли перед царем, смиренно целуя его руку, помазанную святым елеем. Отсюда, под дождем золотых монет, которые пригоршнями бросали в него идущие по бокам Мстиславский и Воротынский, молодой царь отправился в Архангельский собор, где облобызал надгробия всех великих князей. Остановившись у могил Ивана Грозного и Федора Иоанновича, произнес пышную речь, поклявшись вести дела по заповедям предков и согласуясь с волей боярства. Здесь из рук архиепископа Арсения он получил заветную шапку Владимира Мономаха.

Затем во дворце был дан пышный пир для всех, кто пришел поздравить царя. А наутро, после богослужения в церкви, Димитрий уже находился в Грановитой палате, объявляя новые указы. Боярскую думу он, по примеру европейских дворов, преобразовал в Государственный совет. В него вошли — патриарх, который отныне постоянно должен был сидеть по правую руку государя, рядом с ним — четыре митрополита, семь архиепископов

и три епископа. Митрополитом Ростовским и Ярославским по настоянию царя стал вернувшийся из ссылки Филарет Романов. Получил боярскую шапку из рук царя и единственный оставшийся в живых из остальных братьев Романовых — Иван.

...Вернулась в Москву вместе с семьей Филарета вдова Александра Романова, некогда возлюбленная Маржере. Поселившись в старом подворье, она скоро дала о себе знать bravому капитану через Наську Черниговку. Теперь им не нужно было бояться грозного мужа, и Жак, нашедший, что перенесенные страдания сделали «Елену Прекрасную» еще краше, часто уходил на службу во дворец прямо из ее высокого терема...

Начальные бояре, рюриковичи Мстиславский, Воротынский, Голицыны, Трубецкие, Шереметевы, Куракины затаили крепкую обиду на государя, что посадил он на боярские лавки рядом с ними, а иногда и выше выскочек Нагих. Мало того что Михайла с сизым носом носил самый высокий титул конюшенного, так рядом расположились еще один царев дядя — Григорий, а также двоюродные братья, сыновья покойного Александра — Андрей, Михайло и Афанасий.

Почетный чин великого оружейничего получил из рук государевых бывший опричник Богдан Бельский, а Васька Мосальский, вознагражденный за свои злодеяния, стал великим дворецким.

Бок о бок с родовитыми расположились те, кто первыми признали законного царевича. По иронии судьбы с Иваном Романовым соседствовал Михайла Салтыков, который когда-то по приказу Годунова тащил его в сыскную избу. За свою верность получил чин великого кравчего Борис Лыков-Оболенский; Богдашка Сутупов, похитивший в свое время для царевича казну Годунова, стал печатником и великим секретарем, а Гаврило Пушкин-Бобрищев, первым возвестивший на Красной площади манифест Димитрия, — великим сокольничим.

Вернулся из небытия попавший в опалу еще в царствование Федора дьяк Василий Щелкалов, чтобы вести дипломатические дела вместе с Афанасием Власьевым, получившим в награду за измену Борису польское звание надворного подскарбия.

Проявил молодой царь великодушие в отношении тех, кто некогда поднимал оружие против него. Был извлечен из тюрьмы, чтобы занять место в совете, князь Андрей Телятевский. Воеводой в Новгород Великий был

послан князь Катырев-Ростовский. Здесь же неожиданно для всех оказался и Михайло Сабуров. Кому же могло прийти в голову, что царевич приблизил его в память о своей бабушке Соломонии Сабуровой. Вернул он поместья и остальным Сабуровым. Даже лютые недруги—Годуновы получили из рук царя воеводства в Тюмень, Устюг и Свияжск.

Простерлись царские милости и на главных бояр. Федор Мстиславский, столь успешно выполнивший миссию с царицей, получил в награду старое Борисово подворье, которым недолго владел до этого князь Василий Голицын. Царь разрешил престарелому Федору жениться, более того — сосватал за него двоюродную сестру Марфы Нагой. Обширные поместья получил и Воротынский.

Уверившись окончательно в крепости своего престола, Дмитрий пошел на шаг крайне опрометчивый, с точки зрения его секретаря Яна Бучинского: вернул в Москву и посадил в совет братьев Шуйских.

Напрасно опять буйствовал Богдан Бельский, предупреждая царю новый заговор Шуйских. Ведь он хорошо знал вероломство братьев, будучи сам опытным царедворцем. Дмитрий, легко привыкший к лъстивому нашептыванию начальных бояр, не захотел больше слушать дерзкого опричника и услав его вторым воеводой к Катыреву-Ростовскому, в Новгород Великий. Так он нажил себе еще одного врага. А чтобы окончательно сломить Василия Шуйского своим великодушием, Дмитрий милостиво разрешил ему жениться на пятнадцатилетней княжне Буйносовой, являвшейся дальней родственницей Нагим, поставив лишь одно условие — свадьба Шуйского состоится через месяц после его царской женитьбы на прекрасной Марине Мнишек.

Горячо желая завоевать народную любовь, Дмитрий повелел глашатаям объявить по всей Москве, что по средам и субботам он лично будет принимать челобитные от каждого просителя, сидючи на царском крыльце. Сначала люди шли робко, и Дмитрий, окруженный дьяками, скучал. Но вот сквозь строй телохранителей к нему прорвалась пожилая женщина в сбитом платке и простерлась ниц возле его щегольских сафьяновых сапожек.

— Спаси нас, царь-батюшка, от лихих людей!

— На кого челом бьешь, не реви, говори толком! — ласково успокоил ее Дмитрий.

— На ляха твоего, Липского...

Царь нахмурился, он не любил, когда жаловались на его верных жолнеров: «Не наговор ли это?» Вслух спросил:

— И чем же он перед тобой провинился?

— Пьяный ворвался в дом, хотел ссильничать мою младшую, а когда она вырвалась, начал рубить своим палахом все, что под руку попало! Не веришь мне, у народа спроси!

— Верно, верно, лютуют паны! — загомонили в толпе.

Димитрий чувствовал, что на него с вопросом и надеждой смотрят сотни глаз.

— Эй, пристава, привести сюда Липского и строго наказать его.

Димитрий был расстроен случившимся — из-за какого-то одного дурака можно поссориться со всеми поляками.

Мрачные предчувствия его не обманули. Не прошло и часа, как в его опочивальню буквально вбежал Петр Басманов.

— Бунт в Москве начинается!

— Что такое?

— Поляки отбили Липского у приставов и бросились с саблями на москвичей.

— Что же, у нас и стрельцов нет?

— Мы бердышами затолкали поляков, благо среди них трезвых не было, в посольское подворье. Но успокоить не удалось. Орут из-за стен, что всех москвичей перережут!

— Выкатить к подворью пушки! — скомандовал Димитрий. — Я думаю, это их пыл остудит.

Поздно вечером во дворец явились польские офицеры для переговоров.

— Неужели ты, государь, допустишь, — сказал с пафосом герой битвы у Добрыничей Станислав Борша, — чтобы пролилась благородная кровь наших рыцарей?

— Я не хочу этого! — живо возразил Димитрий. — Ты знаешь, я умею быть благодарным. И одарил вас всех сверх всякой меры. Но к чему это привело? От золота с ума походили! Каждый вместо одного по десять слуг себе завел. Пьянствуете, развратничаете! Обижаете москвичей. Как будто в завоеванном городе находитесь! Служить, как принято у нас, не желаете, от поместьев отказываетесь. Вам подавай только звонкую монету...

— Когда тебе было тяжело, ты любил нас такими,

какие мы есть! — заносчиво произнес Борша. — А теперь условия ставишь? Мы — свободные рыцари, и наши шпаги охотно купит любой монарх!

— В таком случае я вас не задерживаю, — бросил Димитрий. — Получайте в казне жалованье за полгода и отправляйтесь по домам.

Такого отпора шляхтичи не ожидали. Борша переглянулся с остальными ротмистрами:

— Не боишься, государь, что твой трон без опоры останется? Твои князья только и ждут случая, чтобы нож тебе в спину воткнуть.

— Бог не выдаст, свинья не съест! — сверкнул глазами Димитрий. — Народ меня любит и не позволит покуситься на государя.

Ротмистры удалились, громко ропща на царскую неблагодарность. Басманов, присутствовавший при переговорах, заметил:

— Однако поляки правду говорили. Бояр наших, как они уйдут, пуще прежнего остерегаться надо.

— Что ж, на своих стрельцов уже не надеешься? — усмехнулся Димитрий.

— Воины они неплохие, — ответил Басманов. — Да вот только, поднимут ли руку против своих, русских?

— Маржере здесь? — вместо ответа спросил Димитрий.

— Здесь, за дверями.

— Зови, будем вместе думать, как лучше покой государев охранять.

По знаку Басманова в дверях склонился бравый капитан:

— Слушаю, мон сир.

— Жак, не надоело тебе в капитанах ходить?

— Для меня главное — служение государю, а не чины.

— Однако достойная награда не помешает, как думаешь?

Маржере пожал плечами, не зная, куда клонит молодой царь.

— Назначаю тебя, Маржере, полковником всей моей стражи. Будешь по-прежнему командовать своими конными стрелками... Как они по-вашему называются?

— Трабанты.

— Вот-вот, будешь командовать своими трабантами и сопровождать повсюду. А во дворце должны нести ох-

рану по очереди две сотни алебардщиков. Есть ли у тебя на примете пара надежных молодцов?

— Есть, — не колеблясь ответил Маржере.

— Тоже французы?

— Нет, один англичанин — Майкл Кнаустон, а второй шотландец — Альберт Лантон.

— Англичане — нам друзья, — согласился Димитрий. — А шотландцы?

— Шотландцы славятся своей верностью. Многие французские короли имели гвардию из шотландцев.

Ссылка на французских королей убедила царя, и он обратился к Басманову:

— Надо одеть моих стражников примерно! Чтоб все завидовали даже самому виду телохранителей императора. Видели, как он ласкает тех, кто ему предан!

Из казны не пожалели выдать лучшие, самые дорогие ткани. Полковник и его трабанты были одеты в красивые бархатные плащи и такие же куртки и штаны, одежда алебардщиков была сшита из добротного фиолетового сукна с отделкой из синего и зеленого бархата. Рукояти алебард были украшены серебряной нитью.

Празднично одетые телохранители сопровождали царя всюду — и при входе в храм, и в Грановитой палате, и во время его частых увеселительных поездок.

Но недолго пришлось государю пребывать в безоблачном настроении. Димитрию не терпелось получить подтверждение своего императорского титула от других государей. Однако Сигизмунд в своих посланиях по-прежнему называл его лишь великим князем. Не спешили признать за ним императорские права и Габсбурги.

Ближе к осени царь переехал в новый дворец, отстроенный из дерева по его планам Федором Конем. Хотя своим внешним видом здание и уступало каменным строениям прежних итальянских мастеров, было оно внутри не в пример просторнее старых дворцовых помещений и намного светлее благодаря большим окнам. Не поскупился Димитрий и на роскошную отделку палат: двери, наличники и оконные рамы были из черного дерева, дверные петли и засовы окон и дверей сверкали золотом, шкафы и столы также сделаны из черного дерева, печи были покрыты зелеными изразцами и до половины обнесены серебряными решетками. Первый покой был обит золотым тканым покрывом, второй — парчой, а зал, где царь принимал гостей, и столовая — драгоценной золотой персидской тканью.

В столовой стоял высокий, до потолка, буфет, сделанный из чистого золота, внутри которого находились золотые кубки, сделанные в виде львов, драконов, грифонов и прочих диковинных животных. Рядом с буфетом — огромный серебряный чан для вина, на стенках которого выкованные ювелирами из золота Диана с нимфами и Актеон, превращенный ею в оленя. Вокруг Дианы охотничьи собаки, сделанные из серебра.

Стол, за которым пиршествовал царь, также был сделан из серебра с позолотой, вместо ног — четыре серебряных орла. Престол с широким навесом обшит черным бархатом с широкими золотыми галунами по швам.

Полы во всех комнатах были устланы роскошными персидскими коврами с затейливым орнаментом.

Приглашенные бояре ворчали на расточительность царя, втайне завидуя виденному великолепию. Вообще, в совете не раз они упрекали царя, что слишком много денег из казны тратит на покупку иноземных товаров и ювелирных изделий, которые везли купцы со всей Европы, прослышавшие о щедром покупателе.

Впрочем, Димитрий приглашал в новый дворец бояр крайне редко, а без его зова сюда войти было невозможно: вход в палаты преграждали невозмутимые алебардщики, плохо понимавшие русский язык. В глубине дворца бывали придворные, только самые близкие к царю. Остальным оставались только пересуды. Говорили всякое: будто покой будущей царицы, стоящие под углом к основному зданию, отделяются еще великолепно; будто из дворца по повелению царя сделаны тайные ходы, благодаря чему он внезапно появляется и в соборе, и в Грановитой палате, и в саду, и в иных местах; будто, не дожидаясь ночной поры, водят по этим ходам к царю московских девиц его прихлебатели Петька Басманов да Мишка Молчанов...

Жак де Маржере, ставший с недавних пор постоянной тенью царя, не уставал дивиться его неутомимости, жадности до всего нового, будто Димитрий спешил жить, спешил насладиться всеми прелестями самовластия. «Ведь ему и двадцати четырех нет, — размышлял полковник. — Все еще впереди. Так зачем так спешить?»

Впрочем, он отдавал должное трудолюбию царя, отводившему развлечениям лишь немногие часы. С утра, после богослужения и посещения матери, жившей в Вознесенском монастыре, здесь же в Кремле, он непременно заседал в Государственном совете, подробно интере-

суясь делами в приказах, доходами, поступающими в казну, положением на украйнах. Часто взрывался, слушая бояр, честил их, невзирая на возраст, приговаривая: «Нет, надо всех вас непременно послать учиться в Европу, чтобы дремучесть собственную изжить». Он поражал тугодумцев острым умом, неожиданными решениями, смелыми планами.

Неустанно заботился царь о развитии торговли, не жалел времени, чтобы поговорить с английскими, голландскими, немецкими, итальянскими купцами, обещая им всем льготы и отмену пошлин. Но с некоторой поры Димитрий все чаще и чаще заговаривал о предстоящей войне. С кем? Посланник Сигизмунда, знакомец царя еще по Кракову, Александр Гонсевский склонял его воевать против шведского короля, Карла Девятого. Римский император просил войск против турок, обещая в награду выдать за него замуж одну из племянниц.

Димитрий охотно соглашался на предложения, но Маржере, зная его лукавый нрав, догадывался о намерении царя повести войско по той самой дороге, что привела его в Москву, только в обратном направлении. Уж слишком часто Маржере проводил в покои царя гонцов из Польши и Литвы, прибывавших тайно, отнюдь не по воле короля.

Царь был неутомим на придумки. Когда лед сковал Москву-реку, приказал выкатить на торжище перед Кремлем, где обычно торговали зимой целиковыми освежеванными тушами быков, что, замороженные, стояли как живые, Чудную крепость на колесах. Изготовили ее на Пушечном дворе плотники да пушкарки, однако потрудились и богомазы. Всюду, где располагались ворота, были изображены гигантские слоны, вроде тех, что были в войске Александра Македонского. Выше, где по кольцу располагались верховые орудия, амбразуры были выполнены в виде врат ада, в пламени и дыму, а еще выше окошки, из которых торчали жерла полевых пушек, изображали головы страшных чертей. Когда пушки по команде царя начали палить, извергая огонь, москвичи, стоявшие на крутом берегу, испуганно начали креститься:

— Сатанинская затея, воистину!

Страху прибавила юродивая старица Елена, которая, протолкавшись вперед, начала грозить царю сучковатым пальцем:

— Чую, что смерть уже идет к тебе, Димитрий! Дьявол скоро заберет тебя!

Испуганно отшатнулись от юродивой люди, ожидая неминуемой кары. Но царь только рассмеялся, радуясь успеху своей затеи:

— Если мне москвичей удалось попугать, то что будет с дикими татарами? При виде такого чудища бросятся врассыпную и передают друг друга!

Однако после этого случая снова поползли по Москве слухи о том, что сильно нетверд государь в православной вере. Напрасно Димитрий по совету Басманова совершил шествие на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, напрасно проявлял неустанную заботу об изготовлении церковных книг, торопя известного печатника Ивана Невежина. Напрасно исправно посещал церковные службы и навещал матушку в монастыре.

Слухи продолжали ползти. Передавали шепотом, что для царя за обедом польские музыканты исполняют бесовские мелодии. Что, нарушая обычаи предков, не спит после обеда, а шастается сам-друг по мастерским, где, страшно сказать, занимается не царским делом, пробуя самолично различные ремесла. Что, построив роскошную баню, ходит в нее не для того, чтобы смывать грехи, а, наоборот, развратничает там с девицами. И совсем постыдный грех был на душе Димитрия. О нем говорили не иначе как стыдливо прикрыв лицо широким рукавом: любил царь поесть жареную телятину! Нещадно укоряли его в том грехе бояре. А Татишев, осмелившийся обругать царя за телятину, поданную на пиру, был отправлен в опалу.

Петр Басманов со своими шпионами метался по городу, доискиваясь, откуда, из какого боярского терема ползут слухи, чья опытная рука их направляет. Когда разгневанный царь прогнал с глаз долой злоядного Татищева, слухи вроде бы притихли. Но ненадолго. Снова на папертях загомонили, что царь на престоле хоть и добрый, но не истинный, а самозванец. И если бы только на папертях... Пошел такой разговор и среди стрельцов, недовольных частыми учениями. Для острастки схватил Басманов семерых из разных полков, не разбирая особенно, правых взял или виноватых. На дыбе те показали на стольких товарищей, что если казнить всех, то значит ополовинить войско.

Тогда Басманов подсказал царю дьявольскую шутку. Наутро все стрелецкие полки в количестве восьми тысяч

человек были построены на заднем дворе нового царского дворца. В гробовой тишине из дворца вышли под немецкие лающие команды триста до зубов вооруженных телохранителей царя. Они заняли все выходы, давая понять, что в случае неповиновения ни один из безоружных стрельцов живым отсюда не выйдет.

Наконец на высоком крыльце показался царь в сопровождении Басманова, Мстиславского, Нагих и прочих бояр. При виде царя стрельцы как один пали ниц. Увидев море обнаженных голов, царь, как ни был разгневан, не удержался от смеха:

— Когда б они все были умны!

Усевшись на вынесенный трон, царь обратился к своим воинам, заставив их подняться:

— Доколе хотите вы чинить раздор и несчастье? Не довольно ли того, что вся земля наша разорена вконец, и неужто она должна совсем погибнуть? Мало вам на ваши глупые головы несчастий, что обрушил Годунов, незаконно занявший наш престол и уничтоживший почти все знатнейшие роды? А теперь, когда бог сохранил меня и избавил от всех умыслов на мою жизнь, вы все еще беспокоитесь и желаете моей гибели, пытаетесь снова завести крамолу! Есть ли у кого из вас доказательства, что я не истинный Димитрий? Тот, кто сумеет это доказать, пусть лишит меня жизни!

Ответом ему послужили дружные вопли покаяния. Димитрий, удовлетворенный произведенным впечатлением, вдохновенно продолжал:

— Моя мать и все эти вельможи будут мне свидетелями! И статнее ли дело, подумайте сами хорошенько, что кто-нибудь мог, почти не имея войска, овладеть таким могущественным царством, когда бы не было у него на то никакого права?

Димитрий картинно перекрестился, обратясь к колокольне Ивана Великого.

— Видит бог, я подвергал свою жизнь опасности вовсе не для того, чтобы самому возвыситься, но дабы освободить вас от крайней нужды и рабства, в которое поверг весь народ изменник отечества, правивший и угнетавший вас. Всемогущий бог возвратил мне царство, и оно принадлежит мне по праву!

Он картинно поцеловал нательный крест и невольно прослезился. Начали плакать и суровые воины. Царь с надрывом в голосе обратился к ним:

— Так чего ради вы составили против меня заговор? Скажите, чем вы недовольны? Почему мне не верите?

Стрельцы со стенаниями вновь опрокинулись ниц, не желая встать, пока царь их не помилует, заверяя, что у них и в мыслях не было не верить ему.

— Хорошо, я вам сейчас покажу! — сказал Димитрий и сделал знак Басманову. Из подвального хода гвардейцы Маржере вывели, толкая алебардами, семерых арестованных. Были они совершенно обнажены, так что бросались в глаза многочисленные красные рубцы на их телах, оставленные пытками.

— Вот, смотрите на них! Это ваши товарищи! Они признались в измене и показали, что все стрельцы участвуют в заговоре. Сами решайте, что с ними делать!

Озверевшая толпа бросилась на предателей. Не имея оружия, стрельцы руками рвали тела несчастных. Кто выдергивал волосы, кто крутил руку, кто выдавливал глаза. Один, одуревший от ярости, откусил ухо и стал его жевать, глядя на царя глазами преданной собаки. Димитрий, не выдержав отвратительного зрелища, поднялся и ушел в палаты. Через несколько минут от арестованных осталась гора мяса. С ужасом отступили люди, не веря, что это они натворили. Басманов приказал бросить окровавленные куски в открытую телегу и провезти ее по всей Москве, чтобы все люди видели, как стрельцы расправились с изменниками. С ухмылкой поглядывал он и на побелевшие лица бояр: «Небось теперь неповадно будет слухи распускать!»

Чтобы окончательно развеять все сомнения, Димитрий хотел было приказать, чтобы выбросили из Угличского собора останки мальчика, якобы поповского сына. Но Марфа, которую он пришел уговаривать и которая вроде бы действительно полюбила молодого царя как сына, вдруг превратилась в лютую тигрицу.

— Только осмелся! — шипела она, выставив вперед руки. — Сделаю так, что покатится твоя головушка!

Димитрий понял, что совершил непростительную ошибку, начал каяться, деи не подумал. Внешне они помирились, но Марфа больше никогда не была с ним сердечна. И опять слухи о самозванце поползли по столице...

— Шуйский мутит воду! — жарко убеждал Димитрия Басманов.

— Доказательства есть?

— Чует мое сердце, что корень зла в этой гадине!

Царь покачал головой:

— Не верю! После того как я простил его и снова приблизил, он — верный столп нашему трону!

...В Польшу собирали царских послов. Дьяк Афанасий Власьев принимал по описи многочисленные подарки, предназначенные для будущей царицы: адамастовый перстень стоимостью в три тысячи рублей, ожерелье в десять тысяч рублей, головной убор в виде зверя с крыльями из гелиотропа в две тысячи, платье с драгоценными камнями в три тысячи, чаша гиацинтовая в шесть тысяч, чаша золотая в пять тысяч, серебряный позолоченный пеликан в пятьсот рублей, крестьянин, сидящий на олене, в полторы тысячи, часы из черного дерева в две тысячи, сорок фунтов крупного жемчуга, дорогой бархат, атлас, всевозможные ювелирные изделия в виде птиц, зверей, кораблей.

В подарок городу Кракову, а точнее, его воеводе, Николаю Зебржидовскому, предназначался подарок со значением — необычайно искусно сделанный персидский ковер, изображающий сражение. Знатным шляхтичам в подарок посылалось дорогое вооружение и конское снаряжение.

Воеводе Сандомирскому, Юрию Мнишеку дьяк вез сто тысяч рублей. Однако это не означало вовсе, что Димитрий вдруг собрался сдерживать те обещания, что столь щедро надавал в Польше. Эти деньги предназначались для найма жолнеров, которые должны были войти в состав будущего войска царя. И вскоре в Москву прибыл первый отряд шляхтичей, которым командовал Матвей Доморацкий. С приездом жолнеров вновь возобновились воинские учения.

Царь тем временем слал все новые нетерпеливые письма Юрию Мнишеку и Афанасию Власьеву, торопя приезд невесты. Отнюдь не только пылкая любовь к Марине, а трезвый политический расчет руководили рукой Димитрия во время написания этих писем. Он понимал, что этот брак сблизит его с родовой польской шляхтой, которая с восторгом преподнесет ему польскую корону.

Да и образ самой Марины значительно поистерся в его памяти. Этому способствовала и Ксения, к которой молодой царь испытывал сердечную привязанность, несмотря на многочисленных девушек, что продолжал

приводить к нему по ночам Петр Басманов, чтобы затем самому предаваться утехам с ними.

В ответных письмах Мнишек призывал царя к терпению — рокошь еще не набрала необходимой силы. Намекнул будущий тесть и о необходимости блюсти целомудрие. До Самборского замка дошли слухи о дочери Годунова, которая, по словам Мнишека, была чересчур прекрасна, чтобы не вызвать подозрений. Через несколько дней горько рыдающую Ксению, получившую вместе с монашеской рясой новое имя — Ольга, отправили в Кирилловский монастырь, расположенный на севере, почти в пятистах верстах от Москвы.

Слал царю письма, точнее, обстоятельные отчеты и Афанасий Власьев. О том, что передал будущему тестю подарки Димитрия. О том, что был любезно принят королем, который дал согласие на брак Марины с Димитрием. О том, что передал наказ царя — привыкать к русским платьям и научиться расчесывать волосы, как замужние русские женщины. Наконец, шляхтич Липинский привез от Власьева весть об обряде обручения Марины, о пылкой речи Льва Сапегы, горячо поддержавшего этот союз, о роскошном пире, где король оказал высокую честь царскому послу, усадив Власьева вместе с Мариной рядом с собой, по правую руку. Подробно следовал перечень подарков, преподнесенных обрученной. Липинский рассказал и о том, о чем не было написано в письме: когда собрались многочисленные гости, дьяку пришлось изрядно попотеть: при каждом упоминании имени царя он с немалым грохотом раболепно падал ниц.

Димитрий очень развеселился и велел поблагодарить дьяка за удачно выполненную миссию. Письмо с изъявлениями царской милости повез его личный секретарь Ян Бучинский. Вез он также двести тысяч червонцев для Юрия Мнишека — для снаряжения торжественного поезда царской невесты. Имел личный секретарь императора, однако, и тайное поручение — встретиться с вождем рокошан Николаем Зебржидовским, чтобы условиться о совместных действиях.

Вернулся Бучинский в Москву через месяц с тревожными новостями. Жак де Маржере, от которого у Димитрия давно уже не было никаких тайн, присутствовал при рассказе секретаря.

— Мне не хотелось бы расстраивать тебя, государь, особенно когда ты готовишься к радостному событию —

свадьбе, но мой долг предупредить — здесь зреет заговор.

— Надо было ехать в Краков, чтобы узнать, что делается в Москве, — деланно рассмеялся Димитрий. — Впрочем, думаю, что жало нам удалось вырвать. Ты помнишь Шарафетдинова? Ну того, что Федора Годунова... отправил на тот свет?

Бучинский молча кивнул.

— Так этот сучий кобель внезапно бросился на меня с ножом! Не знал, что я постоянно ношу кольчугу под ферязью. А мой верный Жак тут же проткнул его шпагой. Труп, чтобы не было лишних разговоров, сунули под лед. Жаль, конечно, что у полковника столь твердая рука. Мы не успели узнать, кто его нанял. Может, ты узнал в Кракове?

— К сожалению, мне мало что удалось узнать.

— Так, может, и заговора нет?

— Нет, есты! — твердо сказал Бучинский.

— Рассказывай все, что узнал.

— Когда я приехал в Самбор, меня, признаться, удивило, что Мнишек явно не спешит со сборами. То ему помешала свадьба короля, то русские платья для короны Марины не готовы. Потом, когда я тайно повстречался с Зебржидовским, все это стало понятно. Самый мощный твой союзник, Лев Сапега, который, не стесняясь присутствия короля, на обручении Марины громогласно называл тебя царем, переметнулся в стан Сигизмунда.

Димитрий, вспомнив давний разговор, посмотрел на Маржере:

— Видать, какую-то выгоду почуял!

— Почуял Сапега другое, — возразил Бучинский. — Когда Зебржидовский приехал к нему для объяснений, гетман ему сказал, что в рокоши участвовать не будет, потому как ему доподлинно известно, что дни твоего царствования сочтены.

— Вот как? — криво ухмыльнулся Димитрий. — Какая же гадалка ему нагадала? Уж не юродивая ли Елена?

— Имени гетман не открыл. Сказал только, что был у него тайный гонец из Москвы, от бояр, каких — неизвестно. Хотел было к королю попасть, да у того медовый месяц с Констанцией, племянницей кесаря, никаких дел не ведает. Вот он и пришел к Сапеге.

— Зачем?

— Чтобы понять, зачем король дал русским такого негодного правителя — в православии некрепок, постов не соблюдает, распутничает...

Димитрий, придя в ярость, забегал по комнате, пиная шныряющих под ногами собак.

— Ох, доберусь я до этих умников! Песья крови!

— И просят нижайше те бояре короля, — невозмутимо продолжил Бучинский, — чтобы не поддерживал он тебя в случае твоего свержения...

— Вот им, — сделал непристойный жест Димитрий.

— А чтобы короля задобрить, просят заговорщики его согласия, чтобы на престол возвести сына королевского Владислава.

— Этого щенка? Он же католик! — приступ ярости царя сменился смешливостью. — Ну, мудрецы толстопузые! Ох, доберусь я до вас! Дознаться бы, кто это осмелился такое удумать!

— Я думаю, что это интриги Шуйского! — твердо сказал Бучинский.

— Думаешь или знаешь? — испытующе глянул царь.

— Думаю. Ведь я предупреждал: не возвращай его ко двору!

Димитрий отмахнулся со смехом:

— Что вы с Басмановым этого старого дурня боитесь? Согбенный, глаза слезятся, улыбка постная. Кто его послушает? Уж скорее способен на такое Васька Голицын. Вижу, таит он на меня обиду с тех пор, как я Нагого, а не его сделал конюшим, первым лицом в государстве!

— Он же первый прибежал к тебе под Кромами! — напомнил Маржере.

— Вот-вот. Запомни, мой верный Жак, кто раз изменит, изменит и второй. Молод, воин знатный. За таким могут пойти. Впрочем, я и его не боюсь. Петька Басманов, если что, измену за версту почует. Да и ты, Жак, со своими гвардейцами целой армии стоишь. Пусть только сунутся! И покровителю ихнему, Сигизмунду, мы кровь испортим. Как Зебржидовский, не передумал?

— Рвется в бой.

— Ну и отлично. Мы с ним и без Сапеги обойдемся...

На совете Димитрий держался по-прежнему. Был весел, приветлив, не упуская, впрочем, случая посмеяться над кем-нибудь. По-прежнему удивлял бояр-тугодумов неожиданностью своих решений. Когда он прини-

мал делегацию терских казаков, бояре были уверены, что никому из посланцев голытьбы не выйти живым из Кремля. Еще бы! Голодранцы в присутствии царя завели неслыханные по дерзости речи. Они уверяли, будто у них на Тереке объявился племянник Дмитрия, сын его старшего брата Федора, царевич Петр. И сказку складно складывали: деи царица Ирина родила в 1592 году мальчика Петра, которого хитроумный Годунов подменил девочкой Феодосьею, которая вскорости померла. Мальчику удалось чудом спастись, бежать на Терек, откуда он шлет своему дяде привет и пожелание служить ему верой и правдой!

Возмущенные бояре начали громко хулить самозванца — многие из них были очевидцами рождения Феодосии и ее ранней смерти. Никакой подмены быть не могло. Тем более что казаки явно даже и не заботились о правдоподобии: наследнику, если бы таковой и был, должно насчитываться лишь четырнадцать лет, а тому, кто претендовал на эту роль, перевалило за двадцать.

Накричавшись вдосталь, бояре усталились на царя в ожидании приговора, кто-то уже выкрикнул: «Бить до смерти мерзавцев!» Однако Дмитрий продолжал милостиво улыбаться нахальным гостям. Будто не замечая всей нелепости выдумки, он поинтересовался, сколько казаков может привести с собой новоявленный племянник. Узнав, что более четырех тысяч, явно обрадовался и приказал немедленно послать гонца к Казани, куда двигался отряд терских казаков с любезным приглашением прибыть царевичу Петру поскорее в Москву. Более того, всем воеводам по пути следования казаков предписывалось снабжать их продовольствием.

— Но это же самозванец! — неистовствовали бояре. — Грязный вор и обманщик!

— Вот мы и посмотрим! — с улыбкой парировал Дмитрий. — Пусть здесь, в совете, он и докажет нам свое царское происхождение.

Наиболее проницательные поняли, что Дмитрий не хочет раздувать пламя мятежа на Волге, что неминуемо случится, если казнить послов. А царь шепнул стоящему рядом Петру Басманову:

— Мне лишние четыре тысячи воинов в походе не помешают!

Да, царь готовился не только к свадьбе, но и к войне. По его тайному указу к Москве двигался двенадцатитысячный отряд новгородцев. К Москве тронулся и

двухтысячный отряд драгун и пехотинцев, якобы сопровождавший поезд царской невесты. Василий Мосальский, встретивший по приказу царя поезд у Смоленска, передал Юрию Мнишеку его просьбу: пусть Марина в сопровождении фрейлин и двора движется не торопясь, услаждая себя увеселениями, а воевода чтобы со своими жолнерами поспешил. Царю не терпелось увидеть и испытать в деле нанятое им воинство.

По его указу за Сретенскими воротами уже строилась новая потешная крепость. По замыслу Дмитрия здесь сразу же после свадьбы должны были померяться воинским искусством польские и русские полки. Похлопотал он и о будущих квартирах для иностранных легионеров: немало именитых купцов должны были на время предоставить им свои палаты.

Наконец четвертого мая воевода Сandomирский торжественно въехал в Москву. Накануне он ночевал в деревне Маначино в специально поставленных для него царских палатках. Сюда была прислана за ним величественная карета в шесть лошадей. Наутро Юрия и его сыновей ждал новый царский подарок — четыре скакуна-бахмата¹ со сбруей из чистого золота. У ворот столицы польских гостей встретил Петр Басманов с полутора тысячами самых знатных москвичей, одетых в роскошные платья. От моста через Москву-реку до Фроловских ворот живой коридор образовали стрельцы в красных кафтанах. Здесь же находились и гусары роты Доморацкого. За строем пехоты гарцевал скромно одетый всадник, окруженный трабантами. Это был Дмитрий, пожелавший увидеть приезд тестя со стороны.

В этот день он не принял Мнишека, зато прислал своего любимца Ивана Хворостинина с изъявлениями радости и обильным угощением. Наутро воевода в сопровождении брата, сына и зятя, Константина Вишневецкого, был проведен в царские покои. Дмитрий ожидал его, сидя на троне, сделанном из чистого золота, под балдахином, составленным из четырех щитов, увенчанных великолепным двуглавым орлом, сидящим на шаре. Столбы, на которых держался балдахин, были украшены нитками жемчуга и крупными топазами и опирались на двух серебряных львов, каждый величиной с волка. Рядом с троном стояли рыцари в белых бар-

¹ Скакун-бахмат — татарская лошадь с длинной гривой и разрезанными ноздрями.

хатных одеждах, отделанных горностаем, опоясанные золотыми цепями, с железными бердышами на золотых рукоятках. Слева от царя с обнаженным мечом стоял его мечник Михаил Скопин-Шуйский. Справа в окружении высшего духовенства сидел патриарх, перед которым слуги держали золотое блюдо, на котором лежал крест, усыпанный драгоценными камнями. Слева, сзади трона, сидели и стояли бояре, члены Государственного совета.

Юрий Мнишек ловко извлек из рукава свиток с заранее написанной речью и зачитал ее с большим воодушевлением. Чувствовалось, что над ней усердно поработал человек, несомненно обладающий поэтическим даром:

— Язык не в состоянии изъяснить моего восхищения! Я могу только поздравить ваше императорское величество и в знак неизменной, глубочайшей покорности с благоговением облобызать ту руку, которую прежде я жал с нежным участием хозяина к печальному гостю. Молю бога всемогущего даровать вашему величеству здоровье и мир в славу его святого имени, в страх врагам христианства, в утешение всем государям Европейским; да будете краскою и честью этой могущественной державы!

От умиления царь «плакал как бобр», по свидетельству участников этой трогательной сцены. С ответными словами приветствия от имени царя выступил прибывший ранее Афанасий Власьев. Во время обеда, чтобы сделать гостям приятное, царь вышел к столу в одежде польского гусара, что вызвало явное неудовольствие бояр, не привыкших к кургузым кафтанам. Дмитрий ел мало и почти не пил, но радушно угощал присутствующих. Сто пятьдесят стольников, в том числе и князь Пожарский, которым царь приказал быть во дворце на время свадебных торжеств, вносили одно блюдо за другим и непрерывно наполняли чаши гостей. Многие польские офицеры захмелели, даже воевода, на радостях допустивший лишнего, почувствовал себя дурно и вынужден был досрочно покинуть столовую избу.

На следующий день царь с ближайшими соратниками вел переговоры с Мнишеком в узком кругу, уточняя свадебный церемониал, а также будущие военные действия. Сделать это царь предпочел сейчас, пока поезд невесты находился в Вяземах. Ведь Марину сопровождали в виде особой чести два королевских посла —

Николай Олешницкий и Александр Гонсевский. А то, что говорилось в царских палатах, отнюдь не предназначалось для королевских ушей.

...Такого великолепия москвичи еще не видавали. Каждый, кто имел лошадь, был обязан выехать в восемь часов утра к Можайской дороге — пути следования царской невесты.

Сначала в сопровождении бояр вдоль живого коридора, образованного из стрельцов, одетых в красные кафтаны с белой перевязью, с бердышами и длинными пищалями в руках, проехали королевские послы. Через час, оставив послов, Петр Басманов во главе московской знати вернулся к великолепным шатрам, раскинутым у Поклонной горы, где ждал его поезд будущей царицы.

Церемониальное шествие началось! Впереди шли две роты польских стрелков-гайдуков, одетых в синие кафтаны с серебряными накладками и в шапках с белыми перьями. У каждого на плече — мушкет, а сбоку — турецкая сабля. Их знаменщик шел посредине, рядом с ним флейтисты и трубачи, издававшие изрядный шум.

Далее следовала польская конница. У каждого всадника — большой позолоченный турецкий щит с изображением дракона или змеи. Многие из лошадей венгерской породы были украшены крыльями и, казалось, не шли, а летели.

Потом дюжие конюхи провели на длинных золотых поводьях трех коней необыкновенной красоты, подаренных невесте царем. Хотя их стройные ноги были спутаны золотыми подвязками, они то и дело вставали на дыбы и ржали так, что пена стекала с золотых удиц. От ног и до половины крупа они были выкрашены в красный цвет.

Следом без строя следовала толпа польских дворян, одетых весьма вычурно. Кони многих из них также были выкрашены красной, оранжевой или желтой краской.

Наконец показалась огромная царская колымага, отделанная снаружи и изнутри золотом. Даже колеса ее были позолочены. Сиденье и стенки были обиты золотистой парчой. На сиденьях лежали пуховые подушки, унизанные жемчугом. Колымагу везли двенадцать белых с черными яблоками лошадей. Каждую из них вел конюх в синем платье.

Невеста была во французском платье с невиданными доселе в Москве модными фижмами, сшитом из бе-

лого атласа и усыпанном драгоценными камнями. Напротив сидели две графини, ее родственницы, а в ногах — маленький арабчонок, державший на цепочке ручную обезьяну.

Позади колымаги шла сотня трабантов Маржере, который ехал верхом чуть сбоку, а по бокам кареты вышагивали две сотни алебардщиков. Совсем вплотную к карете шли, по двое с каждой стороны, знатные бояре в тяжелых парчовых шубах и горлатных шапках в сопровождении слуг в зеленых бархатных ферязях и багряных, шитым золотом плащах.

За колымагой следовала московская знать в праздничных убранствах, далее дворяне, купцы и прочий московский люд.

Когда колымага с невестой, миновав Воскресенский мост и стену Китай-города, въехала на Красную площадь, с помоста, устроенного над воротами Никольской башни Кремля, грянул оркестр, составленный из флейтистов, трубачей и литаврщиков, создавший такую пронзительную какофонию звуков, что лошадей было трудно удержать.

В Кремле Марину с ее фрейлинами препроводили в Вознесенский монастырь, где ее встретила царица Марфа и отвела в специально приготовленные палаты, украшенные отнюдь не по монашескому чину. Юрий Мнишек со своими родственниками и слугами разместился во дворце, некогда принадлежавшем Годунову. Польские солдаты отправились в свои казармы, в Замоскворечье.

Дмитрий, который наблюдал за шествием со стороны, будучи в скромном платье горожанина, поспешил переодеться в царское одеяние, чтобы лицезреть любимую. Его пылкое нетерпение было столь велико, что графини, посмеиваясь, поспешили оставить жениха и невесту наедине.

На следующий день перед обедом придворные невесты были приглашены в Грановитую палату для представления государю. Бравые шляхтичи шли веселой гурьбой, с любопытством крутили головами, осматривая восточную роскошь дворца, не обращая внимания на строй неподвижно замерших дворян, одетых в одинаковые парчовые армяки и мохнатые шапки из чернобурых лисиц, отпускали весьма непочтительные замечания.

— Окошки-то какие маленькие!

— Зато ковры, поглядите, все турецкой работы!

Их ввели в большой, сумеречный из-за малого освещения зал с массивным столбом посередине, поддерживавшим сводчатый потолок. И сам столб, и стены, и потолок были расписаны золотом. Воевода Юрий Мнишек призвал своих придворных к молчанию. Однако они по-прежнему вертели головами, осматривая непривычную обстановку. Царь сидел на возвышении, к которому вели три ступени, обитые красным сукном. Сам трон, узкий и высокий, напомнил полякам, по словам одного из остроумцев, те кафедры, с которых профессора читают в европейских академиях. Над головой царя висела кисть с огромным красным камнем. Царь был одет в армяк, весь прошитый жемчугом. На голове корона в виде замка, усыпанная драгоценностями. Драгоценные перстни и на руках.

Бояре и духовенство смотрели на веселых, уже с утра подвыпивших панов в кургуzych одеждах угрюмо, с мрачной подозрительностью. Царь же, напротив, мило-стиво улыбался гостям. Юрий Мнишек передал дьяку Афанасию Власьеву список придворных. Каждый, кого выкликал дьяк, подходил к царю для целования руки, затем отступал к стене, давая проход следующему. Когда обряд рукоприкладства завершился, с речью к царю обратился гофмейстер царицы Мартын Стадницкий. Афанасий Власьев громко переводил цветистые фразы красноречивого поляка:

— Приятели и весь двор светлейшей девицы и супруги, нареченной вашего царского величества, приветствует устами моими ваше цесарское величество, прежде всего земной поклон отдавши господу богу, который пожелал ваше цесарское величество породнить с народом, мало разнящимся в языке и обычаях, равным силою, сердцем и жаждою к бою, от века славным в храбрости!

Покосившись на угрюмых бояр, Стадницкий с вызовом сказал:

— Если же кому кажется новшеством, что это из Польши, то господь бог уже от давних перемен в государстве вашего цесарского величества восславил эту свою волю: прадед или дед — не твердо держу это в памяти — имел в священном супружеском состоянии дочь Витольда. Да разве священной памяти отца вашего цесарского величества не Глинская родила? В какое же это время предкам из такой крови вашего цесарского величества жилось несчастливо?

Димитрий с потаенной усмешкой поглядел на насу-

пившихся бояр: ловко шляхтич ответил на их потаенную вражду к предстоящей свадьбе.

Стадницкий тем временем с пафосом продолжал:

— Итак, остается твердая надежда на счастливый, с божьей милостью, результат. Господь бог чудесным образом обратил сердце вашего цесарского величества к тому народу, с которым предки ваши роднились и ты сам благоизволишь породниться. Уже теперь погаснет та притворная дружба из сердец обоих народов. Уже то суровое, истинно нехристианское пролитие крови между нас престает. Уже, с божьим благословением, общие силы того и другого народов мы будем с успехом обращать против поганных, чего не только мы, но и все христианство с великим вожделением ожидает...

В упоминании об общих силах Дмитрий уловил намек хитроумного поляка на возможность объединения двух государств под одной державной рукой. По поручению государя Власев сказал несколько благодарственных слов, и гостей усадили на принесенные лавки возле стола.

Дьяк Григорий Микулин громогласно возвестил:

— Господа послы пресветлейшему и непобедимому самодержцу и великому государю Дмитрию Ивановичу, божьей милостью цесарю и великому князю всея Руси и иных татарских царств и иных многих государств Московской монархии принадлежащих, государю, царю и обладателю, пресветлейшего и великого господина Сигизмунда Третьего, божьей милостью короля польского и великого князя литовского и иных, послы Николай Олешницкий и Александр Гонсевский вашему императорскому величеству челом бьют.

При этих словах послы, сняв шапки, поклонились. Вперед вышел Олешницкий и произнес с достоинством, граничащим с вызовом:

— Пресветлейший и великий государь Сигизмунд Третий, божьей милостью король польский и великий князь литовский, русский, прусский, жмудский, мазовецкий, киевский, волынский, лифляндский, эстонский и иных, наследный король шведский, готский, вандальский, князь финляндский и иных, соизволил прислать нас, послов своих: меня, Николая Олешницкого из Олешницы, каштеляна малаговского, и господина Александра Корвина-Гонсевского, старосту вельможного, владетеля комузовского, дабы мы, именем его королевского величества, всемилостивого нашего государя, ва-

шему пресвятому государскому величеству, божьей милостью, великому государю и, — в этом месте посол сделал особое ударение, — **великому князю** Димитрию Ивановичу всея Руси, володимирскому, московскому, новгородскому, казанскому, астраханскому, киевскому, тверскому, югорскому, пермскому, вогульскому, болгарскому и иных, братский поклон учинили, здоровье вашего пресвятого государского величества уведали и оглядели и счастливого царствования на престоле предков вашего государского величества пожелали, приязнь и братскую любовь его королевского величества, государя нашего, вашему пресветлому государскому величеству объявили, на что и вверяющую грамоту дальнейшего посольства от его величества короля, премилостивого государя нашего вашему пресветлейшему государскому величеству вручаем!

С лица Димитрия внезапно слетела благостная улыбка, с которой он слушал приветствие. Нахмурившись, он резко повернулся к дьяку:

— Я не ослышался? Сигизмунд меня только великим князем называет? Или посол оговорился? Посмотри, как в грамоте записано.

Власьев, взяв протянутый ему Олешницким свиток, быстро пробежал его глазами, подошел к царю и негромко сказал:

— И в грамоте так — только великий князь.

Димитрий побелел от нанесенного ему оскорбления.

Он снял корону, повертел ее в руках перед послами и снова водрузил ее на голову.

— Не только князей и государей, но божьей милостью и королей мы имеем под собой, которые нам служат! Мы в этих полунощных странах не видим никого, равного нам в царствовании. И иметь не желаем, кроме господ бога, а затем — нас. Все монархи там императорским титулом нас наделяют, один король польский чинит нам в том умаление...

В сердцах Димитрий замахнулся скипетром так, что Олешницкий попятился. Однако, сохраняя достоинство, начал живо объяснять:

— Ваше пресветлейшее государское величество изволили справедливо заметить, что необычно монархам, сидя на престоле, в беседу с послами вступать. Но согласитесь, что и послам нарушать данную им инструкцию — тоже необычно. Однако ваше величество сам

изволит меня на то подвигнуть. Я — поляк, человек свободного народа, привык и говорить свободно. Вспомни сам или спроси у своих думских людей: какими титулами титуловались предки вашего величества? Не только их величества короли, государи наши, того императорского титула, который ты себе присвояешь, не имели, но и предки вашего величества никакого цесарства себе не присваивали!

— Мы знаем, какими титулами титуловались предки наши, и мы бы показали вам это на бумаге, только теперь не место! Но когда мы укажем своим думным боярам о том с вами говорить, они вам то укажут, и мы сами покажем вам! — уверенно парировал Димитрий. Его глаза гневно сверкали, и он с угрозой продолжал:— Когда польский король умалывает наши титулы, это не только нас, но и самого бога, все христианство должно оскорбить! Мы объявили себя польскому королю, что в нас он имеет соседа, имеет брата, имеет приятеля такого, какого корона польская еще не имела; а теперь нам приходится беречься от короля польского больше, чем от какого-либо отдаленного поганского монарха. Вижу, что замысел наш, который мы имели против поганных, придется обратить против польского короля. Свидетельствуем перед всемогущим господом богом, что не по нашей вине, а по вине польского короля может произойти пролитие христианской крови!

Бояре начали испуганно креститься, шепча друг другу: «Быть войне!»

Посол попытался сказать:

— Ваше величество благоволит знать, что его величество король царствует в вольной Речи Посполитой, в которой без согласия всех сословий ничего нового против прежних обычаев не вводится. Вопрос о ваших титулах должен рассматриваться на сейме. Я был на сейме всего один день, поэтому не знаю, как решилось дело.

— Зато я знаю, — проворчал государь, — чем сейм кончился. Знаю, что многие ваши вельможи советуют королю тех титулов нам не давать. Впрочем, нам не идет вступать с вами в многословные прения.

Наступила тягостная пауза. Неожиданно, нарушая этикет, к трону подскочил Юрий Мнишек, зашептал жарко царю в ухо:

— Если послы уедут, свадьба будет незаконной!

Удержи их, государь! Еще не время вступать в открытую ссору с Сигизмундом.

Димитрий хмуро кивнул головой, соглашаясь, потом прервал перепалку Власьева с послами:

— Господин Олешницкий! Спрашиваем мы вас, если бы от кого-то было послано к вам такое письмо, на котором бы не было вашего дворянского титула, принял бы ты его или нет? Однако мы, зная расположение ваше в бытность нашу в государствах его величества короля, зная также, что ты желаешь быть нам доброхотом, мы желаем почтить тебя в государствах наших не как посла, а как нашего приятеля. Ну же, подойди к нашей руке, но не как посол!

Царь протянул руку, но Олешницкий остался на месте, борясь с самим собой. Наконец он умоляюще произнес:

— Пресветлейший, милостивый государь! Я признателен за то благоволение, которое ты, ваше пресветлое государское величество, изволишь оказать. Но так как ты, ваше пресветлое государское величество, желаешь принять меня не как посла, я не могу этого сделать.

Димитрий, мгновенно сменивший гнев на милость, рассмеялся:

— Шут с тобой. Иди, целуй руку. Принимаю как посла.

Подошел целовать руку и Гонсевский. Затем Власьев тихо прошептал Димитрию королевское послание, затем тот так же негромко стал давать свои наставления. Затем дьяк вновь вышел вперед и громогласно объявил послам:

— Хотя такой грамоты, без титула его императорского величества, и не годилось бы принимать от польского короля, вашего государя, но теперь наступает акт свадьбы его величества императора, а на эту свадьбу король, государь ваш, прислал вас к императорскому величеству, по этой причине его императорское величество, отложивши на сторону обиду свою в недописании титулов его, принимает эту грамоту от короля, государя вашего, и вас, послов. Когда же вы воротитесь к королю, вашему государю, то скажите ему, чтобы он таких грамот с недописанием полного императорского титула посылать сюда не указывал, потому что его императорское величество то именно приказал вам передать, что на будущее время ни от короля, вашего государя, ни от кого другого никаких грамот без полного своего импе-

раторского титула принимать не укажет. Теперь приступайте к отправлению посольства.

Олешницкий, затем Гонсевский быстро, боясь, что царь вновь разгневется, отбарабанили заранее заученные речи. Дьяк снова вернулся к царю, выслушав его наставления, подошел к сидящим на креслах послам и произнес:

— Слово государевол

Послы встали.

— Николай и Александр! Говорили все на посольстве, что пресветлейший король польский Сигизмунд Третий дозволит ясновельможному Юрию Мнишеку, воеводе Сандомирскому, ясновельможную Марину, дочь его, к пресветлейшему и непобедимому самодержцу отводить, и она, ее величество, императрица божьей милостью, прибыла в добром здоровье, что императорское величество принимает с благодарностью от короля, господина вашего, и всей своею императорской милостью жаловать будет. А что ты, Александр, говорил, что пресветлейший Сигизмунд, король польский, вам, своим послам, указал — с думными императорского величества боярами о добром деле говорить, то его императорское величество, по своему императорскому милосердию охотно на то соизволивши, прикажет думным боярам в ответной палате с вами засесть и о государевых делах говорить.

Прием послов, казалось бы, завершился благополучно, однако царь не пригласил их, как обычно, к обеду, послав лишь в знак своей милости к ним на подворье сто блюд на золотой посуде, а также обильное количество напитков. Сам же отправился обедать в свой дворец в окружении польских офицеров. Переодевшись в костюм польского драгуна, он, уже не скрываясь, вел разговор о совместном выступлении против Сигизмунда.

Когда послы у крыльца ожидали, пока подадут их лошадей, Гонсевский, вроде бы невзначай, задержался возле полковника Маржере, вышедшего проводить гостей.

— Вы Якоб Маржере? — спросил он. — По-моему, я вас видел еще в свой первый приезд.

Тот кивнул головой, приняв слова посла лишь как проявление светской любезности. Гонсевский тем временем произнес негромко, но отчетливо:

— Вам передает привет Лев Иванович Сапега.

Маржере внутренне напрягся, однако внешне остался невозмутимым.

— Нам надо переговорить.

— Это опасно. Особенно сейчас.

— Хорошо, вы могли бы прислать кого-то?

— Помните голландского купца, что передавал мои письма?

— Такой разбитной малый?

— Это Исаак Масса. Он навестит вас вечером.

...Исаак Масса пребывал в дурном настроении. Он так рассчитывал подзаработать на царской свадьбе: ведь каждый вельможа захочет одеться понарядней. Однако, откуда не возьмись, налетели со всей Европы, как пчелы на мед, купцы с разнообразным товаром. Исаак Масса усердно ругал про себя легкомыслие государя, разрешившего беспощинную торговлю. В таких условиях его солидная голландская фирма по продаже шелка и сукна может разориться.

Горестные размышления юного негоданта прервались от звука твердых, уверенных шагов, присущих военным. Так и есть — в дверях лавки показалась знакомая высокая фигура в красном бархатном плаще.

— Господин полковник! Какая честь! — Исаак выскочил из-за длинного стола с тканями, склоняясь в поклоне, изящности исполнения которого явно мешало уже солидно намечавшееся брюшко купца, любившего сладко поест.

— Ладно, ладно! Какие церемонии между друзьями! — насмешливо отмахнулся Маржере, усаживаясь в кресло и вытянув длинные ноги в высоких сафьяновых сапогах.

— Брабантские кружева привезли, специально для вас! Они украсят ваше мужественное лицо, сделают его неотразимым при купидонских делах.

— Кружева — это хорошо! — рассеянно согласился Жак, оглядывая тем временем просторное помещение лавки.

Убедившись, что они одни, он вдруг весело взглянул на Массу:

— Что-то не густо идет торговля, а, Исаак? В городе суматоха, все, как с ума посходили, готовят наряды праздничные к свадебным торжествам, а у тебя пусто?

Исаак скорчил жалобную гримасу:

— С этими поляками понаехало столько купцов, со всех концов света.

— Не похоже на тебя, мой старый друг, чтобы ты так легко отступился. Где твоя всегдашняя ловкость и предприимчивость? — продолжал подсмеиваться в усы Жак.

— Что вы мне посоветуете?

— Помнится, ты учил меня русскому языку. Не так ли? Так вот, у русских есть хорошая поговорка «Как потопаешь, так и полопаешь!». Зачем же сиднем в лавке сидеть? Надо пройти по всем богатым дворам...

— Мои покупатели из знатных москвичей не спешат с приготовлением к свадьбе, говорят, пусть царь ода-ривает! А то он только к панам щедрый.

— А ты постучись в другие ворота!

— К полякам? — недоверчиво спросил Масса. — У них свои купцы.

Маржере решил, что пора говорить серьезно:

— Когда ты передавал мои письма Сапеге в Вильно, встречал ли ты в его замке некоего Гонсевского?

— Конечно!

— Узнаешь его в лицо, не перепутаешь?

Масса сделал обиженный вид:

— Как можно! Тем более я был в толпе, когда выезжали королевские послы. Он ехал вторым за паном Олешницким.

— Точно! — удовлетворенно кивнул Маржере. — Так вот, немедленно возьмешь несколько образцов тканей и пойдешь на посольский двор. Купца стрельцы впустят. Гонсевский тебя ждет, хочет передать мне что-то важное. Но в Кремль не ходи. Я сам зайду вечером за кружевами.

...Гонсевский принял купца, как только вышел из-за обеденного стола. Качество царских блюд, сытных, но однообразных, без столь любезных желудку шляхтича изысканных соусов, не способствовало улучшению его состояния, раздраженного исходом переговоров с царем. Морщась от изжоги, посол мрачно бросил:

— Ну, разворачивай, показывай свой московский товар.

— Это самые лучшие шелка, привезены нами из Лиона. А это добротное сукно делают английские ткачи. В платье из такой ткани не страшны самые лютые московские морозы, — певуче говорил Исаак, проглотив обидное замечание.

Староста шупал, мял ткани, пробовал их на разрыв,

косясь на торчавшего в дверях дворецкого, наконец сказал:

— Эй, Стас! Сходи за моей шкатулкой с деньгами. Да распорядись там, на кухне, чтобы сделали мне какой-нибудь напиток от изжоги.

— Моченая брусника помогает!

— Давай бруснику.

Только дворецкий удалился, Гонсевский отшвырнул ткань и устался на Массу. Того внутренне передернуло: «Такой убьет, глазом не моргнет. Суший разбойник! И глаза дьявольские — черные, а внутри огонь!»

— Передай французу — их королевское величество отвернуло свое милостивое лицо от Дмитрия!

— Что это значит? — спросил Исаак. — Что полковник должен сделать?

— Он должен об этом сказать князю Шуйскому.

— У полковника одна голова на плечах. Стоит ему только войти на подворье Шуйского, как ее не будет. Уж Басманов об этом позаботится.

— А ты сможешь? Ведь ты купец!

Масса хитро улыбнулся:

— Ваше сиятельство правильно сказал, что я только купец и хотел бы знать, сколько получу за эту услугу. Ведь одно — просто передать письма, а второе — самому участвовать, да еще неизвестно в чем.

Гонсевский поколебался, видимо, желание боролось с жадностью, наконец решил:

— Хорошо, если дело будет сделано, получите с француза сто тысяч флоринов. Но и, конечно, милость королевскую.

— Это значит — право на беспошлинную торговлю в польских и литовских землях?

— Безусловно!

— Хорошо, я согласен рискнуть своей башкой. Однако я человек простой и эзопов язык понимаю плохо. Пусть ваше сиятельство объяснит толком, в чем заключается дело и о чем говорить с Шуйским.

— Видать, без этого не обойтись.

Гонсевский подошел к двери, захлопнул ее поплотнее и приблизился к купцу, вновь взяв ткань из его рук.

— Шуйский сообщил с нарочным, что в Москве составлен заговор против Дмитрия. Просил, чтобы Сигизмунд не препятствовал и дал согласие в случае благополучного исхода, чтобы на русское царство пришел королевич Владислав. Так вот — король согласен.

Исаак напряженно слушал, потом натянуто засмеялся:

— Ничего не получится.

— Почему?

— Царский двор полон вооруженных поляков.

— Поляков я беру на себя.

— А триста головорезов Маржере?

— Маржере должен знать, что произойдет, если Димитрий узнает о его службе Сапеге.

— Значит?..

— Значит, в урочный час его с телохранителями не должно быть во дворце.

— Это невозможно! Царь не ложится, не проверив посты.

— Такие умные головы, как ваши, что-нибудь придумают. Скажи лучше, как ты попадешь к Шуйскому? Нужно, чтобы он тебе поверил. Это ведь очень хитрый царедворец. Тем более однажды его голова уже поконилась на плахе.

— Думаю, что со мной он будет откровенен, — самоуверенно заявил Масса.

— Поверит твоей хитрой роже? — хмыкнул Гонсевский и снова поморщился от изжоги.

— Я в хороших отношениях с одним отважным офицером из его свиты. Этот офицер был тяжело ранен под Кромами и только сейчас начал выходить из дому. Пока он болен, я помогал ему бальзамами. А главное, он во время болезни учился рисовать. И вот нарисовал мне подробный план Москвы. Подобного ему я не видел...

— И что же? — глаза Гонсевского хищно блеснули. — Где этот план?

— Этот план — у принца Оранского, моего государя. Да будет тебе известно, что его картографы — лучшие в мире.

— Постой, так...

— Да, офицер продал план мне, хотя и понимал, что очень рискует. Русские ведь очень подозрительны! Но сумма была так велика...

— Ясно. Значит, он полностью в твоей зависимости?

— Ну зачем так прямо? Просто он мне очень доверяет и беспрекословно окажет протекцию для визита к Шуйскому.

— Действуй. Сообщишь мне, когда заговорщики намерены выступить. Мой совет — сразу же после свадьбы, пока царь будет увлечен своими амурными делами.

Вечером, как и обещал, Маржере вновь был в лавке голландца. Его встретила жена, такая же маленькая и пухленькая, как и сам хозяин.

— Исаак еще не приходил! — сообщила она встревоженно. — Может, поляки пьяные напали? Вон как они буйствуют на улицах! Говорят, на одну боярыню напали, из колымаги вытащили, платье содрали, хотели надругаться, да стрельцы отбили.

Маржере, делая вид, что слушает болтовню женщины, тревожно думал: неужели купца схватили? Хотя Масса — такой осторожный и ловкий малый. Он было повернулся, чтобы уйти, как едва не столкнулся с вбежавшим в лавку запыхавшимся толстяком.

— Прошу извинить меня, господин полковник! Такая клиентура привередливая пошла. То не этак, то не так! Клара, приготовь бутылочку вина для нашего высокого покровителя! Мы пройдем в заднюю комнату, а ты побудь здесь!

Видно, что важные вести буквально переполняли негоцианта, и он буквально за руку потащил Маржере к двери, ведущей в семейную половину. Плюхнувшись за стол и сделав жадный глоток из венецианского бокала, он испуганно уставился на Маржере, причитая:

— Что будет, что будет!

Тот неторопливо цедил вино из своего кубка, бесстрастно глядя на взволнованное лицо визави.

— Хорошо, что я сам пришел сюда. Представляю, какой переполох ты бы учинил в казарме, если бы появился в таком виде!

— Заговор, боярский заговор! — выпалил Исаак.

— Я знаю, — столь же бесстрастно заметил Маржере. — Кто во главе?

— Шуйский, Голицын и Татищев. Я их застал всех вместе! Они очень обрадовались поддержке Сигизмунда...

— Это Гонсевский тебе сказал? — быстро спросил француз. — Так я и знал. Сегодня на приеме он вел себя вызывающе, будто вел дело к войне... Что он еще вел передать боярам?

— Что постарается, чтоб поляков не было, когда заговорщики придут в Кремль. Но еще больше их обрадовало, что не будет твоих алебардшиков...

Маржере вскочил, как выпрямленная пружина:

— Гонсевский выжил из ума! Я за Димитрия их всех уничтожу.

Масса опустил голову и печально вздохнул.

— Что ты вздыхаешь?

— Гонсевский предвидел и это. Он сказал: «Передай Маржере, что царь будет знать о его службе Сапеге!»

— Димитрий не поверит. Он меня любит!

— Гонсевский сказал, что у него есть твои письма. Те, что я отвозил в Литву.

Полковник плюхнулся, загремев шпагой, на лавку.

— Это ловушка. Что же мне делать?

— Хочешь дружеский совет? Тебе надо заболеть в этот день.

— Они же его убьют!

— Голицын сказал, что, если Димитрий докажет, что он царский сын, ни единого волоса не упадет с его головы. А если самозванец, отправят в монастырь. Так что придется Димитрию монашеский клобук носить до конца жизни.

— Ты не веришь, что он подлинный сын Ивана Жестокоего? — воззрился на купца Маржере.

— Не не верю, а точно знаю, — хитро улыбнулся Исаак.

— Каким образом?

— Вот на этом самом месте сидел недавно Басманов.

— Петр Басманов? — не поверил своим ушам Маржере.

— Представь себе, — не без самодовольства сказал Масса. — Не только полковники, но и ближние бояре не забывают бедного голландца. А уж такой щеголь, как Басманов, разве может обойтись без новых нарядов?

— Ну и что?

— Он любезно согласился попробовать нового заморского вина. Ром называется. Его наши моряки из Нового Света привозят. Крепче водки. Так вот, когда Басманов выпил изрядно, то начал меня было выспрашивать, нет ли каких слухов среди купцов о царе-батюшке. Я так осторожненько сказал, будто действительно ходят разговоры среди приезжих о самозванстве Димитрия. И он, видать, уже изрядно пьян, вдруг и говорит, что Димитрий не тот, за кого себя выдает. Но, деи, он наш государь, и мы все обязаны ему служить! Вот так-то!

— Может, он хотел тебя проверить? Веришь ты или нет? Басманов хитер! — возразил Маржере. — А я верю, что он царевич!

— Почему?

— Я много повидал государей разных. У Димитрия

властвовать — в крови. Так не может себя вести простой смертный.

— Значит, твоему Димитрию ничто не угрожает?

— Не верю я в клятвы бояр! — усомнился Маржере.

— А куда им деваться? — горячо заспорил Исаак. — Ведь они все присягали ему. Что они народу скажут?

— Они и Федору присягали. Тот же Голицын, который потом был среди его убийц.

— Среди заговорщиков не только Голицын. Есть и благородные люди, что не позволят...

Маржере с сомнением продолжал качать головой, затем поднес бокал ко рту, дрожащая рука выбила на зубах стеклянную дробь.

— Когда?

— В свадебную ночь. Хотя у них не все готово. Они ведут переговоры с новгородским войском. Воеводы Катырев и Бельский, недруги Димитрия, позаботились, чтоб в ополчение попали им недовольные. Шуйский тайно поехал к новгородцам. Они должны будут в ночь заговора поменять стрелецкие посты на всех воротах города и Кремля.

...Их императорские величества тем временем в беззаботном веселии спешили к свадьбе. Димитрий вновь и вновь щедро одаривал Марину и ее близких мехами и золотом, драгоценностями, искусными изделиями ювелиров. Он исполнял ее любую прихоть. Не понравилось капризной полячке искусство русских поваров — немедленно велел прислать в монастырь ее любимого повара, снабдив всеми самыми лучшими запасами для яств. Захотела проехаться по Москве на подаренных лошадях — разрешил, только попросил сделать это в ночное время, чтобы зря не волновать толпу.

Нетерпение заставило Димитрия сделать еще одну непоправимую ошибку — свадьбу он назначил на четверг, накануне николина дня. Бояре, обычно строптивые, на этот раз смолчали. Не к добру! Зато новгородцы по их навету уверились: точно, на троне — антихрист!

Затемно, при свете литых свечей, которые несли сто московских слуг, Марину перевезли в царские чертоги, а в час дня¹ по всей Москве затрещали колокола. Широко распахнулись тяжелые железные двустворчатые двери Фроловских ворот. Однако стрельцы пропу-

¹ Семь утра.

скали с выбором: только именитых бояр и дворян, польских панов со слугами да нарядно одетых купцов. Простолудье, тоже принарядившееся, напрасно толпилось на Красной площади, питаясь слухами.

— Слышь, сначала повели царя и царицу в Грановитую палату.

— А почему не в храм?

— Отец Федор, духовник царский, должен благословить корону царицы и бармы¹.

— А потом?

— Патриарх с митрополитами отнесет их в Успенский собор, где будет венчание...

Из Кремля донеслись пронзительные вопли труб и удары в барабаны.

Толпа заволновалась:

— Идут, идут!

Исаак Масса, пробившийся в первые ряды, крутил головой, жадно впитывая впечатления от красочного зрелища. Дорожка от Грановитой палаты до собора была устлана красным голландским сукном, которое продал предприимчивый негодник в казну. Поверх сукна в два полотнища была уложена сверкающая на солнце темно-коричневая турецкая парча.

Первыми прошли, построившись парами, стольники царя в парчовых длинных кафтанах с высоким, в три пальца, ожерельем и в ермолках, сплошь покрытых жемчугом. У всех лбы по случаю особо торжественного случая соскоблены до синевы. Все они были без оружия.

За ними шли четыре рыцаря в белых бархатных костюмах, опоясанные золотыми цепями и с массивными секирами на плечах. Великий мечник Михаил Скопин-Шуйский, одетый в парчовую шубу на соболях, шел перед царем, держа обеими руками длинный и широкий меч великих московских князей.

По обеим сторонам дорожки шли алебардщики Маржере, одетые в красные и фиолетовые костюмы с нарядной отделкой. А вот с крыльца спустился и сам царь в парчовом, вышитом жемчугом и сапфирами одеянии, с массивной короной на голове и со сверкающими бармами на плечах. Его поддерживали за руки королевский посол Олешницкий и конюший Федор Нагой. За ним шла царица, одетая по-московски, в парчовом, вышитом

¹ Барма — массивный воротник, опускающийся на плечи, с тремя кольцами драгоценностей.

жемчугом прямоугольном платье до лодыжек, из-под которого были видны подкованные червонные сапожки. Распущенные черные волосы струились до плеч и были украшены великолепным алмазным венцом. С правой стороны ее поддерживал отец, а с левой — княгиня Мстиславская, в атласном платье и золотом кокошнике, широкое лицо, согласно моде, было густо намазано белилами и румянами. За ними шли дамы государыни и жены именитых сановников.

У входа в собор царя и царицу встретил патриарх с митрополитами, благословил и подвел к иконам, перед которыми Димитрий и Марина били челом. Затем их подвели к высокому помосту, к которому вели двенадцать ступеней, обитых алым сукном. На помосте стояли три низких бархатных престола без поручней: черный — для патриарха, и красные — для молодых.

От помоста к алтарю в два ряда сидели владыки, облаченные в ризы. Под ноги священнослужители более низкого ранга подложили расшитые войлочные кружки. Через правый боковой вход ввели польских гостей, к которым присоединился и посол, проводивший царя к помосту. С ним Власьев вновь сыграл унижительную для гордого пана шутку. Когда при входе в храм он увидел, что все обнажают головы, он также, нехотя покоряясь православному обычаю, снял свою венгерскую шапочку с павлиньими перьями. Подошедший дьяк угодливо сказал:

— Дай, я подержу твою шапку.

Посол, который раздраженно крутил ее в руках, с облегчением отдал, а Власьев тут же незаметно передал ее слуге, велел вынести ее из храма. Когда начался заунывный молебен, заскучавший посол потребовал свою шапку назад. Власьев, крестясь, отвечал:

— Погляди вокруг! Видишь, здесь никто на голове не имеет шапки.

Свою злополучную магерку¹ он получил, лишь выйдя из церкви. Только тут ему Власьев объяснил, что сделал это специально, чтобы посол не смог надеть шапку в храме и тем самым проявить неуважение его цесарскому величеству.

Пышное действо тем временем продолжалось. После молебна, который одновременно вели несколько священников, нараспев читавших молитвы по книгам, из кото-

¹ Магерка — венгерская шапка.

рых поляки поняли лишь часто повторяемое речитивом «Господи помилуй», двое владык взяли корону, лежавшую на золотом подносе перед алтарем, и понесли ее патриарху, сидевшему на помосте. Благословив и окадив корону, патриарх возложил ее на голову царицы и, благословив ее самое, поцеловал в плечо. В свою очередь царица, склонив голову, поцеловала его в жемчужную митру.

Затем митрополиты попарно стали всходить на помост и благословляли царицу, касаясь двумя перстами ее чела и плеч крестом, затем целовали ее в плечо, та отвечала, касаясь губами митры. В том же порядке происходило облачение ее в бармы.

Снова молитвы, сопровождаемые пением псалмов. В конце обедни царь и царица сошли с помоста. Дмитрий встал сбоку, за свою форму, сделанную наподобие церковной кафедры, расписанную золотом, а Марину с ее фрейлинами провели за алтарь, где их от жарких взглядов гостей скрыл занавес. Среди поляков поднялся ропот:

— Что они собираются делать с нашей девицей?

— Ничего с вашей девицей не случится, — ответил подошедший Власьев. — Прошу вас, господа, покинуть храм, его цесарское величество уже вышел...

Поляки, поверившие хитроумному дьяку, послушно оставили храм и почувствовали себя обманутыми только тогда, когда железные двери за ними со звоном захлопнулись. Кто-то из горячих молодых людей начал было стучать в двери, но москвичи, окружившие храм, начали посмеиваться. Возможно, началась бы очередная драка подобно тем, что постоянно вспыхивали в эти дни на улицах Москвы, но колокольный перезвон возвестил об окончании брачной церемонии. Была она вполне невинна, однако царь почему-то не захотел лишних глаз. Жених и невеста стали перед патриархом, который, вновь благословив новобрачных, дал им по кусочку пресной лепешки, затем хрустальный бокал с вином. Царица, отпив из него, передала Дмитрию. Тот, допив, до дна, бросил бокал об пол. Но, упав на мягкое сукно, он остался невредим. Тогда патриарх, чтобы избежать дурной приметы, раздавил бокал каблуком на мелкие осколки.

Обратно шли во дворец тем же порядком. Не было только посла, взбешенного проделкой с его шапкой. Едва царь с царицей, теперь оба в коронах, показались из

церкви, Олешницкий, сухо попросившись, сел в свою карету и поспешил на посольский двор. Среди бояр, шедших за молодыми, слышался неодобрительный ропот. Оказывается, Дмитрий грубо нарушил обряд, не пойдя в алтарь за причастием. Не причащалась и царица, что вновь породило подозрение бояр в нежелании ее быть православной. Не улучшил их настроения и град золотых монет, которые бросал Власьев через головы молодых на толпу придворных. Монеты, специально отчеканенные к этому дню, на одной стороне изображали особу императора до пояса с мечом в руке, на другой — двуглавый орел, в груди которого находился единорог, вокруг по-русски написанный императорский титул.

Молодых проводили в опочивальню, сообщив, что свадебный обед состоится на следующий день в Золотой палате, что также вызвало неудовольствие среди ревнителей старых порядков: устраивать праздник в день поста — это ли не грех!

Весь следующий день на площади перед дворцом беспрерывно трубили в трубы тридцать трубачей, били в барабаны пятьдесят барабанщиков, звонил самый большой колокол на Ивановской площади, язык которого дергали двадцать четыре звонаря.

Обед начался поздно. Приглашенные вошли в Золотой зал лишь в первом часу ночи¹. Причиной задержки явилось пребывание царя и царицы в бане, что являлось неременным условием русской брачной церемонии. Вход гостей заstopорился из-за конфликта дьяка Грамотина с польским послом. Тот, памятуя о той чести, которую оказал Сигизмунд Афанасию Власьеву, усадив его во время пира по поводу обручения Марины за один стол с собой, потребовал подобной чести и для себя. Маржере, встретивший со своими алебардщиками гостей в просторных сенях, видел, как растерялся дьяк и побежал, видимо, советоваться с Власьевым. Тот вскоре вышел, круглое лицо его выражало надменность.

— Их цесарское величество велели сказать, что даже если бы сам римский император приехал бы на его свадьбу, то все равно сидел бы за отдельным столом!

— Но их величество король не погнушался и посадил тебя с собою рядом!

— Их цесарское величество, — невозмутимо парировал дьяк, изволило сказать, что Сигизмунд поступил

¹ В первом часу ночи — шесть часов вечера.

совершенно правильно, оказывая уважение в моем лице непобедимому императору. А ты всего лишь посланник короля.

Взбешенный Олешницкий, не желая больше унижать свою гордость, повернул к выходу, расталкивая остальных гостей. Гневливый его взгляд встретился с глазами полковника. Нахмурившись, посол выразительно поглядел на шпагу Маржере, мимикой требуя от него незамедлительных действий. Маржере слегка пожал плечами, показывая, что сигнала до сих пор не последовало. Тут, кстати, подвернулся и Исаак Масса, шедший в толпе приглашенных иноземных купцов. Протиснувшись к полковнику и якобы разглядывая золотую посуду, выставленную на двух столах вдоль стен, шепнул:

— Они еще не готовы. Скорее всего — дня через три-четыре.

В зале, расписанном золотом, что и послужило его названию — Золотая палата, на помосте, к которому вели три ступени, перед большим, в пять локтей¹, столом стояли тронные кресла — для царя побольше, для царицы поменьше.

Двадцатичетырехлетний царь и восемнадцатилетняя царица, и так невысокие ростом, казались, сидя в огромных креслах, совершенными детьми. Ноги их болтались, не доставая до пола. Сердце Маржере сжалось при мысли о заговоре: «Как агнцы при заклании!» Но нет, никакой тени предчувствия беды не набегало на их надменные лица! Напротив, царь сделал повелительный жест приблизиться Димитрию Шуйскому; когда тот подошел, молча указал ему на свои болтающиеся ноги. Раболепно кланяясь и едва не целуя сапожки царя, Шуйский бережно уставил его ноги на принесенную специальную скамеечку. Такую же процедуру с царицей проделала княгиня Мстиславская. А Димитрий улыбался, победно поглядывая на поляков: «Видите, в каком страхе и раболепстве держу я своих бояр!»

После того как трое священников прочитали свои молитвы над царем и царицей и окропили их святой водой, настал черед стольников. В парчовых, подаренных царем, кафтанах, опоясанные золотыми цепями, в шапках из чернобурых лис, они вышли из сеней парами, подошли к огромному, до самого потолка, буфету, стоявшему у столба, поддерживающего своды. Весь буфет

¹ Один локоть — один метр двадцать сантиметров.

был наполнен золотой посудой, которая была вынесена стольниками в сени.

Затем четверо из них вернулись, неся золотые миски с хлебом, заранее наломанным ломтями, и встали возле царского стола. Настал черед двоих кравчих, которые разносили куски хлеба каждому из гостей по степени значимости, громко провозглашая, кому хлеб предназначен:

— Царь, великий князь пожаловал тебе — Федор Иванович Мстиславский!

Пожалованный вставал, брал кусок хлеба и бил челом государю. Сидевшие вокруг били челом пожалованному, желая ему любви государевой, он бил челом в ответ каждому из сидящих.

Когда хлеб был роздан, дошла очередь до кушаний, которые вносили стольники попарно, обходя гостей. Поскольку день был постный, все блюда были рыбные, в основном из осетра, белуги и судака, крепко просоленных и тем не менее с душком. Поляки морщились от запаха, а русские искренне удивлялись, поскольку свежую рыбу недолюбливали. Рыба подавалась в вареном и жареном виде, обильно сдобренная медом и шафраном, а также в виде желтоватых студней и облепленная тестом, как паштеты. Поскольку тарелок и вилок не было, рыбу брали из мисок прямо руками, бросая кости на скатерть или обратно в миски. Благовоспитанные поляки сделали себе импровизированные тарелки из кусков хлеба.

Напитки подавались в золотых чарках, часто и по всем столам. Сначала — это была водка, ее сменили венгерское вино и мальвазия, канарское и французское вино. Стояли на столах братины с различными медами и пивом. Сам царь пил из небольшой хрустальной рюмки и очень понемногу. Однако гостей потчевал. Каждый из приглашенных подходил к нему и выпивал из золотой чарки, поданной царем.

Обед шел несколько часов, по навсегда заведенному церемониалу. Хотя было выпито много, веселья не было. Вдобавок воевода сандомирский вдруг почувствовал себя плохо и досрочно уехал домой. Царь, а особенно царица тоже тяготились скучным ритуалом. К концу обеда перед государем были поставлены два подноса с квашеными сливами. Снова к нему подходили попарно стольники, и каждого Димитрий одаривал в благодарность за хорошую службу. Некоторые съедали тут же,

другие оставляли для дома, чтобы похвалиться перед женой и детьми милостью государевой. В одном из стольников царь узнал Дмитрия Пожарского.

— А, удалец! Не скучаешь по воинской потехе?

— Скучно, ваше величество.

— Ну, ничего. Скоро попробуем в деле вот этих молодцов! — улыбнулся царь, показывая на польских офицеров. — На недолго всех вас освобождаю от службы во дворце, готовьтесь как следует!

Приподнявшись и опершись на стол, Дмитрий стал потчевать на прощание своих думных бояр, протягивая каждому чарку с водкой. Наконец снова появились священники, и после молитвы царь с царицей в сопровождении гостей отправились в свои покои. Здесь москвичи простились с царем, а полякам Дмитрий дал знак отстать. Велел принести вина и пригласить музыкантов. Страхнув с себя скуку официального обеда, царь стал необыкновенно оживлен и остроумен. Двигаясь по залу от одной группы поляков к другой с неизменной рюмкой из горного хрусталя, предлагал выпить за торжество Гименея.

Внезапно он прислушался к какому-то неясному шуму, шедшему из сеней.

— Там кто?

— Твои телохранители и наши солдаты, — ответил Доморацкий.

— Хлопцы скучают, а господа веселятся, нехорошо. Надо, как на поле брани — все поровну!

Он вышел в сени:

— Эй, парни! Вы должны выпить за здоровье императора и императрицы.

По его приказу солдатам и алебардщикам вынесли золотые кубки с вином, которые те стали быстро поглощать с бурными изъявлениями восторга.

На общем фоне смеющихся и орущих рож Дмитрий заметил одно угрюмое, принадлежащее его полковнику.

— Мой верный Жак! — воскликнул царь, поднося ему бокал. — Ты что, не рад счастью своего государя?

Маржере, обычно умеющий владеть своим настроением, при виде пышущего весельем молодого лица, побледнел еще более:

— Что-то мне нехорошо, сир. Наверное, на обеде съел что-нибудь...

— А может, перепил? — лукаво спросил царь, —

Впрочем, на тебя это не похоже... А может, никак не переживешь удара, который тебе нанес князь Пожарский.

Глаза Маржере бешено блеснули:

— Я еще посчитаюсь с этим мужланом!

— Вот этого как раз не надо. Такие рыцари мне нужны для настоящей войны!

Царь поглядел пытливо снизу вверх на осунувшееся лицо француза.

— Тебе действительно нужно полечиться, мой верный Жак. Завтра я пришлю к тебе лекаря домой.

— А как же охрана? — со страхом спросил Маржере, видя, что беспечность государя ведет его к пропасти.

— Твои алебардщики на что? Впрочем, и они в таком количестве сейчас не нужны, когда торжества закончились. Для охраны шести дверей достаточно человек двадцать — тридцать. Отправляйся в постель, Жак, и восстанавливай силы. Через недельку мы проведем с гусарами учения, а там, глядишь, и в поход!

Услышавшие эти слова конюхи тут же передали их боярам, и по Москве пополз слух, деи царь собирается с помощью польских наемников уничтожить всю московскую знать. А польские паны, расходясь из Кремля, в подпитии задирали горожан, приставали к женщинам и тем самым обильно удобряли почву для этих слухов. Наутро Басманов докладывал Димитрию о челобитных москвичей с жалобами на бесчинство поляков.

Царь недовольно хмурился, слушая доклад, наконец приказал:

— Прими меры по охране стрельцами польских подворий. Народ надо успокоить.

Однако неприятные новости в это утро не кончились. Появился Юрий Мнишек.

— Как, батюшка, себя чувствуешь? — приветствовал его Димитрий. — Как твоя подагра, получше?

Полное лицо воеводы было багровым от волнения, голубые глаза смотрели испуганно.

— Ваше цесарское величество! Я же предупреждал, будь с послами поласковей!

— Дело сделано — брак заключен! — беспечно рассмеялся Димитрий. — Зачем же метать бисер перед свиньями?

— Послы в гневе собираются покинуть двор! А это значит — война!

— Так и я этого хочу! — жестко стиснул зубы Димитрий.

— Надо потянуть! — настаивал воевода. — Мы должны послать гонцов к Николаю Зебржидовскому, а главное — к Сапеге. Уверен, что, узнав о благополучном бракосочетании и о том, какая сила на твоей стороне, он перейдет в наш стан. Тогда Сигизмунда мы отправим в Швецию, в объятия его дяди. Но надо выиграть время.

— Каким образом?

— Пригласи послов снова на обед.

— Но Олешницкий опять потребует, чтобы я усадил его за свой стол!

— Уступи!

— Ни за что! — вспыхнул Димитрий.

Однако обычное его хитроумие победило вспыльчивость.

— Давай сделаем так: я посажу Олешницкого рядом с собой, но за отдельный от других гостей столик.

...Жак де Маржере крутился на своей постели, обураваемый противоречивыми чувствами. Только что забежал к нему шустрый Исаак Масса. Хитро кося глазом то на медальный профиль brave француз, утопающий в пышной подушке, то на его ординарца Фрица, возившегося с отваром для больного, тараторил скороговоркой о своих проблемах.

— А что в городе слышно? — спросил его Маржере.

— Ничего, — торопливо ответил Масса. — Тишина полная...

— А во дворце?

— Там веселятся. Царица собирается устроить маскарад на европейский лад, готовит забавные маски...

Когда он упорхнул, Маржере предался тревожным раздумьям. Предупредить царя! Но как? Если это сделает он сам и об этом узнает Гонсевский, головы ему не сносить...

Бал прошел весело, хотя во время танцев произошел инцидент. Когда царь приветствовал Олешницкого, он заверил его, что в этот вечер в зале не будет ни императора, ни королевского посла. Однако когда в танце посол, проходя мимо Димитрия, осмелился не снять шапку, тот в ярости закричал Бучинскому:

— Скажи всем: кто не будет снимать передо мной шапку, останется без головы!

Посол понял, что вызвало ярость государя, и с усмешкой заметил:

— Посла здесь сегодня действительно нет, а государь есть!

Придя же домой, немедленно послал своего верного Стаса к Исааку Массе. Тот поднял трясущегося купца с постели и сказал всего четыре слова:

— Мой господин говорит — завтра!

Наутро Мнишек, решивший справиться о здоровье посла, встретил у посольского двора камердинера Гонсевского, отправившегося на рынок за покупками. Взяв лошадь воеводы за узды и якобы приветствуя его, Стас тихо сказал:

— Сегодня вечером царя хотят убить.

— Что ты мелешь?! — вскричал Мнишек, хватаясь за саблю.

— Я слышал, как один купец говорил моему господину. Но умоляю не спрашивать больше ни о чем! Иначе мне не жить. Предупредите государя — пусть будет осторожен.

«Гонсевский не из тех, кто любит попугать!» — подумал Мнишек и решительно повернул коня назад.

— Ваше величество! Вас хотят убить! — вскричал он взволнованно, едва вбежав в опочивальню.

— Когда? — спокойно спросил Дмитрий, отрываясь от письма, которое он набрасывал для Льва Сапеги.

— Сегодня вечером! Вы должны принять немедленные меры.

— Батюшка, не верьте слугам! — так же спокойно продолжал улыбаться Дмитрий, не кладя пера. — Вы, увы, уже не первый, кто сообщает мне о заговоре. Сначала мой телохранитель, потом Стадницкий на балу вдруг стал нашептывать про это. Теперь вы, батюшка. А когда я начинаю выведывать, кто же именно в заговоре против меня, ничего сказать не могут. Вот вы, батюшка, знаете, кто умыслил меня убить, тем более не позднее, чем сегодня вечером?

— Не знаю, — растерянно ответил Мнишек.

— Вот видите! — торжествующе рассмеялся Дмитрий. — Откуда такие страхи? Вы ведь видите отлично, что народ меня боготворит. Меня окружают верные войска! Надо не о заговорщиках каких-то думать, а к войне готовиться. Сядьте лучше и помогите мне составить письмо для Сапеги. Медлить больше нельзя!..

Инстинкт старого воина рождал в Маржере чувство острой тревоги. Уж слишком тихим был этот субботний

вечер. Не слышно на арбатских улочках ни пьяных криков, ни конского топота.

— Такое затишье бывает перед грозой, — пробормотал он, поглядывая в небольшое окно, потом негромко позвал: — Фриц!

Юноша, находившийся в прихожей, появился в дверном проеме.

— Еще отвару, господин полковник?

— Спасибо, Фриц. Я чувствую себя лучше, видишь, даже встал с постели.

— Слава тебе господи!

— Кто сегодня ведет караул?

— Кнаустон.

— Сколько с ним алебардщиков?

— Как ты приказал — тридцать.

Маржере помедлил, пытливо оглядывая широкоплечего парня.

— Фриц, ты доказал свою доблесть и преданность в битве под Добрыничами, когда отвел от меня удар палаша польского драгуна.

Юноша гордо выпрямился:

— Род Фирстенбергов привычен к военному ремеслу.

— Да, ты молодец. Я горжусь тобой, как был бы я твоим отцом.

— Спасибо, господин полковник.

— Вот что, Фриц! — внушительно, как о хорошо продуманном, сказал Маржере, положив свою тяжелую руку воина на плечо юноши. — Ты сегодня тоже возьмешь алебарду.

Фирстенберг удивленно посмотрел на него.

— Да, да, так нужно... Какое-то у меня тревожное чувство. Как бы чего не произошло с государем. Скажешь капитану, чтобы поставил тебя у дверей в опочивальню. Даже мышь не должна проникнуть к его императорскому величеству.

Ночь, вопреки опасениям Маржере, прошла спокойно. Но в восемь утра со стороны Кремля вдруг раздался набатный колокольный звон. Потом раздались яростные крики толпы, сопровождаемые оружейными выстрелами. Маржере, не выдержав, выскочил на улицу и увидел, что к нему бегут его алебардщики без алебард, в разорванных камзолах, с испуганными лицами. Они остановились возле командира с воплями:

— Беда, беда! Заговорщики!

— Где Кнаустон? Почему вы бежали?

— Кнаустон — первый, кто крикнул: «Бегите, пока не поздно! Царь убит!»

— Убит?! — недоверчиво переспросил Маржере. — Или захвачен в плен?

— Убит! — услышал он мрачный ответ.

Обернувшись, увидел Кнаустона верхом на чужой лошади, с окровавленной шпагой в руке.

— Почему, капитан, вы не выполнили свой долг? — грозно загредел Маржере. — Вы должны были умереть, но не пропустить заговорщиков.

Кнаустон не торопясь спешился и засунул шпагу в ножны. С кривой ухмылкой взглянул на своего полковника.

— Я смотрю, стоило государю отдать богу душу, как ты поправился, Якоб? Тебе ли упрекать меня в трусости? Ты получишь польские злотые, а мне предоставил право умереть за царя? Хорошо, что у нас оказался общий советник...

— Кто?

— Забыл? Гонсевский! Он-то намерен и шепнул мне, чтобы я не совался не в свое дело. Зачем же мне умирать в бедности, когда можно жить с потяжелевшим карманом?

— Подожди! — прервал Маржере зубоскальство капитана. — А где мой Фриц? Ты его видел?

— Боюсь, что Фирстенберга нет в живых, — покачал головой капитан. — А ведь говорил этому мальчишке — беги, пока не поздно.

Маржере, вырвав из рук капитана уздечку, вскочил на коня.

— Ты куда? Там действительно идет толпа...

— Я должен найти Фрица, он погиб по моей вине...

Дворец Димитрия уже охраняли слуги бояр, не пуская чернь внутрь. Маржере спешился и, решительно оттолкнув стражу, прошел в покои, где были видны следы борьбы и крови. Пройдя к царской опочивальне, споткнулся о чьи-то ноги. Быстро нагнувшись, обнаружил труп какого-то русского дворянина. Неожиданно услышал стон из темного угла за печкой, шагнул туда. Это лежал окровавленный Фирстенберг. Маржере бережно приподнял ему голову.

— Куда тебя?

— В живот из пищили, — простонал юноша. — Дай мне попить, — прохрипел умирающий.

Маржере отрицательно мотнул головой.

— Если ты ранен в живот, пить нельзя. Потерпи. Расскажи, если можешь, как это случилось?

— Утром, когда зазвонили, царь вышел из спальни, спросил, что случилось. Стрелецкий голова сказал, что пожар. Царь и Басманов ушли снова к себе. В это время я заметил человека, крадущегося вдоль стены с длинным ножом в руке, и поднял тревогу. Мы с Басмановым схватили его. Он признался, что зовут его Тимофеем Осиповым, его подослал Шуйский убить царя. Басманов пристрелил его и выскочил на крыльцо, чтобы позвать на помощь, но было уже поздно. Весь двор был запружен новгородскими стрельцами. Они ночью тайно поменяли все караулы московских стрельцов. Говорили, что царь отпускает их выпить за свое здоровье... Пить!

— Потерпи, мой Фриц. Сейчас я отвезу тебя домой. Так царя убили? Это точно?

— Я видел его труп. Сначала застрелили Басманова, а царь высунулся из окна и крикнул: «Меня не возьмете, я вам — не Борис!» Те начали пальбу, наши ребята бросились врассыпную, а Димитрий перебежал на половину царицы, оттуда хотел выпрыгнуть следом за своим Мишкой Молчановым, который ждал его у конюшни, чтобы ускакать.

— А где был ты?

— Когда император убежал, охранять мне было уже некого, а сюда уже прибежали бояре, самые знатные — Шуйские, Голицыны, Татищев, Татев... Это они, они погубили императора! — зашептал жарко Фирстенберг. — Я спрятался за печкой и все слышал. Сначала кричали, что государь скрылся. И вроде бы все стихло. Потом снова раздались крики: «Поймали! Поймали!» Его нашли под окнами дворца со сломанной ногой. Прыгнул, но неудачно. Здесь, в этой комнате, на него набросились бояре: «Скажи, кто ты такой?» Император мужественно держался до конца. Он говорил: «Спросите у моей матери!» Шуйский кричал: «Она говорит, что ты не ее сын! Ты — самозванец! Расстрига! Мы дознались, что ты бежал по монастырям вместе с Гришкой Отрепьевым и Варлаамом Слуцким! Варлаам сейчас в Москве, он подтвердит!» И вдруг император ясным звонким голосом сказал: «Так знайте же! Я действительно не Димитрий угличский! Но я — истинный царевич! Я вам открою свою тайну!»

Умирающий застонал.

— Какую тайну? — похлопал его по щеке Маржере.

— Я этого уже не услышал. Я неосторожно высунулся из-за печи, и кто-то, меня заметив, крикнул: «Нас слышит немец!» Что-то ударило меня в живот, и я потерял сознание. Очнулся — уже никого нет. А потом — ты!

Весь день по Москве раздавались пальба, торжествующие крики толпы и жалобные стенания жертв. На следующий день шум стих, везде на крестцах встали караулы стрельцов. В доме, где жил Маржере, появился Исаак Масса.

— Тебя пропустили? — удивился хозяин.

— Да, я сказал, что пользуюсь особым расположением Василия Шуйского. Этого достаточно. Ведь он завтра венчается на царство.

— Василий Шуйский? Этот плюгавый старик?

— Это страшный по своему вероломству человек, — зашептал Исаак. — Ты помнишь, что Димитрий помиловал его в свое время? А что он сделал с Димитрием?

— Что? — Маржере приподнялся на постели.

— Я сейчас был на Красной площади! Более страшного надругательства я еще не встречал. Его, голого, облитого нечистотами, бросили на торговый прилавок, одев на лицо маску. Привязали один конец веревки к его детородным органам, а другой — к ноге Петра Басманова, который, тоже совсем обнаженный, лежит под прилавком!

— Жаль мне государя! — вздохнул Маржере. — Но что я мог сделать? Как послы? Конечно торжествуют?

— Вероломный Шуйский и их оставил в дураках! — возбужденно продолжал Масса. — Напрасно они ждали от него благородства. Он приказал оцепить тройной цепью охраны посольский двор, а также дворы Мнишека и Вишневецкого. Более пятисот поляков, тех, что жили по отдельным дворам, перебиты. Так что воздадим господа хвалу, что мы сами еще живы!

СОДЕРЖАНИЕ

Дмитрий ЕВДОКИМОВ

«ВОЕВОДА».

Исторический роман

Часть первая	
Господин великий голод	3
Часть вторая	
«Император Деметриус»	85

Дмитрий Валентинович ЕВДОКИМОВ

ВОЕВОДА

Исторический роман

Главный редактор **Л. ГОЛОВНЕВ**

Редактор **Г. Ильина**

Художник **М. Буткин**

Художественный редактор **В. Иванов**

Технический редактор **С. Чернышова**

Адрес редакции 123831. Москва, ГСП, Хорошевское шоссе, 32а,
Сдано в набор 11.10.90 г. Подписано в печать 01.11.90 г.
Формат 70×108/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 9,1. Усл. кр.-отт. 8,72.
Тираж 75 000 экз. Изд. № П/5692. Зак. 159. Цена 30 коп.

ISBN 5—203—01080—3

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство Министерства обороны СССР
103160, Москва, К-160.

1-я типография Воениздата.
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова дом 3

Дмитрий Валентинович ЕВДОКИМОВ родился в 1937 году на Урале в семье учителя. С 1954 года вся его жизнь связана с Москвой. Здесь в 1959 году он окончил Московский государственный историко-архивный институт. Журналистскую работу начал сотрудником многотиражной газеты Подольского завода швейных машин.

С 1970 года находился на ответственной работе в Московском областном комитете КПСС. С 1977 года вновь вернулся к творческой деятельности. Жизненные наблюдения, встречи с интересными людьми послужили материалом для его рассказов и повестей. Первая книга «Мой завод» рассказывает об истории завода Зингера и его замечательных людях.

Важное место в творчестве писателя Д. Евдокимова заняла трилогия, состоящая из повестей «Ромкина целина», «Микромайоры», «Добрые времена». Повести во многом автобиографичны, имеют своей целью передать социальный портрет молодежи шестидесятых годов.

Будучи историком по профессии, Д. Евдокимов постоянно внимание в своем творчестве уделяет отечественной истории. Его повести «За давностью лет», «Шуйский против Шуйского», «Похождения российского Картуша» рассказывают о том, как молодые люди нашего времени, движимые любовью к истории, разгадывают загадки прошлого.

Исторический роман «Воевода» посвящен событиям смутного времени начала XVII столетия. Главный герой романа — полководец Дмитрий Пожарский, возглавивший народную войну против польско-шведской интервенции и добившийся блистательных побед.

В первой части романа рассказывается о становлении юного воина.

Дмитрий Евдокимов — член Союза писателей СССР, заслуженный работник культуры РСФСР.